

Biblioteka im. Hieronima
Łopacińskiego w Lublinie

18495 | v

ПРИХОДСКАЯ **Б**ИБЛИОТЕКА

453

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

(ПРИРОДА СТРАНЫ, НАСЕЛЕНИЕ И ЕГО ПРОМЫСЛЫ).

СБОРНИКЪ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

Томъ V.

ОЧЕРКИ МАЛОРОССІИ.

РЕДАКЦІЯ

В. И. Шемякина.

ЕТЕРБУРГЪ.

Комарова. Невскій, № 136.

1896.

18195

V. P. im. L.

1000084398

Выпускъ I.

	Коп.
1. Псалтирь съ толкованіемъ для народнаго чтенія. I. «Шестопсалміе и богослужебные часы»	30
2. Святыя мѣста и святыни на Востокѣ и въ Россіи. Томъ I.	30
3. Москва, ея святыни и памятники. Избранныя статьи по описанію Москвы	30
4. Псалтырникъ. Повѣсть изъ галицко-русской народной жизни о. Іоанна Наумовича	20
5. Четыре путеодителя доброй жизни: страхъ Божій, мудрость, трезвость, трудъ. Разсказъ о. Іоанна Наумовича. Съ галицко-русскаго нарѣчія переложилъ А. Давидовичъ	20
6. Сироты. Историческая повѣсть для народа о. Іоанна Наумовича. Съ галицко-русскаго нарѣчія переложилъ А. Давидовичъ	20
7. Завѣтныя три липы. Историческая повѣсть для народа о. Іоанна Наумовича. Съ галицко-русскаго нарѣчія переложилъ А. Давидовичъ	20
8. Избранныя сочиненія А. С. Пушкина. Томъ I.	35
9. Басни и баснописцы. Съ жизнеописаніями и примѣчаніями А. Филонова	25
10. Народная поэзія. Былины, пѣсни, духовные стихи. Съ введеніемъ и объяснительнымъ словаремъ. Составилъ А. Оксеновъ	30
11. Русская земля (природа страны, населеніе и его промыслы). Сборникъ для народнаго чтенія. Томъ I. Сѣверный край. Составилъ И. Поддубный.	30
12. Сельскій огородъ, плодовый и ягодный садъ. Составилъ В. Н. Маракуевъ	30

Выпускъ II.

1. Ученіе отцовъ Церкви православной о вѣрѣ и жизни христіанской (Статьи, избранныя изъ твореній отеческихъ). Томъ I. Проф. В. Θ. Пѣвницкаго	30
2. Псалтирь съ толкованіемъ для народнаго чтенія. Томъ II.	30
3. Святыя мѣста и святыни на Востокѣ и въ Россіи. Томъ II. Составилъ П. Петрушевскій.	30
4. Во славу Божію. Сборникъ духовныхъ стихотвореній. Составилъ А. Оксеновъ	30
5. Главнѣйшія событія русской исторіи. Томъ I. Составилъ А. Поповъ.	30
6. Подвижники и страдальцы за землю русскую. Составилъ священникъ Еддинскій	30
7. Преподобный Сергій Радонежскій чудотворецъ	30

ПРИХОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА

453

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

(ПРИРОДА СТРАНЫ, НАСЕЛЕНИЕ И ЕГО ПРОМЫСЛЫ).

СБОРНИКЪ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

Томъ V.

2852314
166413

ОЧЕРКИ МАЛОРОСИИ.

РЕДАКЦІЯ

В. И. Шемакина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. В. Комарова. Невскій, № 136.

1896.

324100 15

910.4 (47+57)

У К Р А Й Н А.

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра;
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонуть хutora,
Среди садовъ деревья гнутса долу,
И до земли висить ихъ плодъ тяжелый?

Шумя тростникъ надъ озеромъ трепещеть,
И чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ,
Косарь поетъ, коса звенить и блещеть,
Вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,
И къ облакамъ, клубяся надъ водою,
Бѣжитъ дымокъ синѣющей струею?

Туда, туда всѣмъ сердцемъ я стремлюся,
Туда, гдѣ сердцу такъ легко,
Гдѣ изъ цвѣтовъ плететь вѣнокъ Маруся,
О старинѣ поетъ слѣпой Грицько,
И парубки, кружась на пашиѣ гладкой,
Взрываютъ пылъ веселою присядкой...

Ты знаешь край, гдѣ нивы золотыя
Испещрены лазурью васильковъ,
Среди степей курганъ времянь Батыя,
Вдали—стада пасущихся воловъ,

Обозовъ скрипъ, ковры цвѣтущей гречи,
И вы, чубы, остатки славной Сѣчи! *)
Ты знаешь край, гдѣ утромъ въ воскресенье,
Когда росой подсолнечникъ блеститъ
Такъ звонко льется жаворонковъ пѣнье,
Стада блеять, а колоколъ гудитъ
И въ Божій храмъ, увѣнчаны цвѣтами,
Идутъ казачки пестрыми толпами?..

Гр. А. Толстой.

*) „Запорожскою Сѣчью“ называлось товарищество воинственныхъ козаковъ старыхъ временъ; они брили всю голову, оставляя на макушкѣ лишь одну прядь волосъ, которая называлась „чубомъ“.

Природа Малороссіи.

1. Устройство поверхности и почва Малороссіи.

Подъ именемъ Малороссіи разумѣется область на югѣ Россіи, сплошь населенная малороссами и обнимающая слѣдующія мѣстности: губерніи—Полтавскую, Харьковскую, Кіевскую, Волынскую и Подольскую, часть Черниговской (къ югу отъ рѣки Десны), часть Курской (къ югу отъ рѣки Сейма), часть Воронежской (къ Западу отъ рѣки Дона), Екатеринославской и Херсонской.

Пространство Малороссіи въ точности опредѣлить трудно. Приблизительно оно составляетъ 10,670 квадратныхъ географическихъ миль.

Всѣ мѣстности, занятыя малороссами, имѣютъ то общее между собою, что представляютъ болѣе или менѣе возвышенную равнину, покрытую достаточнымъ слоемъ чернозема и орошенную рѣками, протекающими въ крутыхъ берегахъ. Такое свойство занимаемой малороссами страны сдѣлало изъ нихъ по преимуществу земледѣльцевъ, «хлѣборобовъ». Но нель-

зя сказать, чтобъ вся населенная малороссами область въ разныхъ своихъ частяхъ представляла полное однообразіе въ географическомъ отношеніи. Нѣкоторыя мѣстныя особенности наложили особый отпечатокъ и на жителей. Такъ, напр., область широкихъ равнинъ, покрытыхъ жирнымъ черноземомъ и обнимающихъ юго-восточную полосу Волынской губерніи, сѣверо-восточную Подольской и средніе уѣзды Кіевской и Полтавской, населена коренными украинцами. Къ югу отъ этой полосы начинаются сплошныя степи Новороссійскаго края; здѣсь обитаютъ малороссы-степовики, представляющіе нѣкоторыя особенности въ языкѣ и быту.

Отличительную особенность малорусскаго края, какъ уже замѣчено выше, составляетъ то, что онъ образуетъ болѣе или менѣе возвышенную равнину, изрѣзанную, однако, глубокими оврагами. Высокихъ горъ въ краѣ нѣтъ. Только на западѣ, на границѣ съ Австрією, тянутся отроги Карпатовъ. Почва всюду, за немногими исключеніями, черноземная. Черноземъ представляетъ на видъ черную или черноватую массу. Онъ состоитъ изъ частицъ перегнившихъ растений (перегной) и мелкихъ частицъ песку. Будучи высушенъ, онъ превращается въ тонкую пыль, которая поднимается при движеніи и вѣтрѣ и проникаетъ всюду— даже въ хорошо укупоренную поклажу. Иногда черноземъ содержитъ въ себѣ глину, и тогда

онъ въ сыромъ видѣ становится чрезвычайно вязокъ, а въ высушенномъ—твердъ, какъ камень. Слой чернозема бываетъ различенъ—отъ 2 до 5 и болѣе футовъ. Напластованіе его легко замѣтить въ оврагахъ. Онъ обладаетъ необыкновенною производительною силою, которая зависитъ, во 1-хъ, отъ присутствія въ немъ полезнаго для растеній азота, во 2-хъ, отъ его рыхлости, позволяющей водѣ и воздуху проникать до самыхъ корней растеній, и, въ 3-хъ, отъ его способности, вслѣдствіе чернаго цвѣта, нагрѣваться. Поэтому, онъ безъ всякихъ удобреній приноситъ часто великолѣпные урожаи.

Черноземъ залегаетъ какъ въ сѣверной части малорусскаго края, лишенной степнаго характера и имѣющей листовенные лѣса, такъ и въ южной, гдѣ начинаются степи. По этому малорусскій край дѣлится на два пространства—черноземное не-степное и черноземное степное *).

Минеральными богатствами южнорусскій край не изобилуетъ. Въ Подольской губерніи можно указать только гипсъ, алебастръ и мѣловой камень (въ Каменецкомъ у.), а также,

*) Границу между этими полосами можно опредѣлить приблизительно, проведя по картѣ черту отъ Балты на Ольвиополь, Елисаветградъ, Кременчугъ и станцію Лозовую. Къ сѣверу отъ этой полосы будетъ черноземное не степное, а къ югу—степное пространство. Впрочемъ, степь начинаетъ расширять свои границы. Теперь уже не рѣдкость встрѣтить степь тамъ, гдѣ прежде были лѣса.

на литографскій камень (въ Могилевскомъ у.). Въ Кіевской губ. залегають фаянсовая глина (близь Кіева), известь и сукновальная глина. Въ болотистыхъ почвахъ Полѣсья находится желѣзная руда. Къ востоку отъ Днѣпра малорусскій край болѣе богатъ минераллами. Тутъ въ обширныхъ размѣрахъ залегають каменный уголь.

2. Малороссійскія степи *).

Много приволья и простора жизни среди полей. Я видѣлъ ихъ въ мартѣ, предвозвѣстникѣ южной весны. Солнце горѣло высоко и жарко. Воздухъ дышалъ свѣжестью. Бѣлыя облака какъ-то спокойно бѣжали по синевѣ неба. Птицы неслись то вереницами, то нестройными стадами, а ихъ крикъ и свистъ не умолкали ни днемъ, ни ночью. Жаворонокъ разсыпался пѣснію. Рѣки въ разливѣ своемъ обхватили луга до вершины деревъ, залили острова и шагнули черезъ гранить пороговъ; ручьи съ шумомъ сновались по всѣмъ лугамъ и оврагамъ. Новая, свѣжая зелень пробивалась сквозь отжившія травы; высокіе, почернѣвшіе остовы бурьяна безжизненно смотрѣли на призывъ новой весны.

Человѣкъ весело выходилъ изъ жилья и радовался, смотря на Божій міръ, радовался,

*) Пассека.

смотря на зеленѣющія пажити *), воздѣлан-
ныя его трудомъ и богатая будущею жатвою.

Я видѣлъ степи въ маѣ. Солнце одиноко и
знойно горѣло въ лазури неба; воздухъ по-
лонъ нѣги и благоуханія; ночи холодны и
живительны. Травы, полныя жизни, цвѣтутъ и
незримо вырабатываютъ зерно новой жизни
для новой весны. Птицы зажили семьями и
заботливо укрываются въ густотѣ травы.

Природа погружена въ тайны жизни, и все
живое, будто затаивъ дыханіе, наслаждается
въ самомъ себѣ; кругомъ тишина отрадная,
невыразимая... Вѣрно въ это время поэтъ
слышалъ, какъ мотылекъ колыхался надъ тра-
вой, и какъ змѣя, скользя, дотрогивалась до
стебля травы. Кажется, небо, упиваясь наслаж-
деніемъ, едва переводитъ дыханіе, и пѣлый
океанъ цвѣтовъ и зелени затихъ и курится
благоуханіемъ.

Въ сентябрѣ уже кончена жатва; поля отя-
гощены золотыми снопами хлѣба. Заговорили
токи, и полное зерно обильно сыплется изъ-
подъ цѣповъ и копытъ **) лошадей. Увядшія
травы желтѣютъ: однѣ бережно хранятъ сѣмя
будущаго поколѣнія; другія открываютъ свои
сокровищницы, и легкій вѣтеръ прилетаетъ
за сѣменемъ, уноситъ его и заранѣе отводитъ

*) Пажить—лугъ и пастбище вообще, пустошь.

**) Молотьба производится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лошада-
ми, которыхъ гоняютъ кругомъ по тову, устланному развя-
занными снопами.

ему мѣсто для колыбели и могилы, для смерти и воскресенія.

Серебристый ковыль волнуется широкимъ озеромъ и, кажется, плещеть на желтый берегъ увядающей зелени. Птицы вывели изъ травной глуши свои молодыя семьи, учать дѣтей хитростямъ жизни и слетаются въ стада. Солнце горитъ одиноко; полдень зноенъ; утро и вечеръ прохладны; воздухъ замѣтно сухъ, день коротокъ; зари почти нѣтъ: близка южная осень.

По ноябрьскому небу тяжело носятся облака. Земля смочена, и дождь снова накрапываетъ; солнце не лелѣетъ земли своей любовью: едва проглянетъ и скроется на цѣлый день. Туманъ потопомъ разлился по окрестности. Травы увяли; новая зелень хлѣбовъ среди угасающей жизни наводитъ уныніе, какъ предсмертный румянецъ лѣта. Въ вышинѣ слышны крики гусей и журавлей; дрофы ходятъ огромными стадами; аисты собираются на взморѣѣ тысячами: одно стадо поджидаетъ другое, чтобы было не такъ грустно покидать родныя степи и летѣть на чужбину.

Жилыя человѣка обставлено скирдами хлѣба: собранъ разсѣянный трудъ цѣлаго лѣта; надъ хатою чаще и долѣе вѣется сѣроватый дымъ; по токамъ слышенъ звукъ цѣповъ и конскій топотъ; тяжелый плугъ снова бороздитъ ниву.

Январь. Рѣки скованы уже льдомъ. Южныя

степи забѣлѣлись, какъ сибирскія тундры. Съ запада налетаютъ снѣжныя тучи, засыпаютъ курганы и овраги: метель бьетъ въ окно поселянина и, завывая, будто просить пріюта. Съ востока набѣгаетъ ураганъ, со свистомъ взметааетъ волны снѣга, своенравно сбиваетъ ихъ въ сугробы, заметааетъ рвы и холмы. Вольный сынъ степей, онъ привыкъ здѣсь жить съ вольными кочевыми народами, еще недавно гулялъ съ ватагами татаръ и казаковъ; онъ хочетъ простора, а передъ нимъ жилье человѣка, запасы труда—и онъ, какъ хищникъ, кидается на нихъ, рветъ, мечетъ, хочетъ увлечь съ собой и, утомленный, бѣжитъ далѣе... А въ жильѣ свѣтится огонь: человѣкъ, привыкнувъ къ степнымъ непогодамъ, спокойно занятъ своимъ дѣломъ и не страшится набѣговъ. Буря утихла; небо безоблачно и холодно; солнце свѣтитъ сквозь мириады сверкающихъ былиннокъ; высокій бурьянъ стоитъ недвижимо и свѣтитъ радужно обледенѣлыми вѣтвями. Степь безпредѣльна, и подъ саваномъ снѣга укрываетъ и бережетъ жизнь другого лѣта...

3. Днѣпръ и днѣпровскіе пороги.

Днѣпръ такая же народная, любимая рѣка малоруссовъ, какъ Волга—великоруссовъ. Впрочемъ, онъ не на всемъ своемъ протяженіи при-

надлежить Малороссіи. Беря начало въ Бѣльскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи, Днѣпръ вступаетъ въ малорусскій край только въ Черниговской. Правый его берегъ болѣе возвышенъ, чѣмъ лѣвый. Только мѣстами возвышенности этого берега нѣсколько отступаютъ отъ рѣки, образуя долину.

Днѣпръ очень красивая рѣка, особенно въ среднемъ своемъ теченіи. Вотъ какимъ изображается онъ въ художественномъ описаніи Гоголя:

«... Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои. Ни зашелохнетъ, ни прогремитъ: глядишь и не знаешь, идетъ, или не идетъ его величавая ширина, и чудится, будто весь онъ вылить изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить свои лучи въ холодъ стекляныхъ водъ, и прибрежнымъ лѣсамъ—ярко отразиться въ водахъ. Зеленокудрые! они толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами къ водамъ и, наклонившись, глядятъ въ нихъ и не наглядятся, и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ, и усмѣхаются ему и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями. Въ середину же Днѣпра они не смѣютъ глянуть: никто, кромѣ солнца и голубого неба, не глядитъ въ него; рѣдкая

птица долетитъ до середины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ.

Чуденъ Днѣпръ и при теплоѣ лѣтней ночи, когда все засыпаетъ—и человѣкъ, и звѣрь, и птица, а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплотся звѣзды; звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ, и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ. Всѣхъ ихъ держитъ Днѣпръ въ темномъ лонѣ своемъ; ни одна не убѣжитъ отъ него—развѣ погаснетъ въ небѣ. Черный лѣсъ, униженный спящими воронами, и древле разломанныя горы, свѣсаясь, сияются закрыть его хотя длинною тѣнью своею,—напрасно: нѣтъ ничего въ мірѣ, что могло-бы прикрыть Днѣпръ. Синій, синій ходитъ онъ плавнымъ разливомъ и середь ночи, какъ середь дня, виденъ за столько въ даль, за сколько видѣть можетъ человѣческое око. Нѣжась и прижимаясь ближе къ берегамъ отъ ночного холода, даетъ онъ по себѣ серебряную струю, и она вспыхиваетъ, будто полосо дамасской стали, а онъ, синій, снова заснулъ. Чуденъ и тогда Днѣпръ, и нѣтъ рѣки равной ему въ мірѣ!

Когда-же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещать и молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣщаетъ цѣлый міръ,—страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ и плачутъ и заливаются вдали. Такъ убивается ста-

рая мать казака, выпроваживая сына въ войско: разгульный и бодрый, ѣдет онъ на ворономъ конѣ, подбоченившись и заломивъ шапку; а она, рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила, и ломаетъ надъ нимъ руки, и заливаясь горячими слезами»...

Въ предѣлахъ Екатеринославской губерніи, гдѣ проходитъ каменная гряда, береговья возвышенности подходятъ къ самой рѣкѣ. Здѣсь начинаются пороги, тянущіеся отъ Екатеринославля на 70 верстъ (до г. Александровка).

Пороговъ на Днѣпрѣ насчитывается 9, а именно: *Кадацкій, Сурскій, Лоханскій, Звонецъ, Ненацитецъ*, или *Дьдъ*, самый опасный, болѣе версты длины и 2 сажени паденія, *Вольникъ* или *Внукъ, Будилевскій, Лишиній* и *Вильный*, или *Гадючій* (змѣиный). Кромѣ пороговъ, на всемъ упомянутомъ пространствѣ безпрестанно падаются заборы (гряды камней, идущихъ до половины рѣки и оставляющихъ свободное мѣсто для прохода судовъ), острова, утесы, мели, водовороты. Для прохода судовъ учреждено общество лоцмановъ и устроены въ самомъ руслѣ рѣки, у лѣваго ея берега, каналы: вдоль cadaго порога расчищено отъ камней мѣсто на 15 саж. ширины во всю длину порога; бока канала обставлены камнями, и у входа устроены откосы, или крылья, съ цѣлью захватить какъ можно болѣе теченія.

Видъ пороговъ. Представьте себѣ гряды камней, брошенныхъ черезъ рѣку отъ берега до

берега въ нѣсколько рядовъ, одинъ ниже другого,—и вы будете имѣть понятіе о порогѣ. Стремясь внизъ, вода съ большою быстротою бросается сквозь промежутки этихъ каменьевъ и пѣнится съ оглушающимъ шумомъ. Въ иномъ порогѣ ряды каменныхъ грядъ доходятъ до двѣнадцати. Между этими грядами есть однако же мѣста, гдѣ судно можетъ пройти свободно, и эти-то мѣста называются старымъ, или казачьимъ ходомъ.

Приготовленіе судна. Суда, намѣревающіяся спуститься за пороги, обыкновенно приходятъ въ Лоцманскую Каменку и предъявляютъ бумаги свои въ контору, съ требованіемъ лоцмана. А потомъ старшина тотчасъ ѣдетъ обмѣрять грузъ и, смотря по уровню воды, иногда велитъ отгружать судно до извѣстной степени, ибо по водомѣру видно, съ какимъ грузомъ можно безпрепятственно пройти въ порогахъ. Послѣ этого онъ тщательно осматриваетъ якоря, канаты, весла, а главное *стернъ*, или *стерно* (руль), которое по большей части тутъ же и придѣлывается на мѣсто прежняго. Неуклюжее это орудіе—единственное средство провести барку, въ свою очередь нелѣпую и неуклюжую; да, наконецъ, самое легкое судно не можетъ здѣсь пройти иначе, какъ съ подобнымъ стерномъ, состоящимъ изъ ачтоваго дерева, сажень въ десять длины, къ которому еще придѣлывается лопасть, или перо, сажени въ четыре. Въ порогахъ бесполезенъ

обыкновенный руль, который, ворочаясь у самой кормы, может дать только известное направление, но не может удержать его при быстротѣ пороговаго теченія; кромѣ того, стерно и поворачиваетъ сильнѣе, имѣя упоръ въ нѣсколькихъ саженьяхъ.

Лоцманъ. На судно назначается первостатейный лоцманъ и его помощникъ и, если рабочихъ мало, то хозяинъ обязанъ нанять нѣсколько прибавочныхъ. Иногда, если лоцманъ еще молодой, ему придается «дядя» изъ опытныхъ старыхъ лоцмановъ, который, слѣдя за дѣйствіями молодого товарища, помогаетъ ему совѣтами и учитъ нѣкоторымъ уловкамъ, пріобрѣтеннымъ во время многолѣтняго плаванія. Самъ лихой кормчій, молодой лоцманъ всегда съ уваженіемъ обращается къ дядѣ и называетъ его, по старому казацкому обычаю, *батъка*... Впрочемъ, каменскимъ лоцманамъ нечего учиться ловкости и смѣтливости: они изучили ходъ по каналамъ и ловко, съ знаніемъ дѣла, пробираясь между камнями, проходятъ благополучно. Имъ опасенъ только вѣтеръ, и потому они отваливаютъ только въ самую тихую погоду, когда, что называется, не шелохнетъ. Но и въ самый благопріятный день схватываются *полосы* (вѣтеръ), и если такая полоса застигнетъ барку при входѣ въ порогъ, гдѣ уже нельзя ни поворотить, ни бросить якорь, тогда, съ крѣпкой надеждой на Бога, лоцманъ пускается въ опасный путь..

Отправление. Обыкновенно передъ отплытіемъ, принявъ барку на свою отвѣтственность, лоцманъ возвышаетъ голосъ, переходящій въ тонъ командирскій, и приказываетъ всѣмъ по малорусскому обычаю присѣсть на секунду и потомъ начинаетъ молиться Богу съ колѣнопреклоненіемъ. Суровое, умное лицо лоцмана въ это время выражаетъ такую набожность, такую искреннюю молитву, что всякій прочтетъ въ этихъ чертахъ пламенную преданность Провидѣнію. Всѣ присутствующіе молятся нѣсколько минутъ. При этомъ на нѣкоторыхъ лицахъ видна тревога, по которой можно узнать новичковъ, или *перваковъ*, какъ называютъ ихъ лоцманы. Поднявъ якорь, барка тихо оборачивается; человекъ шесть управляютъ стерномъ по указаніямъ лоцмана, и, смотря по тому, итти ли старымъ путемъ или въ каналъ, судно принимаетъ направленіе. Поплыли внизъ по теченію; раздается мѣрный ударъ весель; берега начинаютъ уходить назадъ. Раздается команда лоцмана: *шабашъ!* Весла приподнимаются кверху, и судно несутся плавно стремленіемъ Днѣпра. Здѣсь начинаются разговоры, разспросы, но лоцманъ не словоохотливъ; онъ умными своими глазами смотритъ впередъ и, заложивъ руки за спину, дѣлаетъ своему помощнику замѣчанія.

Въ порогъ. И вотъ опять раздается команда: *гребемъ!* Весла снова зашумѣли, барка снова пошла быстрѣй. Въ то время, какъ пороги-

вое стремленіе подхватило судно, лоцманъ снова командуетъ: *шабашъ! къ стерну!* И гребцы, оставивъ весла, спѣшатъ на подмости и становятся по обѣимъ сторонамъ стерна, которое въ верхнемъ концѣ имѣетъ нѣсколько небольшихъ жердей для того, чтобъ можно было поворачивать лопасть плашмя при переносѣ стерна съ одной стороны на другую. Здѣсь чувствуется какое-то легкое замираніе сердца, что-то въ родѣ испуга, а вмѣстѣ съ тѣмъ пробѣгаетъ какое-то пріятное ощущеніе, когда черакъ (носъ судна) спустится въ первую пѣну, которая высоко брызжетъ съ оглушающимъ шумомъ. Лоцманъ устремилъ глаза впередъ. Всплески мѣшаютъ слушать. Лоцманъ рукою показываетъ движеніе и самъ бросается къ стерну.

— Держи!

И усилія всѣхъ напряжены, и барка несется по уступамъ, какъ по стрункѣ. Въ каналѣ то же самое, только меньше страха, а такъ же весело, потому что вода несетъ необыкновенно быстро.

Выходъ. По выходѣ изъ порога, когда проплыли большое волненіе, лоцманъ становится на колѣни, его примѣру слѣдуютъ всѣ и благодарятъ Бога за благополучную переправу, потомъ кормчій поздравляетъ хозяина и прибавляетъ:

— Дай, Боже, такъ и до мѣста.

Выйдя на тихую воду, всѣ отдыхаютъ, а

гребцы принимаются за завтракъ, потому что до другихъ пороговъ еще далеко, но лоцманъ стоитъ у стерна... Хозяева иногда выносятъ ему стаканъ чаю; но водку пьеть развѣ самый отчаянный лоцманъ; да такихъ, кажется, и немного. Слова нѣтъ, доставивъ судно на мѣсто иной лоцманъ кутнетъ во всю ивановскую, но въ порогахъ это не въ обычаѣ. Такъ предки ихъ, запорожцы, кутившіе въ Сѣчи, иногда по суткамъ безпросыпу, въ походѣ не употребляли водки, потому что за пьянство на судахъ топили въ воду, а на сушѣ казнили кіями. Эта казацкая *регула* (правило) сохраняется и понынѣ, по крайней мѣрѣ во время прохода черезъ пороги.

Порогъ Ненасытецъ. Если плывутъ двѣ барки одного хозяина, то находящаяся впереди бросаетъ якорь у Козлова или у Ткача острова и высылаетъ обоихъ лоцмановъ и нѣсколько человекъ рабочихъ баркѣ, плывущей позади, которая, принявъ подкрѣпленіе, спускается къ порогу. Здѣсь всѣ творятъ краткую, но пламенную молитву. За островами теченіе воды довольно быстро и несетъ судно къ старому проходу, не требуя отъ лоцмана особыхъ усилій. Страшный шумъ здѣсь уже явственно даетъ знать о близости *Днда*, какъ называютъ лоцманы Ненасытецъ, и вскорѣ вправо показываются огромные всплески

волнъ, бьющихся бѣлой пѣной между каменьями. Оба берега скалисты.

— Къ стерну! вскрикиваетъ лоцманъ и становится у стерна, за которое ухватилось человѣкъ двадцать людей, готовыхъ исполнять малѣйшее его приказаніе.

Всплески видѣе и слышѣе... Порогъ показался, весь покрытый *букомъ* (пѣной). Стоитъ онъ изъ двѣнадцати *лавъ* (рядовъ камней), которыя очень ясно обозначаются пѣнистыми рядами. Управляемая искуснымъ лоцманомъ, барка бросается съ первой лавы, и въ томъ омутѣ, въ этомъ страшномъ шумѣ Днѣпра, бьющагося между камнями, не всегда слышна команда лоцмана, который движеніемъ показываетъ направленіе и изъ всѣхъ силъ кричитъ: *держи!* если нужно держать стерно неподвижно. Съ уступа на уступъ несетъ барка естественнымъ русломъ, повинаясь могучему стерну и пробѣгаетъ порогъ почти въ три минуты; въ это время она гнется, скрипитъ и иногда словно стонетъ. Но вотъ она на вольной водѣ—и снова всѣ становятся на колѣни благодарить Бога.

У Ненасытца были притоны дикихъ кочевыхъ народовъ, о чемъ свидѣлствуютъ и до сихъ поръ курганы, разбросанные по прибрежью. Собственно порогъ состоитъ изъ двѣнадцати рядовъ каменьевъ, идущихъ дугообразно отъ праваго берега къ лѣвому, преграждая такимъ образомъ теченіе Днѣпру, ко-

торый, бросаясь съ перваго уступа и низвергаясь далѣе, шумить ужасающимъ образомъ. Правый берегъ одѣтъ огромными камнями, разбросанными въ живописномъ безпорядкѣ. Во второй лавѣ два камня названы *службами*. Камни эти имѣютъ видъ опрокинутыхъ сосудовъ, и вода, переливаясь черезъ нихъ, будто звонить *до службы* (къ обѣднѣ). Сверху горы видъ на порогъ превосходный. Ненасытець весь покрытъ бѣлой жемчужной пѣной. Шумить онъ какъ-то особенно; порою случается слышать въ его гулѣ необыкновенно дикіе переливы, но бываетъ, что онъ стихаетъ совершенно, и только вблизи слышно, какъ переливается вода черезъ камень... Лоцманы и береговые жители предугадываютъ по этому погоду.

Спасительныя лодки. Сверху и снизу порога во время навигаціи стоятъ спасительныя *дубы* (большія лодки) съ очередными лоцманами, которыхъ обязанность во время несчастья подавать поспѣшную помощь погибающимъ. И лоцманы исполняютъ свою обязанность съ удивительнымъ самоотверженіемъ. Верхній дубъ не только спасаетъ потерпѣвшихъ крушеніе въ порогѣ, но если только очередные лоцманы замѣтятъ, что плотъ сбило вѣтромъ съ ходу, что онъ плыветъ прямо на камни, тотчасъ же гребутъ къ плоту и снимаютъ людей и ихъ одежду. Случается, что плотъ зацѣпляется въ самомъ порогѣ о камни, и его бьетъ на какой-

нибудь лавѣ. Картина ужасная: связки разрываетъ, толстыя бревна ломаются, какъ щепки, и тутъ-то людямъ предстоитъ гибель какъ отъ воды, такъ и отъ разбивающагося лѣса. Спасители спускаются внизъ и схватываютъ погибающихъ, то ловя ихъ въ пучинахъ, то снимая съ камней. Нижній дубъ, въ случаѣ крушенія ближе къ выходу, употребляя усилія, старается съ своей стороны спасти бѣдствующихъ.

Било огромную барку. Страшно было смотрѣть. Носъ вошелъ въ пучину, люди держались на кормѣ, а вокругъ такіе буруны и всплески, что трудно составить себѣ о нихъ понятіе. Всплески и буруны эти называются у лоцмановъ *грозою*, и мнѣ кажется, что удивительно мѣтко такое названіе. Верхнему дубу нельзя было *напуститься*, потому что онъ не могъ бы удержаться по быстротѣ водопада, а нижній, сколько ни употреблялъ усилій, не могъ выгрести—его захлестывало волною. Сквозь пыль этой *грозы* виднѣлись только благородныя голы лоцмановъ, спѣшившихъ на помощь, и отчаянную фигуру рулевого въ черной бараньей шапкѣ, стоявшаго у своего мѣста... Погибавшіе бросили однако бревно, привязавъ его къ веревкѣ, схватясь за которую спасители подтянулись къ баркѣ и начали снимать людей...

(Афанасьева—Чужбинскаго).

4. Климатъ Малороссіи. — Растенія и животныя.

Климатъ Малороссіи сухой, съ рѣзкими колебаніями температуры: зимою случаются сильныя стужи, лѣтомъ-же жары и засухи. Это обусловливается удаленнымъ положеніемъ края отъ морей. Ближайшее къ нему море есть Черное, но оно мало обнаруживаетъ дѣйствія на климатъ, потому что южные вѣтры дуютъ сравнительно рѣдко. Что касается внутреннихъ водъ, то ихъ недостаточно для того, чтобъ оказывать вліяніе на климатъ.

Весна наступаетъ, обыкновенно, въ концѣ февраля мѣсяца, когда начинается таяніе снѣговъ и вскрытіе небольшихъ рѣчекъ. Снѣгъ сходитъ въ половинѣ марта, и земля, оттаивая, дѣлается способною къ пахотѣ въ первой половинѣ апрѣля. Но иногда въ исходѣ апрѣля и даже въ первой половинѣ мая выпадаютъ очень холодные дни. Такія перемѣны въ температурѣ производятся сѣверо-восточными вѣтрами, сопровождающимися нерѣдко снѣгомъ.

Съ исхода мая устанавливается болѣе постоянная, теплая погода, продолжающаяся до конца августа, а иногда, съ незначительными пониженіями, до половины сентября. Самою высокою температурою отличается іюль. Наболѣе сильныя жары случаются въ степной полосѣ.

Въ половинѣ сентября настаетъ осень. Мо-

розы и снѣгъ, при холодныхъ вѣтрахъ, смѣняются оттепелями. Съ половины ноября начинаютъ промерзать неглубокія воды, но значительныя рѣки останавливаются только въ декабрѣ. Прежде, нежели установится постоянный санный путь, снѣгъ сходитъ нѣсколько разъ.

Огромное вліяніе на климатъ обнаруживаютъ вѣтры. Малороссія подвержена дѣйствию самыхъ разнообразныхъ вѣтровъ. Сѣверовосточныя вѣтры производятъ быстрыя перемѣны въ температурѣ: случается, что въ апрѣлѣ и маѣ термометръ падаетъ до 0; вѣтры эти нерѣдко сопровождаютъ снѣгъ и утренники. Сѣверныя вѣтры превращаются часто въ настоящіе ураганы, продолжаются иногда нѣсколько дней и обнаруживаютъ гибельное дѣйствіе, въ особенности, когда соединяются съ снѣжными метелями. Юго-западный вѣтеръ хотя и приносится съ Атлантическаго океана, но, проходя чрезъ Карпатскія снѣговья вершины, является часто холоднымъ. Поэтому, если онъ дуетъ лѣтомъ, то умѣряетъ жаръ. Южный вѣтеръ приноситъ тепло.

Не особенно рѣдкое явленіе въ Малороссіи *смерчи*. Вотъ какъ одинъ очевидецъ описываетъ смерчъ, разразившійся надъ нѣкоторыми селами Черкаскаго уѣзда, Кіевской губерніи. «14 мая, въ полторѣ верстѣ отъ с. Завадовки, по направленію съ Сѣверо-Западу, отдѣлился отъ черныхъ тучъ столбъ дымчатаго цвѣта; буду-

чи подь облаками, столбъ этотъ то опускался, то поднимался. Затѣмъ надь облаками образовалась воронка, широкая часть которой была въ облакахъ, а узкая тянулась къ землѣ. Съ земли поднялся второй столбъ, болѣе темнаго цвѣта, чѣмъ первый, и, моментально соединившись съ подь-облачнымъ, началъ быстро вращаться и подвигаться къ с. Завадовкѣ. Съ каждой секундой столбъ увеличивался въ объемѣ, кромѣ своей середины, которая оставалась тонкою. Во все это время изъ столба слышался шумъ, подобный грому. Дойдя до хуторовъ с. Завадовки, этотъ столбъ съ страшною силою началъ ломать и разбрасывать строенія, деревья и пр., подымая высоко въ воздухъ огромныя бревна и тяжести. Въ то-же самое время съ сѣверной стороны Завадовки появилось другое такое же явленіе, на полѣ, и направилось къ хутору «Набоково». Въ облакахъ оба столба соединились подобно быстро вращающейся радугѣ дымчатаго цвѣта. Черезъ хуторъ Шевченковъ страшное явленіе направилось—было къ селенію, но опять возвратилось назадъ и еще свирѣпѣе стало крушить несчастный хуторъ. Когда столбъ дошелъ до первоначальнаго мѣста своего появленія, раздался чрезвычайно сильный ударъ грома, столбъ какъ будто оторвался отъ земли и понесся съ быстротою молніи въ облака: облака заволновались почти на всемъ своемъ протя-

женіи и стали какъ бы убѣгать въ разныя стороны, даже противъ вѣтра. Черезъ нѣсколько минутъ пошелъ проливной дождь и явленіе исчезло. Страшное зрѣлище представляла мѣстность, на которой свирѣпствовалъ смерчъ: 15 сараевъ, клунь и пр. построекъ были разрушены совершенно; болѣе 10 домовъ остались безъ крышъ; множество деревьевъ сломано и вырвано съ корнемъ; плетни повалены; огороды и двѣ десятины поля въ конецъ выбиты и пр.»

Такія же опустошенія были произведены въ 1880 г. смерчемъ въ Екатеринославской губерніи.

Климатъ Малороссіи сталъ замѣтно измѣняться къ худшему съ увеличеніемъ вырубки лѣсовъ. Хотя она никогда не имѣла такихъ обширныхъ лѣсовъ, какіе находятся на сѣверѣ и встрѣчаются въ средней полосѣ Россіи, тѣмъ не менѣе прежде въ ней все-таки были значительныя лѣсныя пространства. Такъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ тянулись боры и лѣса отъ Орла до Харькова и отъ Полтавы до Кременчуга. Отъ этихъ лѣсовъ теперь не осталось и помину. Лѣса эти задерживали влагу и уменьшали засухи. Естественно, что, съ уничтоженіемъ ихъ, климатъ долженъ былъ измѣниться къ худшему. На измѣненіе климата не могло не повліять и уничтоженіе лѣсовъ въ средней полосѣ Россіи: измѣняя климатъ въ великорусскомъ краѣ, истребленіе лѣсовъ

оказало невыгодное вліяніе и на климать Малороссіи, такъ какъ воздушныя явленія находятя въ тѣсной связи между собою. Ухудшеніе климата въ Малороссіи замѣчаютъ и мѣстные старожилы. Въ прежнюю пору, по ихъ словамъ, лѣтніе мѣсяцы были умѣренно-жаркіе, съ частыми дождями, зимніе же не такъ холодны. Оттого засухи теперь стали въ Малороссіи болѣе частымъ явленіемъ. Насколько ухудшился климать края, можно судить по тому, что въ Подольской губерніи, мѣстами, гдѣ еще въ 60-хъ годахъ росли виноградъ и фиговыя деревья, теперь можно встрѣтить только степную траву.

Растительность малорусскаго края имѣетъ свои особенности. Замѣчено, что въ области чернозема не растеть ель, и южная граница ели совпадаетъ съ сѣвѣрною границею чернозема. Что касается сосны, то хотя она мѣстами и переходитъ сѣвѣрную границу чернозема, но зато тамъ, гдѣ она растеть, часто совсѣмъ не оказывается чернозема. Бѣлая ольха имѣетъ тѣ же границы, какъ и ель. Такимъ образомъ, если въ черноземной полосѣ попадаются лѣса, то лиственные. Особеннымъ характеромъ отличается растительность Полѣсья, которое обильно преимущественно елью и сосною. Но растущій здѣсь лѣсъ, по причинѣ болотистаго грунта и влажнаго климата, не проченъ, малоросль и не цѣненъ. Только

мѣстами, попадаютъ пространства, гдѣ сосна достигаетъ хорошаго роста и полного объема.

Господствующія растенія въ полосѣ чернозема—хлѣбные злаки (пшеница, рожь, овесъ и другіе зерновые хлѣба) и травы (тимофеевка, ковыль, плевель, полевица и овсяница). Ковыль, имѣющій длинныя чрезвычайно тонкія ости, покрытыя пухомъ, образуетъ большіе кусты. Онъ представляетъ характерное растеніе въ степи. Покрытая имъ степь даже при легкомъ вѣтрѣ серебрится на солнцѣ, лучи котораго играютъ на его перьяхъ. Различныя виды полевицы, съ густыми, раскидистыми метелками, состоящими изъ самыхъ нѣжныхъ вѣточекъ и блестящихъ чешуекъ, растутъ среди хлѣбовъ.

Кромѣ этихъ растеній, отличительную черту растительности степей составляютъ кустарники—*бобовникъ* и *вишеникъ*. Оба эти кустарника образуютъ въ степяхъ чрезвычайно густыя заросли. Истребить ихъ такъ трудно, что даже среди пахатныхъ полей они остаются цѣлы и невредимы, точно такъ-же, какъ и на степныхъ лугахъ, гдѣ ихъ постоянно топчетъ пасущійся скотъ. Эти два кустарниковыя растенія, такимъ образомъ, обладаютъ всеми качествами степныхъ растеній.

По берегамъ тихихъ рѣкъ и озеръ растутъ камыши и тростники. Они достигаютъ такой вышины, что могутъ скрыть человѣка. Ихъ употребляютъ на кровли и топливо.

Особенности растительности края отражаютъ

ся и на его животномъ царствѣ. Обиліе злаковъ служить причиною преобладанія травоядныхъ и зерноядныхъ животныхъ надъ хищными.

Между четвероногими животными *сусликъ*, или земляной зайчикъ, какъ его называютъ нѣмцы, — самое распространенное. Это животное встрѣчается на всемъ степномъ пространствѣ, за исключеніемъ очень немногихъ полосъ, поросшихъ кустарникомъ. Наружностью сусликъ походитъ на молодого зайца съ тою разницею, что уши у него короче, а хвостъ гораздо длиннѣе и пушистѣе, какъ у бѣлки. Живетъ сусликъ въ земляныхъ норахъ. Трусливость составляетъ отличительный характеръ этого животного. Случится ему завидѣть человѣка, онъ тотчасъ начинаетъ приподниматься на заднія лапки; чѣмъ ближе подходитъ человѣкъ, тѣмъ выше поднимается сусликъ и, наконецъ, вытянувшись совершенно въ прямую линію, начинаетъ поворачивать голову въ разныя стороны. Въ такомъ положеніи онъ остается до тѣхъ поръ, пока не угрожаетъ ему опасность. Замѣтивъ, что человѣкъ идетъ по направленію къ нему, онъ скачетъ къ своей норкѣ, осматривается еще нѣсколько времени, а потомъ скрывается въ своемъ убѣжищѣ. Живутъ суслики цѣлыми обществами. Питаются травою, луковцами, кореньями, особенно же любятъ сѣмена дынь и арбузовъ. Мѣхъ суслика идетъ на опушку различной женской одежды, а самъ онъ

служить пищею для волковъ, лисицъ, орловъ и ястребовъ.

Между прочими четвероногими животными обращаютъ на себя вниманіе *волки*. Степные волки ниже, но длиннѣе нашихъ, живутъ также въ земляныхъ норахъ. Особенно много ихъ въ сѣверной части степей. Здѣсь каждая хижина, каждый дворъ обведенъ довольно высокимъ плетнемъ для защиты отъ волковъ, которые, однако, довольно часто пробираются въ деревни и пожираютъ не только домашнихъ животныхъ, но даже дѣтей.

Бѣдные четвероногими животными, степи представляютъ значительное богатство и разнообразіе въ птицахъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ *драхва*—въ полномъ смыслѣ степная птица. По виду и величинѣ она отличается отъ обыкновенной и водится здѣсь въ огромномъ количествѣ, особенно въ южныхъ частяхъ. На зимніе мѣсяцы, а именно съ начала ноября до марта, она улетаетъ отсюда; въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ, какъ, на примѣръ, въ низовьяхъ Днѣпра, Днѣстра она остается на зиму, и это время года считается самымъ удобнымъ для охоты. Чтобы защититься отъ холода, драхвы скрываются между кустарниками, и часто случается, что, во время изморози, ихъ крылья покрываются цѣлымъ слоемъ льда, отчего онѣ никакъ не могутъ подняться на воздухъ, и, такимъ образомъ, дѣлаются легкою добычею лисицъ, волковъ и людей.

Кромѣ драхвы, въ степяхъ водится много и другихъ, менѣ полезныхъ птицъ, между которыми жаворонки и соловьи служатъ единственными представителями пѣвчихъ.

Хотя сухая почва степей мало благопріятствуетъ жизни *амфибій* (гадовъ), однако здѣсь ихъ встрѣчается довольно много. Первое мѣсто по количеству, принадлежитъ лягушкамъ, которыхъ особенно много появляется послѣ дождя. Ящерицъ также много въ степяхъ, и нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ величины почти съ аршинъ. Лѣтъ за 50 до настоящаго времени степи изобиловали также змѣями. Ихъ и теперь, впрочемъ, довольно много, особенно въ тростниковыхъ лѣсахъ, растущихъ по берегамъ рѣкъ, и нѣкоторыя достигаютъ величины трехъ и болѣе саженъ.

Между степными насѣкомыми самое страшное—*саранча*. Здѣсь водится двѣ породы: одна въ 1½, другая въ 2 дюйма длины. Какъ та, такъ и другая одинаково прожорливы, и обѣ образуются изъ яичекъ, которыя осенью кладетъ саранча, числомъ отъ 50 до 70 штукъ, въ ямки, вырытыя въ землѣ. Яйца саранчи бѣлаго цвѣта и по виду походятъ на муравьиныя. Остаются они въ землѣ всю осень и зиму до конца апрѣля, или до начала мая, а въ это время изъ нихъ выходитъ саранча. Въ началѣ она не имѣетъ крыльевъ, и потому не летитъ, а движется по землѣ огромными массами, истребляя все встрѣчающееся на пути. Черезъ

4 или 5 недѣль у саранчи вырастаютъ крылья. Тогда она поднимается въ воздухъ и летитъ огромными тучами, затемняющими нерѣдко солнечный свѣтъ.

5. Украинская ночь.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой Церковью сіяетъ,
И пышныхъ гетмановъ сады
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ.

Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь въ нее: съ середины неба глядитъ мѣсяць; необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе; горитъ и дышитъ онъ; земля вся въ серебряномъ свѣтѣ; и чудный воздухъ и прохладно-душенъ, и полонъ нѣги, и движетъ океанъ благоуханій. Божественная ночь! Очаровательная ночь!

Недвижно, вдохновенно стали лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя. Тихи и покойны эти пруды; холодъ и мракъ

Лѣтній день въ Малороссіи.

Къ стр. 33.

водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темно-зеленыя стѣны садовъ. Весь ландшафтъ спитъ. А вверху все дышитъ; все дивно, все торжественно. А на душѣ и необъятно, и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! Очаровательная ночь!

И вдругъ все ожило: и лѣса, и пруды, и степи. Сыплется величественный громъ украинскаго соловья, и чудится, что и мѣсяцъ заслушался его посреди неба... Какъ очарованное, дремлетъ на возвышеніи село. Еще бѣлѣе, еще лучше блестятъ при мѣсяцѣ толпы хатъ; еще ослѣпительнѣе вырѣзываются изъ мрака низкія ихъ стѣны. Пѣсни умолкли. Все тихо. Благочестивые люди уже спать. Гдѣ-гдѣ только свѣтятся узенькія окна. Передъ порогами иныхъ только хатъ запоздалая семья совершаетъ свой поздній ужинъ.

(Н. Гоголь).

6. Лѣтній день въ Малороссіи.

Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи! Какъ томительно жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, неизмѣримый океанъ, куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ. На небѣ ни облака; въ полѣ ни рѣчи. Все какъ будто

умерло; вверху только, въ небесной глубинѣ, дрожить жаворонокъ, и серебрястыя пѣсни летять по воздушнымъ ступенямъ на землю, да изрѣдка крикъ чайки или звонкій голосъ перепела отдается въ степи. Лѣниво и бездумно, будто гуляющія безъ цѣли, стоятъ подоблачныя *дуры*, и ослѣпительные удары солнечныхъ лучей зажигаютъ цѣлыя живописныя массы листьевъ, накидывая на другія темную, какъ ночь, тѣнь, по которой только при сильномъ вѣтрѣ прыщеть золото. Изумруды, топазы, яхонты эфирныхъ насѣкомыхъ сыплются надъ пестрыми огородами, осѣняемыми статными подсолнечниками. Сѣрыя скирды сѣна и золотые снопы хлѣба станомъ располагаются въ полѣ и кочуютъ по его неизмѣримости. Нагнувшіяся отъ тяжести плодовъ широкія вѣтви черешень, сливъ, яблонь, грушъ; небо, его чистое зеркало—рѣка, въ зеленыхъ гордо поднятыхъ рамахъ...

(Н. Гоголь).

Малоруссы и ихъ бытъ.

1. Особенности тѣлеснаго и духовнаго склада малоруссовъ.

Малоруссъ представляетъ рѣзкія особенности въ сравненіи съ великоруссомъ или бѣлоруссомъ. Малоруссы имѣютъ болѣе широкую и короткую голову, чѣмъ великороссы. Волосы и глаза у нихъ большею частію темные. Ростомъ они бываютъ значительно выше великоруссовъ, почему ими главнымъ образомъ наполняются гренадерскія и кавалерійскія части войскъ. При всемъ томъ, въ отношеніи тѣлесной силы и выносливости, они далеко уступаютъ великороссамъ. Надо думать, что этотъ относительный недостатокъ склада малоруссовъ зависѣлъ и зависитъ отъ условій жизни. Богатая природа, благорастворенный климатъ вознаграждали всегда его трудъ щедрѣе, не требуя такого напряженія силъ, которое было неизбѣжнымъ условіемъ въ борьбѣ великорусса съ не столь благопріятными внѣшними условіями. Работы малоруссовъ ограничиваются преимущественно лѣтнимъ временемъ. На мо-

розѣ онъ работать не привыкъ, точно также не любитъ онъ и подниматься рано съ постели.

Въ отношеніи своей духовной природы малоруссъ также представляетъ большія различія въ сравненіи съ великоруссомъ.

Малоруссъ отличается медлительностью, сосредоточенностью. Когда малоруссъ съ вами разговариваетъ, онъ нѣсколько минутъ стоитъ неподвижно, рѣдко даже обратить къ вамъ голову. На вопросы даетъ отвѣты короткіе и не вдругъ, притомъ въ словахъ его часто проглядываетъ затаенный юморъ. Великоруссъ въ такое-же короткое время успѣетъ и поговорить и надвигаться гораздо больше: онъ и подбоchenится, и улыбнется, и въ затылкѣ почешетъ.

Въ работѣ малоруссъ также своеобразенъ: онъ работаетъ медленно, молча; для него два дѣла разомъ невозможны. Великоруссъ, напротивъ, работаетъ быстро, сопровождая работу разговоромъ или пѣснями.

Отличаясь неподвижностью, малоруссъ не обладаетъ предприимчивымъ, промышленнымъ духомъ, какимъ отличается великоруссъ. Кустарная и фабрично-заводская промышленность развились, главнымъ образомъ, въ великорусскомъ краѣ. Что касается торговли, то даже въ Малороссіи она находится преимущественно въ рукахъ или евреевъ, или русскихъ. Малоруссъ, говоритъ одинъ писатель, не только прежде, но и теперь не ѣздитъ самъ съ товарами въ Великую-Русь, никогда не ходитъ на

заработки въ сѣверныя губерніи, а если необходимость и заставляетъ его иногда двинуться съ мѣста, такъ онъ идетъ на Югъ, на Донъ, въ Бессарабію. Поэтому великорусскіе промышленники не стали дожидаться требованія со стороны малорусса, а сами явились къ нему, такъ сказать, на-домъ, соблазняя его товаромъ, избавляя его отъ хлопотъ перевозки и навязывая ему товаръ въ безсрочный кредитъ. Сначала таможенныя заставы, отдѣлявшія нѣкогда Малороссію отъ Россіи, еще останавливали это движеніе; но съ уничтоженіемъ заставъ и съ прекращеніемъ пошлиннаго сбора, тысячи русскихъ ходящихъ Орловской, Владимірской и великорусскихъ старообрядскихъ слободъ Черниговской губерніи спустились тучей на Украину и оживили ея ярмарки.

Этотъ мирный промышленный набѣгъ, это постоянное вторженіе дѣятельной, живой великорусской силы — не только продолжаются и понынѣ, но еще усиливаются, съ тою разницею, что бродячее, торговое великорусское племя, наконецъ, осѣдаетъ въ Малороссіи.

Затѣмъ, въ противоположность великоруссамъ, у которыхъ развитъ общинный духъ, малоруссы отличаются стремленіемъ къ обособленію личности. У великоруссовъ великое значеніе имѣетъ община, міръ, у малоруссовъ же — личность. Личная самостоятельность, независимость — въ глазахъ малорусса выше всего. Поэтому-то исторія Украины богата войнами за свободу.

Но эта-же склонность къ самостоятельности имѣла и имѣетъ для малоруссовъ невыгодныя стороны. Къ общимъ интересамъ малоруссъ равнодушенъ. И это замѣчается даже въ образованномъ классѣ. Склонность къ самостоятельности выражается и въ томъ, что каждый малоруссъ стремится жить особнякомъ, отдѣльнымъ хозяйствомъ. У великоруссовъ и теперь еще рѣдкость въ крестьянствѣ большія семейства, состоящія изъ дѣда, отца и женатыхъ сыновей. У малоруссовъ-же такія семейства не встрѣчаются. Всякій крестьянинъ, вступивъ въ бракъ, старается выдѣлиться, обзавестись своимъ домомъ. Это дробленіе семействъ имѣетъ ту невыгоду, что одному работнику вести хозяйство гораздо труднѣе.

Обращаясь къ умственнымъ и нравственнымъ чертамъ малорусскаго характера, мы и здѣсь находимъ рѣзкія особенности, отличающія его отъ великорусса.

Умъ малорусса медленно воспринимаетъ, но за то усваиваетъ воспринятое прочно, затѣмъ развиваетъ его серьезно. «Малорусса, говорить одинъ писатель, можно положительно назвать глубокомысленнымъ. Онъ весьма способенъ къ умозрительной дѣятельности, къ отвлеченному мышленію. Его медлительность помогаетъ ему въ этомъ случаѣ; онъ всегда обдумываетъ то, что говорить».

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладаетъ большимъ природнымъ юморомъ. На насмѣшку у него

всегда найдется остроумный отвѣтъ. Рассказываютъ, что однажды чумаки, проходя мимо гостиннаго двора, зашли въ первый попавшійся бакалейный магазинъ и спросили дегтя. Сидѣвшіе въ магазинѣ два прикащика отвѣтили, что дегтя нѣтъ.

— Что-же тутъ продають?—спросили ихъ чумаки.

— Дураковъ,—отвѣчали тѣ.

— Э, э,—сказали чумаки,—знать большой запросъ на нихъ, что остались только двое.

Малоруссъ обладаетъ глубоко развитымъ поэтическимъ чувствомъ. Богатая природа края, конечно, имѣла большое вліяніе на развитіе этого послѣдняго. Въ музыкальномъ отношеніи малоруссъ стоитъ выше своего сѣвернаго сосѣда. Не говоря уже объ обилии созданныхъ народомъ мелодій, не говоря уже о томъ, что на «сопѣлкѣ» (дудкѣ) не играетъ рѣдкій изъ малоруссовъ,—въ каждомъ селеніи встрѣтится не одинъ, а нѣсколько музыкантовъ любителей. Самые распространенные музыкальные инструменты—скрипка и бубень. Нищѣ играютъ на лирахъ, сопровождая игрою пѣніе духовныхъ пѣсень.

Глубоко развитое чувство проявляется еще въ томъ, что женщина пользуется въ Малороссіи большимъ значеніемъ, чѣмъ у великоруссовъ. Жена малорусса не только помощница въ хозяйствѣ, но его вѣрный другъ. Въ домѣ она полноправная хозяйка: всѣми предметами

хозяйства она распоряжается по своему усмотрѣнію. Поэтому вы видите, что малоруссъ, отправляясь на ярмарку, ѣдетъ всегда съ женою: онъ везетъ произведенія земледѣльческаго хозяйства, жена—предметы своего, домашняго. Равнымъ образомъ малоруссу присуще чувство благотворительности. Несчастные, сироты, бѣдные находятъ въ немъ всегда помощь.

Малоруссъ болѣе гордъ и самолюбивъ, чѣмъ великоруссъ. Поэтому онъ жестоко мститъ, если ему нанесено сильное оскорбленіе. Къ насмѣшкамъ онъ относится равнодушно, потому что природный юморъ даетъ ему возможность всегда найти подходящий отвѣтъ. Но если нанесено серьезное оскорбленіе его чести, онъ не остановится передъ местью. Говорятъ еще, что малоруссъ скрытенъ и хитеръ. Это не совсѣмъ справедливо. Разумѣется, съ первымъ встрѣчнымъ малоруссъ рѣдко бываетъ такъ откровененъ, такъ радушенъ, какъ великоруссъ, но съ тѣми, кто сумѣлъ возбудить въ немъ къ себѣ довѣріе, онъ большею частію искрененъ.

Наконецъ, и въ области жизни религіозной малоруссъ не представляетъ сходства съ великоруссомъ. Обѣ эти народности нельзя упрекнуть въ недостаткѣ религіознаго чувства, но религіозность той и другой получила совершенно различное направленіе. Великоруссы всегда отличались особою приверженностью къ обрядовой, внѣшней сторонѣ религіи. Притомъ для

Малоруссы и ихъ бытъ.

Къ стр. 42.

нихъ имѣла особое значеніе старина: что дѣлали отцы, дѣды и прадѣды, то для нихъ и было свято. Эта-же приверженность къ внѣшности, къ старинѣ и породила массу раскольничьихъ сектъ, существующихъ въ Великоруссіи и неизвѣстныхъ Малороссіи. Совсѣмъ инымъ религіознымъ направленіемъ отличались и отличаются малоруссы. Для нихъ имѣетъ значеніе не столько внѣшняя, сколько духовная сторона религіозной жизни. «У малоруссовъ, говоритъ извѣстный историкъ Костомаровъ, много именно того, чего недостаетъ у великоруссовъ: у нихъ сильно чувство всеприсутствія Божія, душевное умиленіе, внутреннее обращеніе къ Богу, тайное размышленіе о Промыслѣ надъ собою, сердечное влеченіе къ духовному, неизвѣстному, таинственному, но отрадному міру».

Особенности физическаго и духовнаго склада малорусской и великорусской народностей выражаются въ нѣкотораго рода нерасположеніи одной къ другой. Это нерасположеніе проявляется и въ насмѣшливыхъ прозвищахъ, которыми окрестили другъ друга великоруссы и малоруссы. Великоруссы дали малоруссу прозвище «хохла», потому что когда-то между малоруссами существовалъ обычай отпускать прядь волосъ (селедецъ) на верхушкѣ головы. Малоруссы, въ насмѣшку надъ великорусской бородою, прозвали своего противника кацапомъ (козломъ). Хотя эти про-

звица даны по внѣшнимъ признакамъ, но они служатъ выраженіемъ противоположности въ характерѣ, нравахъ, обычаяхъ. Взаимное нерасположеніе проявляется и въ томъ, что малоруссы рѣдко роднятся съ великоруссами. Оттого-то бываетъ, что два селенія, находящіяся одно возлѣ другаго и населенныя представителями этихъ двухъ племенъ, не смѣшиваются другъ съ другомъ путемъ браковъ.

2. Лѣто въ малороссійской деревнѣ *).

Вотъ на скатѣ долины пріютилась деревенька среди густыхъ-густыхъ вишневыхъ садочковъ, съ улицей, обсаженной дремлющими ветлами. Изъ долины выскочили на возвышеніе толстенькія крылатыя мельницы. Далеко-далеко виднѣется бѣлая церковь; тамъ село раскинулось по крутому берегу рѣки. Зазвучала малороссійская рѣчь. Привѣтливый, обходительный народъ живетъ въ этихъ мѣстахъ. Странника, чужаго человѣка онъ не знаетъ куда и посадить, чѣмъ и угостить, хлопочетъ, «чтобъ, и его хату люди не минали». Самая рѣчь складъ языка звучитъ такъ ласково. Дѣло дѣлаетъ онъ исподволь, не спѣша; не мечется во всѣ стороны, не старается только о томъ, гдѣ бы ему гривенникъ ухватить. А въ дру-

*) По Л. Ставровскому.

гихъ мѣстахъ, дальше къ сѣверу, часто видишь: попросить мужикъ по дорогѣ ведра коней напоить, и того не дадутъ: дай имъ копѣйку! Наживы да барыша во всемъ ищутъ. Въ промыслы на чужую сторону не ходитъ отсюда народъ; развѣ кто-нибудь пойдетъ на лѣто чумаковать въ Крымъ за солью или на Донъ за «таранью» — сушеною рыбой. Работаютъ на своихъ родныхъ поляхъ и не тянутъ ихъ изъ степей въ людныя мѣста, въ большіе оживленные города.

Чисто, уютно въ деревнѣ. Прихотливо расположились хаты въ два ряда: онѣ тщательно обмазаны толстымъ слоемъ глины и, побѣленные известкой, смотрятъ своими маленькими окошками, точно подслѣповатыя старушки, которыя одѣлись чистенько въ бѣлыя свиточки, чтобъ итти въ церковь. На рамахъ оконъ досужая рука вывела красками узоры. Соломенные крыши словно подъ линейку подстрижены. А загляните во внутренность хаты: вездѣ порядокъ, вездѣ видна заботливая рука хозяйки. Земляной полъ чисто выметенъ. Столъ въ углу накрытъ скатертью, и хлѣбъ, который всегда лежитъ на столѣ, завернуть въ полотенце — «рушникъ». Надъ столомъ, въ самомъ углу, красуются на полкѣ нарядныя иконы, убранныя полевыми цвѣтами и сверху прикрытыя красиво вышитымъ рушникомъ. Возлѣ широкой печи стоятъ въ порядкѣ ухваты, кочерга, вѣникъ, а вонь вверху протянулася

хлѣбная лопата, и такъ вымыта, выскоблена, что—на! А печка-то бѣлая-бѣлая, словно въ ней и не топятъ. У дверей, на полкахъ разставлены, какъ напоказъ, миски съ намалеванными птичками да цвѣтами, тарелки, фляжки, ложки и т. п. Около високаго порога стоитъ кадка или ведро съ водой, прикрытая сверху деревяннымъ кругомъ, чтобы сору на попало въ воду, а возлѣ — лоханки, куда выливаютъ всякіе остатки отъ обѣда,—ихъ потомъ относятъ свиньямъ. Отъ печки къ стѣнѣ настланы доски на одной высотѣ съ лавками; эти доски называются «піль», и тутъ сложены подушки, одѣяла. Коляска для ребенка, сито, рѣшето, свиты, тулупы, шапки, рукавицы, связки лука, соль, ножи, гребешки—все на своемъ мѣстѣ: то виситъ на гвоздяхъ или на жердочкѣ, то лежитъ на полочкахъ подъ потолкомъ.

Во дворѣ тоже чистота и порядокъ. Въ високой клунѣ *) снопы старательно уложены на двѣ стороны около стѣнокъ изъ плетня; ровный токъ посрединѣ клуни для молотбы и вѣянья всегда выметенъ метлой. Не безъ надзора и постройки для скота. За самымъ скотомъ,—за волами, овцами, свиньями или за домашнею птицею,—уходъ заботливый, какъ за ребенкомъ; Боже сохрани забыть въ определенное время задать корму скотинѣ, не напоить ее! Это значитъ, что въ томъ домѣ нѣтъ ни

*) Клуна—молотильный сарай.

складу, ни ладу, и слава добрыхъ хозяевъ навсегда будетъ потеряна въ деревнѣ. Можетъ быть, оттого тамъ и волы такіе громадныя; шен у нихъ словно изъ цѣльнаго дуба выточены. Изъ одного тамъ кормленаго кабана вырѣзываютъ пудовъ по пяти и больше сала; «что годъ, говорятъ люди, то по пуду сала прибываетъ у кабана».

Печеть на улицѣ солнышко, загнало всѣхъ ребятишекъ куда-нибудь въ тѣнь, въ холодокъ; даже и свиньи не увидишь: и тѣ залегли подъ плетень или въ грязь на берегу маленькаго озера. Видно, что лѣто вполне вступило въ свои права и готовить муку рабочему люду своими начавшимися жарами; но еще не пришло время страды, когда цѣлый день усиленно работаютъ въ полѣ; теперь палящіе лучи солнца еще не особенно-то тревожатъ людей. Безъ дѣла люди, конечно, и теперь не остаются. Покончили съ весенними работами, съ посѣвами,—теперь нужно проорать поля подъ озимый хлѣбъ, да не нужно упускать теплаго времени и для того, чтобы сдѣлать плетень для огорода, накрыть клуню соломой, а еще мало ли найдется такихъ работъ, которыхъ нельзя дѣлать зимой. Женщины пока полютъ огороды, ткутъ холсты; нужно имъ также и свиней, птицу накормить, подоить корову, за дѣтьми посмотреть, всей семьѣ обѣдъ изготовить. Довольно, довольно найдется работы и до страд-

ной поры всякому! И теперь всё заняты съ ранняго утра.

Въ полдень готовъ обѣдъ. Пришли сыновья, вымыли руки, перекрестились и сѣли за столъ, за горячій борщъ съ саломъ да за кашу. Батьки нѣтъ, онъ въ полѣ торопится кончить работу, и дочка понесла ему туда обѣдать—борща да варениковъ; захватила она съ собой и кислаго квасу, хлѣба цѣлую ковригу. Пообѣдаютъ, и снова всею семьей за работу до заката солнышка. Вечеромъ посвѣжѣетъ въ воздухѣ, отдохнутъ натомившіеся люди, расправятъ уставшія спины. А молодая дивчины да парубки словно и не уставали. Соберутся на вечерницу гдѣ-нибудь у вдовы въ хатѣ, затопятъ печь соломой, нанесутъ разныхъ припасовъ для закуски, начнутъ пѣть пѣсни, забавляться. Иныя дивчины задумаютъ еще поработать; начнутъ прясть, шить, вышиваютъ узорами у рубашекъ плечи, рукава, грудь. Видно, хочется имъ въ праздникъ щегольнуть. И какихъ узоровъ—синихъ да красныхъ—ни повышиваютъ онѣ! И крестики тутъ, и ласточки, и лодочки! А иной узоръ такъ и вьется хмѣлемъ! Но лѣтомъ ужъ плохія вечерницы: не сидится молодежи въ душной хатѣ, и вся гурьба высыпала на улицу. Раздались въ чистомъ воздухѣ пѣсни; много ихъ поется; иногда дивчата затянутъ такую грустную, словно онѣ прощаются навсегда съ чѣмъ-то прекраснымъ, словно хоронятъ свою веселую молодость.

Солнышко уже зашло; стемнѣло. Старое поколѣніе, наработавшись, спитъ себѣ спокойно, а молодое еще долго-долго забавляется на улицѣ. Дивчата поютъ свои тоскливыя пѣсни и обходятъ, взявшись за руки, деревню, облитую бѣлымъ дрожащимъ свѣтомъ мѣсяца, и ихъ ауканье далеко разносится по полямъ. А за ними слѣдуютъ парубки съ сопѣлками въ рукахъ, со смѣхомъ и шутками на устахъ. На время пѣсни утихнутъ, и слышны только крики, шумъ и смѣхъ веселой толпы. Около полуночи все замолкаетъ на деревнѣ. Въ полѣ промелькнулъ огонь. Прозвучала сопѣлка, и грустные пѣвучіе звуки пронеслись надъ степью и умолкли. Дальше слышно — пасутся воны. Послышалась пѣсня, которую ведетъ сильный мужской голосъ, и разомъ оборвалась. Видно, молодая душа о чемъ-то иномъ мечтаетъ, и сонъ не смыкаетъ глазъ; вѣдь и тѣ парубки, которые гоняютъ воловъ на ночлегъ, имѣютъ сердце; знаютъ и они прелесть украинской ночи, умѣютъ и они мечтать; порой и изъ ихъ груди вырывается вздохъ, и ни съ того, ни съ сего, порой слеза украдкой навернется на молодыхъ глазахъ.

А что за веселье идетъ въ праздникъ въ деревнѣ! Вонъ посмотрите: собрался народъ на улицѣ, слышится музыка. Вышелъ молодой парубокъ козачка плясать, статный да красивый—заглядѣнье! Очи карія такъ и блещутъ отвагой изъ-подъ чернаго картуза; лицо смуг-

лое, загорѣлое, только лобъ бѣлѣетъ; брови черныя точно врѣзаны. Нахлобучить онъ картузь, поправить цвѣтной поясъ, что такъ и горитъ на темной свитѣ, да какъ пустится въ присядку! Только подковы на каблукахъ блестятъ, да пыль летитъ во всѣ стороны! А вотъ выходитъ плясать мятелицу дивчина, высокая да чернобровая! Косы черныя обвились, какъ двѣ змѣи, вокругъ головы, а на нихъ лежитъ разноцвѣтный вѣнокъ изъ тонкой матеріи, и ленты, спускаясь яркимъ густымъ пучкомъ на плечи, такъ и играютъ по бѣлой свитѣ съ перелетнымъ вѣтромъ; изъ-подъ полосатой юбки,— «спідницы»,—червонѣютъ, какъ кровь, сапоги на ногахъ — «чоботы»; а то чоботы, кромѣ обыкновенныхъ черныхъ, бываютъ еще и желтые, какъ березовый листъ осенью. А какъ начнетъ дивчина выступать подъ музыку сельскаго скрипача да бубенщика, тихо-тихо, точно лебедь плыветъ. Точно ей тяжело подъ «намістами» — прядками бусъ, что охватили ея бѣлую шею и спустились на высокую грудь зелеными да красными полукругами. Повернется, глянетъ карими очами, поведетъ черной бровью — картина да и только! Кругомъ стоять, смотрятъ важные батьки съ длинными усами, опущенными внизъ, въ войлочныхъ «бріляхъ» или въ соломенныхъ «капелюхахъ» — шляпахъ съ широкими полями. Ведутъ разговоры о томъ, о семь; радуются, глядя на молодежь: отчего не повеселиться, не потанцо-

вать молодымъ ноженькамъ? Время праздничное, гуляетъ весь православный народъ! Тутъ же любятъ на молодежь и пожилыя женщины. Цвѣтныя «очипки», стягивающіе имъ голову и прикрывающіе волосы, показываютъ, что прошла пора ихъ дѣвчества, не заплетать имъ больше своихъ волосъ въ красивыя косы. Сверхъ очипковъ онѣ старательно повязали «намітки» — платки изъ самодѣльной матеріи. Стоять, смотреть, мирно толкуютъ, поминаютъ свою молодость. Видно, что и имъ весело, и имъ въ радость праздничный отдыхъ; немало онѣ наработали за эту весну да за начало лѣта, а еще больше имъ придется поработать на лугу и на полѣ до спокойной зимы.

Настаетъ пора страды. Пройдите днемъ по полю—какая жара! Солнце такъ и палитъ; а вѣдь это и есть самая пора покоса, — трава уже давно начала сѣмениться. «Да, пора косить!»—говорятъ старйки; и вотъ всѣ взрослые и здоровые выбрались изъ деревни на луга. Еще солнышко не показалось и не разошелся туманъ надъ рѣчкой, а косари уже на ногахъ, выстроились въ рядъ подъ предводительствомъ атамана, мѣрно и плавно взмахнули косами, и зашелестѣла высокая трава, ложась длинными, ровными рядами. Воздухъ упился благоуханіями. Просторъ, приволье въ степи! Господи, какъ хорошо, какъ легко дышится! Вонъ и тому ястребу, что такъ игриво

плаваетъ широкими кругами въ легкомъ, тепломъ воздухѣ, тоже, должно быть, привольно и хорошо чувствуется! Жаворонокъ, звеня серебрястою пѣсенкой, забрался туда же, въ лазурную высь. Солнышко уже высоко; потъ смочилъ рубашки косарей, а они все идутъ, все идутъ впередъ, пугая перекликающихся перепеловъ; изрѣдка остановятся; запоютъ косы подъ точильными лопатками; а тамъ снова за тяжелую работу. И хороша степь, да некогда косарямъ любоваться ею,—нужно косить скорѣй, а не то, пожалуй, отстанешь отъ другихъ на великій срамъ и стыдъ.

До самой рѣчки полегла уже душистая трава. Атаманъ остановился, посмотрѣлъ на солнце.— «Довольно!»— И косари, вскинувъ косы на плечи, отправились къ возамъ; положили косы и скорѣй къ прохладной рѣчкѣ! Раздѣлись, кинулись въ воду, и пошла потѣха! Всколыхнулась рѣчка; зычные крики съ силой отдались по берегамъ ея и въ сосѣднемъ лѣсу. Запахло дымомъ; закипѣла на огнѣ каша. А тамъ отдохнули, и опять за косы. Но вотъ солнышко все ниже и ниже опускается, все больше краснѣетъ, и скоро только однѣ верхушки лѣса зазолотились въ прощальныхъ лучахъ его. Тихо, плавно пролетѣла цапля къ своему гнѣзду на вершину болотнаго дуба. По листьямъ пробѣжалъ легкій вѣтерокъ. Гдѣ-то въ болотѣ за скрипѣлъ деркачь. На западѣ бѣловатыя тучки, словно стая бѣлогрудыхъ гусей, поплыли по

чистому, блѣднѣющему небу. Ночная мгла начала разливаться по полямъ. Стихла дневная суета. Земля отдыхаетъ отъ дневнаго жара. Косари развели огни по берегу рѣчки, начались пѣсни, шутки, рассказы.

И какихъ разсказовъ не наслушаешься на ночлегѣ у этихъ косарей или вонь у тѣхъ парубковъ, что пасутъ воловъ на лугу! Расположившись вокругъ огня, они обмѣниваются другъ съ другомъ своими познаніями о томъ чудесномъ мірѣ, который созданъ воображеніемъ народа и такъ вкоренился въ убѣжденія этихъ людей, что они рассказываютъ про русалокъ и лѣсовиковъ также подробно и опредѣленно, какъ мы могли бы поразсказать про нашихъ хорошихъ знакомыхъ. Да и какъ человѣческому воображенію не творить чудесныхъ, поэтическихъ образовъ среди подобной обстановки. Вонь посмотрите: парубки выбрали себѣ мѣсто для ночлега возлѣ лѣса. Стройныя, бѣлыя березы, мрачныя, выжженные сбоку дубы, протягивающіе свои вѣтви, какъ руки, трепещущія молодая осины, пораскинутыя по полю груши,—и все это освѣщено волшебнымъ пламенемъ огня. Тутъ ясно, какъ днемъ, зато тамъ — ночь еще темнѣе; а тутъ снова свѣтъ скользнулъ по лужайкѣ и озарилъ свѣтлую зеленъ до самаго берегу озера и стоящаго тамъ красавца осокоря. Какой смѣльчакъ изъ парубковъ осмѣлится теперь отойти отъ этого огня, покинуть веселыхъ товарищей

и пойти въ лѣсъ, на берегъ рѣчки? Тамъ причудливыя тѣни стелются по водѣ; сверкнеть на мѣсяцѣ водяная зелень; испуганная рыба колыхнеть водой; крикнетъ страшно то-скливымъ голосомъ невѣдомая птица, и крикъ ея замретъ гдѣ-то въ глубинѣ луговъ.

3. Малороссійскія села и хутора.—Хаты и хозяйственныя постройки. Домашняя утварь.

Въ Малороссіи существуетъ двоякаго рода крестьянскія хозяйства: во-первыхъ, хозяйства крестьянъ, живущихъ въ большихъ селеніяхъ, во вторыхъ, хозяйства крестьянъ, обитающихъ въ хуторахъ. Хутора эти разбросаны вдали отъ селъ и деревень, по живописнымъ берегамъ рѣкъ (Псела, Ворсклы, Сулы, Коломокъ), скрываются въ оврагахъ... Въ нихъ живетъ не раздѣльно одна семья, производящая всѣ работы общими силами, подъ руководствомъ старшаго въ семьѣ—дѣда или отца. Уединенное положеніе хуторовъ способствовало тому, что нравы ихъ обитателей сохранили большую чистоту, чѣмъ многочисленныхъ слободъ. Да и хозяйство ихъ имѣетъ больше порядка. У нихъ превосходный рогатый скотъ, какой трудно встрѣтить у другихъ крестьянъ.

Украинскія села, напротивъ, часто очень обширны,—не уступаютъ населенностью нѣкоторымъ уѣзднымъ городамъ. Они обыкновенно

избираютъ мѣсто гдѣ нибудь въ долинѣ, около рѣчки или пруда. Состоятъ они изъ нѣсколькихъ линій хатъ, между которыми пролегаютъ улицы. Если, впрочемъ, не ощущается недостатка въ мѣстѣ, хаты располагаются въ одинъ рядъ. Улицы обыкновенно широки. Большую часть года, какъ и въ великорусскихъ селахъ, онѣ покрыты невылазною грязью, страшно липкой, въ особенности тамъ, гдѣ почва съ примѣсью глины. Въ отношеніи уличной грязи малорусскимъ селамъ можетъ быть даже отдалено первое мѣсто передъ великорусскими. У великоруссовъ, при скудной почвѣ, навозъ и всякій соръ служатъ для удобренія полей; малоруссы-же не пользуются этими матеріалами для унавоживанія земли, которая сама по себѣ обладаетъ большими производительными силами, а преспокойнымъ образомъ вываливаютъ на задворкахъ, или еще лучше—вывозятъ для устройства плотинъ, чѣмъ заражаютъ воду.

Жилище малорусса, начиная отъ р. Дона до самыхъ Карпатовъ, отличается довольно общимъ видомъ. Если замѣчаются нѣкоторыя особенности въ постройкѣ, то онѣ зависятъ отъ различія въ строительномъ матеріалѣ. Такъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще не ощущается большаго недостатка въ лѣсѣ (напр., въ Черниговской губ.) хаты сдѣланы изъ срубовъ. Напротивъ, въ средней и южной Малороссіи, гдѣ лѣса нѣтъ, или его мало и онъ дорогъ, хаты дѣлаются или изъ «лимпа-

ча»—смѣси глины съ соломой, или изъ хвороста и камыша, вымазанныхъ глиною («мазанки»). Въ мазанкахъ только столбы и стропила дѣлаются деревянные. Въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ «рублена хата» есть роскошь и служить признакомъ зажиточности домохозяина. На это указываетъ одна народная пѣсня, въ которой парень обращаетъ вниманіе дѣвушекъ на свою «рублену хату», какъ на что-то выходящее изъ ряду вонъ: «подивитыся дѣвчата,—въ мене *рублена* хата». Въ иныхъ мѣстахъ, напр., на югѣ Херсонской губ., гдѣ также живутъ малоруссы, въ деревнѣ ощущается такой недостатокъ, что даже столбовъ и стропиль бываетъ не изъ чего сдѣлать, и крестьяне живутъ въ землянкахъ.

Хаты кроются соломою. Кругомъ нихъ, иногда-же только на переднемъ фасадѣ, дѣлаются насыпь въ полъ аршина вышины и такой-же толщины. Насыпь эта плотно уколачивается и смазывается глиной. Въ зимнее время она служитъ для предохраненія хаты отъ холода и сырости, а лѣтомъ—для сидѣнія.

Обыкновенно хата дѣлится сѣнями на двѣ части: съ одной стороны ихъ жилое—помѣщеніе, съ другой—«світлица», камора или кладовая.

У небогатыхъ крестьянъ изба состоитъ изъ жилого помѣщенія, сѣней и каморы. Хаты-же бѣднѣйшихъ, а также молодыхъ, начинающихъ жить своимъ хозяйствомъ, напр., отдѣлившихся

сыновей, ограничиваются даже только однимъ жильемъ и сѣнями.

Болѣе зажиточные крестьяне, равнымъ образомъ и мѣщане, живущіе въ городахъ и мѣстечкахъ, имѣютъ хаты, состоящія изъ двухъ и даже трехъ жилыхъ помѣщеній. Когда хата состоитъ изъ двухъ жилыхъ помѣщеній, «камора» устраивается отдѣльно, а чрезъ сѣни, тамъ, гдѣ обыкновенно отводится мѣсто для каморы, помѣщается «світлица» для приѣма гостей, или отдачи въ наемъ.

Заглянемъ во внутренность жилого помѣщенія.

При входѣ въ него прежде всего обращаютъ на себя вниманіе двери и порогъ. Двери бываютъ обыкновенно такъ низки, что даже людямъ средняго роста невозможно пройти чрезъ нихъ безъ того, чтобъ не согнуться. Такія двери устраиваются для того, чтобъ въ хатѣ лучше удерживалось тепло. «Якъ у хаті,—говорить малоруссъ,—великіе двери зробыть, то треба богато и опалу стараться на зиму; а тошъ у хаті не всидить: якъ одчинять двері, такъ усе тепло шугне на двіръ» *). Пороги дѣлаются очень высокихъ размѣровъ,—такихъ, что непривычный человекъ легко можетъ запнуться и упасть. Около дверей—«масныкъ» съ пол-

*) Если у хаты сдѣлать большую дверь, то нужно много запасать на зиму топлива; какъ отворять дверь, такъ все тепло и уйдетъ на дворъ.

ками для посуды, лохань и вода. Окно въ избѣ три. Расположеніе ихъ всегда одинаково: два по сторонамъ краснаго (передняго) угла, а третье почти возлѣ самыхъ дверей, противъ печи. Изъ двухъ первыхъ оконъ, одно непременно выше втораго; окна въ другой стѣнѣ такихъ-же размѣровъ, какъ второе. Это повсемѣстная особенность малорусской хаты. Если хата расположена гдѣ-нибудь въ тѣни, подъ горою или между деревьями, что довольно часто встрѣчается въ Кіевской и Подольской губерніяхъ, то прорубается еще четвертое окно.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дверей, въ углу находится печь, занимающая съ «припечкомъ и запичкомъ» почти четверть всего пространства избы, а подлѣ нея—рогачи (ухваты), кочерга и вѣникъ.

Печи устраиваются преимущественно изъ глины. Кирпичныя печи въ малорусской избѣ—явленіе довольно рѣдкое. Онѣ чаще попадаютъ тамъ, гдѣ вблизи есть кирпичные заводы: близъ городовъ и въ мѣстечкахъ. Впрочемъ, заводскій кирпичъ обходится дорого, а потому крестьяне, приглядысь къ способу его приготовленія, выдѣлываютъ его потомъ сами. Въ другомъ углу, расположенномъ наискось съ печью, стоитъ столъ, накрытый скатертью; на немъ всегда лежитъ хлѣбъ. За столомъ, надъ стѣнами—лавки, а у потолка—«божникъ»—полка для образовъ, всегда украшенная затѣйливою рѣзбою и цвѣтами.

Какъ внутри, такъ и снаружи, хаты тща-тельно выбѣливаются. Для этого служатъ бѣлая глина, мѣлъ и гипсъ. Выбѣливаніе хаты и вообще содержаніе ея въ чистотѣ лежитъ на обязанности хозяйки: «безъ хозяина двірѣ, безъ хозяйки хата плаче», гласитъ народная пословица. Въ одной сказкѣ мать, отдавая дочь замужъ, дѣлаетъ ей слѣдующее наставленіе: «Гляди-жь, дочко, якъ будешь у тестя, то вставай раненько, умивайся біленько, вымитай хату й сіны, коло хаты подмітай, поприбірай, а въ субботу у вечері припечокъ підмажь» и т. д. Хорошая хозяйка считаетъ своей обязанностью подмазывать каждую субботу «припечокъ». Въ тѣхъ семействахъ, гдѣ есть взрослыя дочери, обязанность эта лежитъ на послѣднихъ. Стѣны и потолки бѣлятся передъ большими праздни-ками. Рѣже выбѣливается наружная сторона хаты. Оттого малорусскія хаты и снаружи и внутри имѣютъ такой привлекательный, привѣтливый видъ. Тамъ, гдѣ малоруссы живутъ рядомъ съ нѣмецкими колонистами или мазурами (въ Привислянскомъ краѣ), малорусскія жилища всегда имѣютъ преимущество по своей внѣшней чистотѣ. Еще болѣе выигрываютъ онѣ въ сравненіи съ жильемъ великорусса. «Когда случай занесетъ васъ въ русскія села, говоритъ одинъ ученый, и принудитъ искать въ нихъ ночлега, то, не говоря уже о неизбѣжной принадлежности крестьянской избы—

тысячѣ таракановъ, васъ охватываетъ удушливый воздухъ, въ которомъ скопляются испаренія людей, а иногда и животныхъ. Конечно, подобная обстановка происходитъ иной разъ и отъ недостатковъ крестьянъ; но со стороны зажиточности, положеніе жителей малорусскихъ слободъ нисколько не отличается отъ обитателей селъ и деревень. Между тѣмъ, хохлацкая хата—самая растрепанная и бѣдная, и та заботливой рукой пани-матки приводится въ возможно опрятный и чистый видъ,— что происходитъ отъ усвоеннаго стремленія къ чистотѣ и порядку, какимъ отличаются вообще малоруссы. Если у какой-либо хозяйки—хохлушки дождь смочетъ бѣлила со стѣнъ, дѣти или кто-либо другой запачкаетъ внутреннія стѣны жилища, облупится печь,—то заботливая рука хозяйки излечитъ раны и заштопаетъ прорѣхи. Передъ всякимъ великимъ праздникомъ, тѣмъ болѣе престольнымъ, всякая малорусская слобода чистится, моется. Оттого каждая малороссійская слобода блеститъ въ ясный солнечный день яркою бѣлизною своихъ обкрашенныхъ мѣломъ хатокъ...

Каждая хата на переднемъ фасадѣ имѣетъ окруженное плетнемъ и заключающее въ себѣ разныя хозяйственныя постройки пространство. Пространство это носитъ названіе «подвірья» (дворъ). Другое пространство, болѣе значительное и помѣщающееся со стороны задняго фасада, вмѣщаетъ «садокъ, леваду и

грядки підъ городину» (огородъ—называется «городомъ»). Дворъ и огородъ обносятся рвомъ, тыномъ, частоколомъ, смотря по тому, какого болѣе матеріала для огорожи могутъ дать мѣстныя условія. Въ большинствѣ случаевъ «двіръ» обносится высокимъ тыномъ изъ отборнаго хвороста или лозы. По сторонамъ онъ подпирается крѣпкими дубовыми кольями, сверху-же, для предохраненія отъ дождя или тающаго снѣга, прикрывается соломой или вѣтвями сухихъ деревьевъ.

Во дворъ ведутъ ворота, устраиваемыя у зажиточныхъ изъ досокъ и украшаемыя по срединѣ крестомъ. Иногда ворота дѣлаются просто изъ жердей.

На дворѣ помѣщаются всѣ хозяйственныя постройки, за исключеніемъ клуни и погреба. Расположеніе этихъ построекъ представляетъ большое разнообразіе. Обыкновенно, на дворѣ находятся «*пovitka*» для крупнаго скота и *кошара*—небольшое, но теплое строеніе для овецъ и телятъ, и потому носящее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ названіе «овечника» или просто «хлівца», и «загонъ» для свиней. У зажиточныхъ крестьянъ, кромѣ того, бывають: «сажъ»—для откармливанія кабановъ, «топа»—для складыванія хозяйственныхъ орудій и отдѣльная камора или кладовая.

Особнякомъ отъ дворовыхъ хозяйственныхъ построекъ устраивается «клуня» (рига). Клуня бываетъ гораздо больше другихъ построекъ,

имѣть большія ворота, на столько широкія и высокія, что возъ, нагруженный снопами, можетъ свободно проходить чрезъ нихъ. Внутренность клуни состоитъ изъ трехъ частей: по обѣимъ сторонамъ помѣщаются «засторонки», куда складывается немолоченный хлѣбъ, а по срединѣ—«токъ», на которомъ въ дождливое время производится молотѣба.

4. Одежда и пища.

Одежда малоруссовъ отличается многими хорошими качествами: она проста, прочна, довольно удобна и красива,

Нижнее платьѣ малорусса состоитъ изъ рубахи и штановъ, которые шьются изъ бѣлаго домашняго холста. Рубахи бываютъ двухъ покроевъ. Въ Кіевской и западной части Полтавской губерніи носятъ рубахи съ низенькимъ стоячимъ воротникомъ и съ широкими прямыми рукавами. Такія рубахи по вороту и рукавамъ украшаются разнообразными вышивками. Другаго покроя рубаха распространена во всѣхъ прочихъ мѣстахъ, гдѣ живутъ малоруссы. Она имѣетъ отложной воротникъ, около котораго идутъ густыя сборки. Вокругъ кисти руки рукава также представляютъ сборку. Вышивокъ и украшеній на рукавахъ рубахи этого покроя не имѣютъ.

Каждому виду сорочки соотвѣтствуютъ и

разнаго покроя штаны. Такъ, съ вышитою рубахою носятъ штаны необъятной ширины. Надѣвая ихъ, малоруссы собираютъ у талии «на очкуру» (длинный ремень съ пряжкой), такъ что образуется множество складокъ. Къ очкуру привѣшивается очень часто складной ножъ. Съ другою рубахою носятъ штаны болѣе узкіе, застѣгиваемые на пуговицы.

Сверхъ рубахи и штановъ надѣваютъ кафтанъ. Кафтанъ этотъ носить разныя названія — свитки, козачки (въ Полтавской губ.), опанчи (въ Подольской губ.), причемъ имѣетъ нѣкоторыя особенности въ покроѣ. Большимъ разнообразіемъ кафтаны отличаются въ Волынской губ.: здѣсь они бываютъ четырехъ родовъ, изъ нихъ два будничные и два праздничные. Кафтаны дѣлаются преимущественно изъ чернаго сукна.

На случай ненастной погоды надѣваютъ большую свиту съ капюшономъ, которая называется «кереею». Дѣлается эта керея изъ сукна болѣе грубаго — «рядовины» (пополамъ съ нитками).

Впрочемъ, по свидѣтельству новѣйшихъ изслѣдователей, всѣ эти народные малоросійскіе костюмы начинаютъ болѣе и болѣе исчезать. Такъ, свитки смѣняются мало-помалу великорусскими поддѣвками *).

*) Не въ одной замѣнѣ костюма замѣчается утрата племенныхъ особенностей малорусскаго населенія: Разговорная

Обувью служатъ почти исключительно кожаные сапоги изъ юфти, и «постоли» (лапти изъ кожаныхъ ремней) составляютъ признакъ крайней бѣдности.

Головные уборы мужчинъ отличаются разнообразіемъ. Лѣтомъ въ большомъ употребленіи «брили», «капелюхи», «картузи» и «кашкети». Брили—это шляпы, войлочные и соломенные, съ большими полями. Брили распространены въ Кіевской, Полтавской и Подольской губерніяхъ, а также на юго-западѣ Волынской. «Картузи и козирки» (фуражки) носятъ молодежью.

Въ зимнее время эти головные уборы смѣняются теплыми барашковыми шапками.

Одежда и головное убранство малорусскихъ дѣвушекъ и женщинъ очень красивы и отличаются въ нихъ большой вкусъ. Женскія сорочки дѣлаются такъ же, какъ и мужскія, изъ домашняго холста и бываютъ или съ отложными, или со стоячими воротничками, и притомъ или вышитыя, или совершенно гладкія. Онѣ дѣлаются очень длинныя, достигая чуть не до самыхъ пятокъ. Вышивки на сорочкахъ очень разнообразны. По различію вышивокъ, сорочки дѣлятся на кіевскія и полтавскія,

рѣчь наполняется обиліемъ чисто русскихъ выраженій, а фамиліи передѣлывается на русскій ладъ. Такъ, Гусакъ называется Гусаковымъ, Качка—Качковымъ, Тачка—Тачковымъ и т. п. Такія перемѣны замѣчаются болѣе въ городахъ и подгороднихъ селеніяхъ.

вышитыя красною и синею бумагою (заполочью) и суровыми нитками, и подольскія, гдѣ для вышивки, кромѣ упомянутыхъ цвѣтовъ, употребляются еще желтый, зеленый, голубой и пр. Полѣвскія сорочки вовсе не имѣютъ украшеній. Наибольшею красотою отличаются вышивки въ Кіевской губерніи.

Поверхъ рубахъ надѣваютъ, смотря по мѣстности, «запаски, платки, спідниці, літники, пандираки». «Запаска» есть небольшой кусокъ чернаго домашняго сукна, обвертываемый вокругъ таліи такъ, что концы его сходятся спереди. Въ видѣ передника надѣвается другой кусокъ шерстяной матеріи синяго цвѣта, называемый «попередница». Запаска и попередница подвязываются широкимъ краснымъ шерстяннымъ поясомъ такъ, чтобы концы его висѣли позади. По праздникамъ запаску смѣняетъ «плахта», которая вдвое больше запаски и отличается разнообразными цвѣтами. У богатыхъ крестьянъ можно встрѣтить полушелковыя плахты.

Запаски и плахты, впрочемъ, въ послѣдніе годы болѣе и болѣе вытѣсняются ситцевыми «спідницами». Еще въ 60-хъ годахъ въ нѣкоторыхъ селахъ можно было встрѣтить въ праздникъ не одну дѣвушку въ плахтѣ, теперь же плахта—очень рѣдкое явленіе. Смѣнившая плахту и запаску «спідница» дѣлается изъ яркихъ ситцевъ. Покрой она имѣетъ совер-

шенно такой-же, какъ обыкновенная юбка, отличаясь отъ послѣдней лишь тѣмъ, что она немного короче. Въ послѣднее время стали входить въ употребленіе сарафаны, платья и кофты. Въ Полѣсьѣ носятъ «андараки», сходные покроемъ съ «спідницями», но дѣлаемые изъ полосатой довольно грубой шерстяной матеріи.

Верхняя одежда женщинъ мало чѣмъ отличается отъ мужской. Такъ, женская свита имѣетъ покрой одинаковый съ мужскою. Вся особенность ея заключается въ томъ, что ее дѣлаютъ меньше и аккуратнѣе. Обыденною обувью женщинъ-малоруссокъ служатъ сапоги изъ черной юфти, сходные съ мужскими. Въ праздничные дни дѣвушки и молодыя женщины надеваютъ иногда сапоги изъ желтой или красной кожи (сафьяна).

Большое вниманіе малороссіянки обращаютъ на убранство головы. Дѣвушки обыкновенно заплетаютъ волосы на двѣ косы, украшая ихъ лентами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ южной части Кіевского, во всемъ Каневскомъ и частію-въ Чигиринскомъ уѣздѣ, существуетъ весьма хитрая праздничная прическа, требующая немало времени и постороннихъ рукъ, почему наканунѣ большихъ праздниковъ дѣвушки собираются другъ къ другу «мыться» и «заплетаться». Необходимую принадлежность праздничнаго головнаго убора составляютъ раз-

Набожность малороссовъ.

Къ стр. 69.

ноцвѣтныя вѣнки изъ тонкой матеріи, маленькихъ утиныхъ перьевъ, окрашенныхъ въ зеленый цвѣтъ, и разноцвѣтныя ленты. По лѣвой сторонѣ Днѣпра прическа и головной уборъ дѣвушекъ не имѣетъ ничего общаго съ описанными. Здѣсь дѣвушки заплетаютъ волосы въ одну косу, замѣняя вѣнки головными платками.

Малорусскія замужнія женщины считаютъ грѣхомъ ходить съ непокрытою головою. Такъ какъ волосы у нихъ всегда находятся подъ повязкою, то причесокъ у нихъ никакихъ нѣтъ: расчесавъ волоса, онѣ скручиваютъ ихъ и обматываютъ кругомъ головы. Головные уборы женщинъ составляютъ «очіпки, намітки, хустки», представляющія большое разнообразіе.

Говоря о женскомъ одѣяніи, нельзя не упомянуть о распространенномъ между малороссіянками обыкновеніи носить «наместа» (ожерелья). Намисто служитъ украшеніемъ дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ; пожилыя женщины, если и носятъ его, то въ незначительномъ количествѣ и темнаго цвѣта.

Зимнюю одежду какъ мужчинъ, такъ и женщинъ составляютъ тулупы и кожухи, дѣлаемые изъ овчинъ. Они частію приготавливаются домашними средствами, частію пріобрѣтаются на мѣстныхъ сельскихъ ярмаркахъ у евреевъ и мѣщанъ-«кущнировъ». Покрой зимней мужской одежды, такъ-же какъ и лѣтней, разнообра-

зится по мѣстностямъ. Что касается зимняго одѣянiя женщинъ, то оно отличается отъ мужскаго еще менѣе, чѣмъ лѣтнее. По большей части одинъ и тотъ же кожухъ попеременно носятъ и мужчины, и женщины. Въ бѣдныхъ семьяхъ однимъ кожухомъ пользуются всѣ.

Малоруссы слывуть у многихъ за большихъ любителей хорошо покушать. Пожалуй, они въ пищѣ взыскательнѣе великоруссовъ, но недостатокъ въ средствахъ заставляеть ихъ мириться съ весьма немногимъ. Въ Малороссiи, какъ и въ Великороссiи, крестьяне принуждены сбывать лучшiе продукты своего труда, а сами питаются остатками. Въ прежнихъ описанiяхъ Малороссiи передавалось будто малоруссъ не терпитъ чернаго хлѣба, но новые изслѣдователи быта малорусса говорятъ, что пшеничный хлѣбъ почти не потребляется имъ. Мясо точно также составляетъ для него рѣдкое лакомство.

Работая своей скотиной, пока она въ силѣ, малоруссъ продаетъ ее мясникамъ-жидамъ, на убой, или отдаеть на винокурни для откармливанiя бардой (остатки отъ перегонки вина), а потомъ сбываетъ въ Великороссiю или за границу. Мясо для малорусса замѣняется саломъ (свинымъ).

Помимо недостатка въ мясной пищѣ, малоруссъ не ощущаетъ изобилiя и въ молочной.

Удой коровъ незначителенъ, потому что ими пользуются также при полевыхъ работахъ и, изнуряя, не даютъ достаточнаго корма. Притомъ далеко не у всѣхъ крестьянъ есть коровы. Отсутствіе молочной пищи особенно невыгодно отражается на дѣтяхъ, принужденныхъ питаться тѣмъ-же, чѣмъ и взрослые.

Украинскія хозяйки содержатъ много домашней птицы, но и послѣднею крестьянамъ приходится пользоваться только развѣ въ исключительныхъ случаяхъ. Птица составляетъ въ Малороссіи одинъ изъ главныхъ источниковъ женскихъ доходовъ, которыми покрываются расходы на одежду самихъ хозяекъ, дѣтей и даже мужей. Нерѣдко мужъ обращается за деньгами къ женѣ для уплаты податей. Поэтому домашняя птица поступаетъ почти вся въ продажу, и потребителями ея становятся евреи, которыхъ въ Малороссіи расплодилось довольно-таки много.

Что-же составляетъ для малорусса главные пищевые продукты? Рожь, ячмень, греча, просо, картофель, капуста, свекла, цибуля (лукъ), огурцы, горохъ и т. п. растительная пища. Этотъ матеріаль служитъ для приготовленія разныхъ кушаній. Любимѣйшее изъ нихъ— борщъ, безъ котораго у малорусса и обѣдъ не въ обѣдъ. Приправою къ борщу служитъ сало, замѣняемое въ постные дни—постнымъ масломъ. Далѣе идутъ щи, юшка (супъ), локшана

(лапша), кулишъ или крупникъ (жидкая каша), густыя каши разнаго рода и кутя, употребляемая во время полевыхъ работъ, галушки (куски тѣста, сваренные въ кипяткѣ), голубці (пшенная каша, поджаренная въ листьяхъ капусты), вареники съ сыромъ, макомъ, капустой, ягодами.

Кромѣ этой вареной пищи, употребляются разные растительные продукты въ сыромъ видѣ. Такъ, напр. лукъ съ хлѣбомъ составляетъ обыкновенный лѣтній завтракъ малорусса, точно такъ же, какъ и «огирки» (огурцы). Кромѣ разныхъ овощей, въ употребленіи фрукты и ягоды, благодаря тому, что садоводство довольно распространено.

Пищу малоруссъ употребляетъ въ лѣтнее время четыре раза, въ зимнее три. Поднявшись лѣтомъ часа въ 3, малоруссъ отправляется на работу, ничего не ѣвши. Въ 6 или 7 часовъ утра онъ подкрѣпляется завтракомъ («снѣдаэ»), въ 10—11 часовъ—обѣдаетъ, въ 4—5 час. полдничаетъ, а въ 9 часовъ вечера ужинаетъ («вечеряэ»). Завтракомъ, какъ и полдникомъ, и лѣтомъ и зимою служатъ по преимуществу невареная пища,—главнымъ образомъ, овощи и хлѣбъ. Обѣдъ же составляютъ два блюда — одно жидкое, какое-нибудь хлебанье, а другое густое. На ужинъ идутъ остатки отъ обѣда, или готовится одно горячее кушанье. Напитками служатъ квасы, медъ, брага, пиво, водка, настойки и наливки. Водку

употребляютъ не только мужчины, но и женщины. Корчмы составляютъ любимое мѣсто времяпровожденія малоруссовъ.

5. Набожность малоруссовъ.—Повѣрья и суевѣрія.

Малоруссы — очень набожный и благочестивый народъ, любящій св. Церковь и православную вѣру. Малоруссъ очень ревностенъ въ отношеніи исполненія обрядовыхъ требованій. Онъ усердно посѣщаетъ церковь и любить пѣть на клиросѣ. Нерѣдко можно видѣть, что на клиросѣ поетъ человѣкъ 20—30 взрослыхъ малоруссовъ, а ребятишки, выстроившись во всю ширину церкви, отъ одного клироса къ другому, подтягиваютъ большимъ.

Приверженность малоруссовъ къ православію сказалась всего сильнѣе въ ту тяжелую для жизни южно-русскаго края пору, когда онъ находился подъ властью Польши. Въ это печальное время, пользуясь покровительствомъ властей, въ средѣ малорусскаго населенія стали распространяться и проводить въ народъ свое ученіе католицизмъ, при помощи, главнымъ образомъ, іезуитовъ, въ чемъ онъ нашелъ сильную поддержку въ польскихъ властяхъ. Онъ дѣйствовалъ то силою, то дарованіемъ разныхъ льготъ и преимуществъ тѣмъ, кто обращался въ латинство. Такъ, напримѣръ, въ

1432 г. русской шляхтѣ (дворянамъ) *латинскаго обряда* обѣщаны были права, одинаковыя съ польскою. Вслѣдствіе такихъ преимуществъ, представители русскаго дворянства стали переходить въ католичество *). Дѣйствуя, съ одной стороны, предоставленіемъ католикамъ изъ русскихъ разныхъ преимуществъ, польскія власти въ то-же время творили всяческія притѣсненія тѣмъ, кто оставался вѣренъ православію. Вѣра народа подвергалась самымъ тяжелымъ испытаніямъ. Такъ, напримѣръ, по распоряженію польскаго правительства, въ многочисленнѣйшихъ городахъ и мѣстечкахъ Малороссіи торгъ пасхами сданъ былъ на откупъ евреямъ. «Откупщики не только что взымали съ малоруссовъ откупныя деньги безъ всякой пощады,—но еще сами дѣлали расчетъ, сколько кто, по числу душъ въ семействѣ, долженъ былъ купить пасохъ, и принуждали малороссіянъ покупать пасхи въ количествѣ, рассчитанномъ самими откупщиками».

Понятно, что все это глубоко возмущало простой-народъ, которому приходилось страдать больше всего. Онъ давалъ отпоръ притѣсненіямъ то мирнымъ путемъ, то возстаніямъ

*) Первый случай перехода въ католицизмъ русскихъ дворянскихъ родовъ былъ въ 1514 г., когда въ латинство обратились князья Сапѣги. За ними послѣдовали: Радзивиллы, Чарторыйскіе, Сапгушки, Тышкевичи, Вишневецкіе и другіе.

ми. Сплотясь во едино и образовавъ православныя братства, онъ дружно отстаивалъ интересы своей народности и вѣры. Такія братства были распространены повсемѣстно. Наибольшею извѣстностью пользовались братства: Львовское, основанное въ 1544 г. (въ Галиціи), Луцкое (въ Волыни) и Кіевское. Братства эти оставили послѣ себя множество памятниковъ своей почтенной дѣятельности. Но кромѣ нихъ, въ южно-русскомъ краѣ существовало множество братствъ мелкихъ, которыя, при всей скромности своей дѣятельности, успѣли оказать большія услуги защитѣ народности и вѣры. Братства поддерживали церкви, давали содержаніе ихъ причтамъ, устраивали для недужныхъ и неспособныхъ къ работѣ богадѣльни, для дѣтей заводили школы. Львовское братство, кромѣ того, прославилось изданіемъ книгъ духовнаго содержанія. Типографія во Львовѣ была основана (въ 1570 г.) извѣстнымъ московскимъ печатникомъ Иваномъ Федоровичемъ, оставившимъ Москву «озлобленія и зависти ради». По примѣру львовскаго устроили типографіи и другія братства—луцкое, могилевское... Типографіи меньшихъ размѣровъ устраивались не только въ городахъ, но и мѣстечкахъ. Сильная потребность въ изданіи книгъ вызвала открытіе странствующихъ типографій. Имѣя прочное устройство, располагая средствами (членовъ), южно-русскія церковныя братства поль-

зовались большими правами. Такъ, львовское братство имѣло право избирать и даже судить священниковъ. Сами архіереи должны были, по уставу, исполнять ихъ постановленія. Мало того: братство могло осуждать архіерея, если онъ дѣлалъ что-нибудь недолжное. Такія обширныя права, присвоенныя братствами, оправдывались вполне обстоятельствами времени. Въ ту пору даже между высшими представителями православной іерархіи было не мало людей, которыя склонились на сторону католицизма. Извѣстно, что митрополиту Михаилу Рагозѣ, епископамъ Ипатію Поцѣю, Кириллу Терлецкому, Михаилу Копыстенскому, Гедeonу Балабану и другимъ обязана своимъ осуществленіемъ, такъ называемая, литовская церковная унія (1595 г.) *). Эти представители высшей православной іерархіи, перейдя въ унію, увлекли за собою и многихъ изъ паствы. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы не церковныя братства, католицизмъ сдѣлалъ-бы болѣе широкія завоеванія въ средѣ малорусскаго населенія. Съ другой стороны, еслибы не преслѣдованія со стороны католицизма, по всей вѣроятности, не возникли бы и самыя братства, принесшія столько пользы дѣлу просвѣщенія.

*) Въ силу этой уніи православные сохранили за собою обрядность своей церкви, но признавали главенство папы. Эта унія должна была служить переходною ступенью къ чистому католицизму.

Для противодѣйствія католичеству введены были митрополитомъ Петромъ Могилою, такъ называемыя, *пассии*—вечернія богослуженія въ первыя четыре пятницы великаго поста, состоящія въ томъ, что къ малому повечерію присоединяется чтеніе евангелія о страданіяхъ Спасителя и пѣніе нѣкоторыхъ церковныхъ пѣсней, производящихъ глубокое впечатлѣніе на молящихся, какъ своимъ содержаніемъ, такъ и напѣвомъ («Тебе одѣющагося свѣтомъ», «Приидите ублажимъ Іосифа»). Пассии сначала были введены въ Кіевѣ, а затѣмъ распространились повсемѣстно въ юго-западномъ и даже западномъ краяхъ.

Малоруссы очень чтить церковные праздники, но, во 1-хъ, не всегда сознаетъ ихъ значеніе и, во 2-хъ, примѣшиваетъ къ нимъ различныя повѣрья.

Очень часто праздникъ, особенно чествуемый церковью, въ глазахъ малорусскаго крестьянина не представляетъ того значенія, какое онъ соединяетъ съ другимъ, менѣе важнымъ. Само собою разумѣется, что такіе праздники, какъ Рождество, Пасха, чтутся и празднуются народомъ съ подобающею торжественностью, хотя и здѣсь дѣло безъ суевѣрныхъ обычаевъ не обходится. Празднику Рождества предшествуетъ сочельникъ. Въ этотъ день устраивается «Богата куття»—ужинъ, состоящій по возможности изъ большого количества

блюдь. Необходимою принадлежностью этого ужина должны быть «куття» (кутья). Рождественскія святки—время гаданій. Они начинаются уже въ сочельникъ, по окончаніи ужина. Для малорусса наибольшую важность представляетъ урожай хлѣба. Этотъ урожай и служить по преимуществу предметомъ гаданій. Вытянувъ изъ сѣна соломенку, смотреть, какой она длины: если длинная—урожай будетъ хорошій, если нѣтъ—то дурной. Самый праздникъ Рождества Христова называется «Різдво». Въ этотъ день, какъ только народъ возвратится отъ церковной службы, старцы и дѣти идутъ по хатамъ славить Христа и колядовать—пѣть вирши духовнаго содержанія и пѣсни, называемыя «колядками» *). Ходятъ колядовать на Рождествѣ также дѣвушки и парни. За это они получаютъ разныя подачки. Церковные братчики продаютъ послѣднія въ пользу церкви. Есть обычай на второй день праздника носить въ церковь хлѣбъ въ честь Богородицы («ходить на родини до Богородицы»). Дѣлается это женщинами по примѣру существующаго обыкновенія одаривать каждую мать, при рожденіи ребенка. Вечера во всѣ святки до самаго Крещенія называются «святыми» и проводятся обыкновенно въ раз-

*) О нихъ мы скажемъ послѣ, когда перейдемъ въ малорусской поэзіи.

влеченіяхъ (преимущественно въ гаданіяхъ), устраиваемыхъ молодежью.

Времяпровожденіе 31 декабря, т. е. кануна новаго года, соединяется съ особыми обыкновеніями. Въ этотъ день бываетъ память св. Меланіи, а потому онъ называется въ Малороссіи «Меланками». Вечеромъ устраиваются «щедровки», «щедрая куття»—обильныя вечернія трапезы, почему самый вечеръ носить имя «Щедраго». Хозяйки изготавляютъ особое лакомое блюдо—начиненныя гречневою кашею кишки. Подобно тому, какъ въ Рождество славятъ и колядуютъ, въ щедрый вечеръ ходятъ по хатамъ и щедруютъ, распѣвая пѣсни «щедривки», но это занятіе дѣтей—дѣвочекъ и мальчиковъ, взрослые-же занимаются щедрованіемъ очень рѣдко. Похвально то, что въ щедрый вечеръ стараются примириться съ врагами, такъ какъ иначе, по народному повѣрью, вражда продлится цѣлый годъ.

Но вотъ наступилъ Васильевъ день—1 января. Дѣти отправляются по хатамъ, «засѣвать»: разбрасывая зерна, они говорятъ: «на щастя, на здоровья, на нове літо, роди, Боже, жито, пшеницю и всяку пашницю! Будьте здорові, зъ новимъ годомъ и зъ Василлямъ». При засѣваніи парубки и дівки ловятъ зерна: поймавшій четное число—въ этомъ году «одружится», т. е. вступить въ бракъ. Раз-

сыпанные зерна подбираются и отдаются курамъ, «щобъ лучше неслись», или во время посѣвовъ разбрасываются въ полѣ. По состоянію погоды въ день новаго года заключаютъ о будущемъ урожаѣ. Такъ, если 1 января замѣчается на деревьяхъ иней, то значить хлѣбъ родится хорошо.

Святки, какъ уже сказано, продолжаются до Крещенія («Водохрище»). Они оканчиваются съ наступленіемъ крещенскаго сочельника. Этотъ день проводится въ постѣ. Правда, и въ крещенскій сочельникъ варятъ кутью, но трапеза бываетъ скудная, а потому и кутья называется голодною. Освященною въ этотъ или слѣдующій день водою кропятъ всѣ хозяйственныя постройки и скоть. Въ самый день Крещенія, кто первый возьметъ освященной воды и окропитъ ей свое жилие и дастъ скоту, у того хозяйство будетъ улучшаться. Нѣкоторые въ день Крещенія купаются, чтобъ избавиться отъ кожныхъ болѣзней.

Изъ слѣдующихъ затѣмъ праздниковъ, до Пасхи, самые важные «Стрѣтеніе, або Громниці» (2 февраля) и «Благовѣщеніе» (25 марта). Въ Срѣтеніе встрѣчается зима съ лѣтомъ и посредствомъ борьбы рѣшаютъ, кому оставаться. Въ этотъ день освящаютъ воду въ церкви, кропятъ потомъ ею скоть, употребляють въ болѣзняхъ. Прежде освящали еще свѣчи, называвшіяся громничными, потому что ихъ

зажигали во время грома и молніи, для того, чтобъ разсѣять грозу и избавиться отъ нея. По народному повѣрью, если въ Срѣтенье «напьется півень (пѣтухъ) воды, наберется пахарь бѣды». Благовѣщеніе считается, какъ и у великоруссовъ, такимъ большимъ праздникомъ, что въ этотъ день даже птицы не вьютъ гнѣздъ. Кукушка потому носитъ яйца въ гнѣзда другихъ птицъ, что когда-то вила гнѣзда на Благовѣщеніе. Богъ благословляетъ въ этотъ день всѣ растенія. Если въ этотъ день притронуться къ яйцу, то изъ него выйдетъ цыпленокъ съ двумя головами. Если на Благовѣщеніе остается еще снѣгъ, то будетъ неурожай. Туманная погода предвѣщаетъ большіе разливы. «Якій день на Благовѣщенія, такой и на Великъ день (Пасху)».

Приготовленія къ Пасхѣ, какъ и вездѣ, начинаются еще за нѣсколько дней до праздника. Хозяинъ старается заблаговременно приготовить пшеничной муки на «пасху». Женщины изготовляютъ «свячене», состоящее изъ колбасы, поросенка, крашанокъ (крашенныхъ яицъ), паски и «варенухи». Многие изъ крестьянъ, въ особенности женщины, начиная отъ «чистаго» четверга до самого дня Воскресенія Христова, ничего не ѣдятъ. Это дѣлается чаще всего по обѣщанію, данному во время какой-нибудь болѣзни.

Въ ночь на праздникъ паробки разводять

огонь близъ церкви и проводятъ около него все время до заутрени. Для поддержки огня употребляются бочки, колеса и даже повозки. Къ утрени идутъ по возможности всѣ, отъ ма-ла до велика. Остающіеся-же дома стараются не спать, чтобъ не провести цѣлый годъ въ полусонномъ состояніи. Когда первый разъ запоютъ «Христось Воскресе», охотники стараются сдѣлать выстрѣлъ.

На второй день праздника ходятъ другъ къ другу съ поздравленіями, принося въ даръ «волочильнее» (пшеничный калачъ и крашанки). Поэтому самый понедѣльникъ пасхальной недѣли называется «волочинникомъ». Обычай этотъ одного происхожденія съ существовавшимъ прежде въ Бѣлоруссіи. Тамъ, какъ извѣстно, поздравлявшіе въ Пасху съ праздникомъ носили названіе «волочбниковъ». Начиная съ третьяго дня пасхальной недѣли, поютъ «веснянкѣ», встрѣчая весну, водятъ хороводы и играютъ въ «короля», «володаръ» и другія весеннія игры. Окончаніе праздника соединяется съ особыми проводами; причемъ поминаютъ на кладбищахъ умершихъ, принося изъ дому разныя кушанья, одну половину которыхъ съѣдаютъ надъ могилами сами, а другою одѣляютъ нищихъ.

23 апрѣля бываетъ Юрія (Георгія Велико-мученика). Этого святаго, подобно великоруссамъ, малоруссы считаютъ покровителемъ зем-

ледѣлія и скотоводства. «Святый Юрій по полю ходить—хлѣбъ-жито родить». Въ этотъ день стараются еще до восхода солнца выгнать скоть въ поле, «щобъ вінъ поівъ Юрьевой росы», иначе онъ не будетъ тучень.

Преполовеніе называется у малоруссовъ «Рахманьскій великъ день». Уже изъ этого названія можно видѣть, что преполовенію малоруссы придають какое-то особо важное значеніе, перенося на него свое родное названіе Пасхи. Скорлупа отъ освященнаго яйца, брошенная въ свѣтлый праздникъ въ рѣку, по народному повѣрью, доплываетъ въ преполовеніе «до Рахманивъ», обитающихъ гдѣ-то далеко за морями, въ невѣдомомъ самомъ малоруссамъ краю. Только замѣтивъ приближеніе къ ихъ землѣ скорлупы, «Рахмани» начинаютъ праздновать Пасху. Отсюда самое названіе преполовенія «Рахманьскій великъ день».

Троицынъ день называется «зелени святки». Передъ этимъ праздникомъ принято украшать избы и внутри, и снаружи зелеными вѣтвями и разными душистыми травами. Въ этотъ праздникъ по народному повѣрью русалки, распустивъ волосы, выходятъ изъ глубины рѣкъ и при лунномъ освѣщеніи плаваютъ на водѣ, или бѣгаютъ по полямъ, и качаются на деревьяхъ, заманивая къ себѣ проходящихъ, особенно дѣвушекъ. Того, кто

къ нимъ попадается, онѣ щекотаньемъ доводятъ до смерти.

Въ день Іоанна Крестителя, 24 іюня, справляется «Иванъ Купало». Повѣрья, соединяемая въ Малороссіи съ этимъ праздникомъ, во многомъ напоминаютъ существующія въ Великороссіи. Такъ, малоруссы думаютъ, что въ ночь на Ивана Купалу цвѣтегъ папоротникъ. У кого есть цвѣтъ этого растенія, тотъ можетъ найти кладъ и узнать все, что и гдѣ дѣлается.

Такое-же сходство повѣрій малорусскихъ съ великорусскими замѣчается и въ отношеніи Ильина дня (20 іюля). Пророка этого малоруссы считаютъ распорядителемъ дождя, повелителемъ грома и молніи. Поэтому въ Ильинъ день непременно долженъ быть дождь, а грозы съ этого дня должны усилиться.

Преображеніе, или Спаса (6 августа), можно назвать особымъ хлѣбопашескимъ праздникомъ. На этотъ день обыкновенно справляются такъ-называемыя «обжинки», по случаю наступленія уборки хлѣба, при чемъ поются особыя пѣсни. Въ Преображеніе освящаются фрукты, которыхъ до наступленія его не должны ѣсть всѣ лишившіеся дѣтей, «щобъ Матерь Божа умершимъ дѣткамъ дала яблоковъ на томъ свѣті» въ этотъ день.

Праздники въ честь Пр. Богородицы (15 августа Успеніе и 8 сентября—Рождество) на-

зываются «Перва Пречиста» и «Друга Пречиста» и почитаются одинаково. Съ Воздвиженьемъ («Воздвижиння») связывается повѣрье, что въ этотъ день змѣи уходятъ въ другія, теплыя страны, остаются же въ наказаніе только ужалившія кого-нибудь. Поднимается въ Воздвиженье въ теплые края и «зозуля» (кукушка), за которою слѣдуютъ другія птицы.

Покровъ (1 октября) считается въ Малороссіи началомъ бабьяго лѣта и покровителемъ свадебъ. Дѣвушки молятся: «Святая Покровенько, покрой мині головушку» (съ выходомъ дѣвушки замужъ голова повязывается, а замужнія съ открытой головой не ходятъ).

Но помимо повѣрій и примѣтъ, соединенныхъ съ церковными предметами, у малоруссовъ не мало и грубыхъ суевѣрій. Многія изъ этихъ суевѣрій представляютъ сходство съ великорусскими, имѣя, должно-быть, одно происхожденіе. Великоруссы вѣрятъ, напр., въ «заломъ», а малороссы—въ «закрутку». Закрутка состоитъ въ томъ, что колосья находящагося на корнѣ хлѣба скручиваются вмѣстѣ. По вѣрованію крестьянъ, съ той части поля, гдѣ есть закрутка, нельзя собирать хлѣба, если не найдется пахаря, который разрушилъ-бы ея таинственную силу.

Воображеніе народа населяетъ и сушу, и зем-

лю разными злыми существами; онъ вѣритъ въ лихихъ и злыхъ людей, которые обладаютъ способностью посылать порчу и вообще вредить другимъ. Народъ старается оградить себя отъ этого вреда заклинаніями. Это, такъ сказать, заклинанія отрицательныя. Но есть еще и положительныя, къ которымъ прибѣгаютъ въ томъ случаѣ, когда желаютъ успѣха въ какомъ-нибудь дѣлѣ, предпріятіи или промыслѣ. Есть, напр., заклинанія «щобъ сватали дівчину», «щобъ капуста росла добре». Наибольшее число суевѣрій касается, однакоже, одного—огражденія здоровья. Оно и понятно. Народъ страдаетъ отъ всевозможныхъ недуговъ: и наружныя, и внутреннія болѣзни сильно распространены въ населеніи. Въ послѣдніе годы сталъ производить огромныя опустошенія дифтеритъ, унесшій нѣсколько десятковъ тысячъ дѣтей въ Малороссіи въ сравнительно короткій періодъ. При такомъ распространеніи болѣзней народъ, между тѣмъ, не всегда получалъ медицинскую помощь. Предоставленный своимъ собственнымъ, очень слабымъ для борьбы съ недугами, силамъ, онъ старался самъ открыть причины происхожденія болѣзней и подыскать средства для противодѣйствія имъ, но, не имѣя ни малѣйшаго понятія объ устройствѣ человѣческаго организма и его отправленияхъ, онъ, разумѣется, долженъ былъ самъ придумать разныя объясне-

нія источниковъ болѣзни и создать средства врачеванія. Одинъ докторъ, занимавшійся спеціально изученіемъ болѣзней украинскаго населенія, говоритъ: «Большою частью и слышишь отъ больнаго, что болѣзнь ему *пороблена* или *наговорена*, или-же причина ея—*пристрітз*, *пидвій* и *перелякз*». *Пороблено* означаетъ, что кто-то, посредствомъ волшебства, т. е. какого-либо дѣйствія, навелъ на больного его страданія. *Наговорено* также означаетъ, что кто-то навелъ болѣзнь, но не дѣйствіями, а просто словами или заклинаніями. *Пристрітз* (дурная встрѣча) случается тогда, когда на больного посмотреть человѣкъ, у котораго глазъ недобрый. *Пидвій* бываетъ оттого, что человѣкъ попадаетъ въ вихрь. Тамъ, будто-бы, нечистые кружатся, и отъ этого человѣкъ заболѣваетъ. *Перелякз* означаетъ, что больной чего-либо испугался. По народнымъ понятіямъ, отъ переляка всего чаще бываютъ нервныя болѣзни, напр., припадки, судороги и т. п.» Изъ всѣхъ этихъ объясненій происхожденія, только послѣднее имѣетъ еще кое-какой человѣческій смыслъ.

Лѣченіемъ занимаются обыкновенно бабы и дѣды, держащіе свои способы врачеванія въ строгой тайнѣ. При пользованіи больныхъ употребляютъ, кромѣ разныхъ сильныхъ средствъ, въ родѣ ртути и ляписа, разныя травы. Особенную силу народъ приписываетъ

рутъ, шавліи, терличь-травъ, любистку, сонъ-травъ, блекоть, куричьей слѣпотъ, подорожнику, острію и многимъ другимъ. Цѣлебныя силы этихъ травъ существуютъ болѣе въ воображеніи народа, приписывающаго имъ подчасъ какую-то чудодѣйственную силу. По народнымъ понятіямъ, *лѣкарственныя* травы получаютъ особую дѣйствительность, если ихъ собирать въ день апостола Симона Зилота (10 мая), считаемаго распорядителемъ растеній, подобно тому, какъ травы *волшебныя* («чарь-зилія») приобрѣтаютъ особенную силу, если ихъ собираютъ въ ночь на Ивана Купала. Противъ вреда, причиняемаго «*злою личиною*» (вѣдьмами, знахарями), считаются особенно полезными травы, собранныя въ день «літняго Миколи» (9 мая). Наконецъ, почти противъ всѣхъ болѣзней, по крайней мѣрѣ, извѣстныхъ самому народу, употребляются заклинанія. Впрочемъ, теперь вѣра въ волшебное дѣйствіе травъ и заклинаній въ народѣ значительно поколебалась, благодаря возможности получить нѣкоторую помощь отъ врачей или фельдшеровъ. Малоруссы мало-помалу проникается сознаниемъ, что въ серьезныхъ болѣзняхъ чудодѣйственныя травы и бабьи заклинанія привести ни къ чему путному не могутъ. Поэтому, гдѣ возможно, онѣ прибѣгаетъ,—по крайней мѣрѣ, въ важныхъ случаяхъ—къ помощи медиковъ.

Повѣрья, суевѣрїя и предразсудки малоруссовъ зависятъ отъ недостатка просвѣщенїя, способовъ къ полученію котораго прежде было весьма мало. Даровитая натура малоруссовъ, которымъ русская литература обязана такими талантами, какъ Гоголь и Шевченко, нуждается только въ образованїи, чтобъ ея силы развернулись во всемъ блескѣ.

6. Народные обычаи—при крестинахъ, свадьбахъ и похоронахъ.

Крестинамъ, какъ извѣстно, предшествуетъ приглашеніе воспрїемниковъ (кума и кумы). Это дѣлается у малоруссовъ съ соблюденїемъ разныхъ церемоній. Приглашать воспрїемниковъ идетъ обыкновенно отецъ новорожденнаго, взявъ съ собою хлѣбъ и соль. Придя къ тому, кого онъ хочетъ имѣть воспрїемникомъ, онъ кладетъ на столъ хлѣбъ и говоритъ при этомъ: «Давъ Богъ сина, теперь не одкажи мене, куме». Тогда кумъ принимаетъ принесенный хлѣбъ и кладетъ на столъ свой хлѣбъ. Отецъ новорожденнаго беретъ этотъ хлѣбъ и отправляется съ нимъ къ кумѣ, которую приглашаетъ такимъ-же образомъ, какъ и кума.

На крестины кумовья являются въ праздничной одеждѣ и приносятъ хлѣба, бубликовъ и кусокъ полотна аршина въ 4 («крижмо»). По приходѣ, ихъ потчуютъ водкой. Выпивая

водку, кумъ и кума дѣлають пожеланія, чтобъ новорожденный выросъ большой, людямъ на славу, а родителямъ «на помочь и утіху». Остатки водки выбрызгивають на потолокъ. Послѣ этого ребенка купають. Выкупавъ, его сповивають въ рубашку отца, если ребенокъ мужскаго пола, если-же женскаго, то въ рубашку матери, завязавъ при этомъ въ рукавъ кусочекъ глины изъ печки («печины»), уголь и мелкую монету. Повитый ребенокъ передается кумѣ. Но и при этой передачѣ соблюдаются различные обряды, смотря по тому, мальчикъ или дѣвочка новорожденный. Если мальчикъ, то его передають на порогъ, если дѣвочка, то черезъ гребень. «Печина» и уголь вручаются въ особомъ узелкѣ куму, чтобъ тотъ на распутии (гдѣ дороги расходятся) бросилъ ихъ. Бываетъ, что ребенка передають прежде отцу и матери, которые послѣ разныхъ пожеланій— въ родѣ, напр., того, чтобъ онъ вошелъ въ христіанскую вѣру, выросъ великъ и былъ счастливъ,—отдаютъ кумѣ. Затѣмъ всѣ отправляются въ церковь. На крестинахъ наблюдается, чтобъ мальчика держала прежде кума, а дѣвочку мать. При этомъ обращаютъ вниманіе на то, какъ ведетъ себя новорожденный: если онъ корчится, значить умереть, если чихаетъ, то будетъ здоровъ и проживетъ долго. По совершеніи таинства, приглашаются къ родителямъ новорожденнаго гости. Гости эти обязаны принести съ собою дары: женщины—колбасы,

вареники, сало, яйца, мужчины—хлѣбъ. Все это отдается матери ребенка. Когда гости усядутся, ихъ потчуютъ водкой и затѣмъ ужиномъ. Поужинавъ, присутствующіе принимаются за пѣсни, содержаніемъ которыхъ служатъ разныя обстоятельства, касающіяся рожденія и крещенія ребенка. Вотъ, напр., какъ начинается одна крестинная пѣсня:

«А ми пришли зъ Божого дому
Принесли дітину до дому;
Дітина хрещена,
Черезъ куми принесена и т. п.

Существуетъ обычай давать гостямъ вареныя груши и яблоки вмѣстѣ съ букетами (квітками), которые зимой состоятъ изъ хлѣбныхъ колосьевъ, а лѣтомъ изъ цвѣтовъ, напр., васильковъ, для того, чтобъ ребенокъ ни въ чемъ не нуждался. Квітку каждый долженъ нести домой, въ противномъ случаѣ его можетъ постичь какое-нибудь несчастье. Поднесеніе квітки соединяется съ угощеніемъ варенухою.

Гораздо сложнѣе и разнообразнѣе свадебные обычаи малоруссовъ. Нужно замѣтить, что у малоруссовъ въ дѣлѣ устроенія своей семейной жизни, выбора невѣсты и вступленія въ бракъ предоставляется гораздо болѣе свободы самимъ молодымъ людямъ, чѣмъ у великоруссовъ. Въ то время какъ у великоруссовъ на первомъ планѣ всегда стояла и стоитъ родительская воля, вслѣдствіе чего очень часто дочерей выдавали и выдаютъ въ замужество, а сыновей

женять, не спросясь ихъ согласія,—у малоруссовъ всегда имѣлъ болѣе значенія личный выборъ жениха и невѣсты. Оттого-то въ семейной жизни малорусса замѣчается болѣе согласія, оттого-то въ ней семейные раздоры—явленіе гораздо болѣе рѣдкое. Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что воля и согласіе родителей при вступленіи въ бракъ у малоруссовъ не имѣютъ никакого значенія. Нѣтъ, дѣти чтутъ родительскую власть, но родители стараются не приневоливать дѣтей въ устройствѣ ихъ судьбы. Если родители находятъ, что ихъ сыну пора жениться, они, сообщая ему объ этомъ, предлагаютъ невѣсту, которая, по ихъ мнѣнію, представляется наиболѣе подходящею для него. Когда невѣста оказывается тою, которую намѣтилъ уже самъ сынъ, то онъ, конечно, изъявляетъ свое согласіе; но когда невѣста не та, которую онъ самъ избралъ, онъ проситъ родителей не губить его и позволить ему жениться на избранной имъ самимъ. Родители, обыкновенно, изъявляютъ на это свое согласіе. Но они стараются все-таки собрать необходимыя справки о невѣстѣ, развѣдать, какова она характеромъ, «чи годится до работы, чи спокойна», и уже послѣ этого посылаютъ въ домъ родителей невѣсты свахъ или сватовъ, выбирая для этого порученія людей бывалыхъ, пользующихся общимъ уваженіемъ. Но прежде, чѣмъ отправить сватовъ для формальнаго предложенія, подсылаютъ кого-нибудь

изъ близкихъ родственницъ жениха—тетку, сестру, невѣстку, а не то такъ отправляется къ невѣстѣ сама женихова мать. Такіе приступы къ «сватанью» соблюдаются въ Малороссіи повсемѣстно и носятъ названіе «развидокъ», «допитивъ». Они имѣютъ цѣлю выяснить, согласна или нѣтъ дѣвушка выдти замужъ за извѣстнаго парня; отсюда названіе «развідки». А такъ какъ при этихъ развідкахъ производится выпивка, для чего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отправляются въ корчму, то отсюда другое названіе «допитивъ».

Когда «развідки» окончились благопріятнымъ образомъ, на семейномъ совѣтѣ у жениха выбираются два-три бывалыхъ человѣка, пользующихся уваженіемъ и отличающихся краснорѣчіемъ. Эти сваты, старосты, бояры, послы,—какъ ихъ называютъ,—отправляются къ невѣстѣ съ формальнымъ предложеніемъ. Въ иныхъ мѣстахъ, впрочемъ, дѣло дѣлается проще. Женихъ идетъ къ невѣстѣ просто-на-просто самъ.

Сваты отправляются въ домъ невѣсты вмѣстѣ, вечеромъ. Подѣхавъ къ нему, они стучатся подъ окномъ и говорятъ:

— Вечеръ добрый вамъ!

Мать, услышавъ это, обращается къ дочери: «Охъ, вже старости прііхали! выйди зъ хати».

Дочь выходитъ въ сѣни.

Сваты между тѣмъ, стоя подъ окномъ, просятъ, чтобъ ихъ впустили. «А пустіть, будете

ласкові, въ хату! Що ви за люди? Чи ви Бога не боітесь, чи ви по дорогамъ не іздете? Ось яке лихо на дворі, а ви въ хату не пускаете!» — «Да Богъ васъ знає,—отвѣчаєть на это отецъ невѣсты,—що ви тамъ за люди такіі, що добиваетесь! Хто знає, чи ви злиі, чи добрі!» *Сваты:* «Да за окномъ не вгадаєте; пустіть, будьте ласкові, въ хату, хочъ гроші возміть, а пустіть!» *Мать:* «Да пойді, стариі, одчини (отопри); воно-жъ не жиди обзиваются, такіжъ люде. Може, лихо яке, заверуха (мятель), то, не дай, Боже, и душею пострадають».

Отець отворяєть, а мать тѣмъ временемъ зажигаетъ свѣчу. Сваты входятъ въ избу. Женихъ при этомъ остается за дверями. Сваты объявляютъ о цѣли своего прихода, но не прямо, а по заведенному обычаю разными «обиняками». Послѣ этого входитъ женихъ. Появляется и невѣста, которая,—такъ требуетъ обычай,—въ знакъ крайняго смущенія и замѣшательства, ставъ у печи, начинаетъ отламывать у печи кусочки глины, вперивъ при этомъ свой взоръ въ землю. Какъ ее, такъ и жениха спрашиваютъ, любятъ-ли они другъ друга. Если они имѣють симпатію другъ къ другу, то, конечно, отвѣчаютъ на эти вопросы утвердительно. Послѣ этого они кладутъ предъ образами земные поклоны, а родители ихъ благословляютъ.

Когда такимъ образомъ дѣло порѣшено, созываютъ сосѣдей «на первую чарку». Отправ-

ляется приглашать ихъ женихъ съ товарищемъ и невѣста съ жениховыми дружками. Первый обыкновенно идетъ въ одну сторону села, а вторая—въ другую.

Какъ только въ домъ невѣсты сойдутся сосѣди, родные, парни, дѣвушки, ихъ усаживаютъ за столъ и угощаютъ водкой. Выпивъ, гости благодарятъ хозяевъ и расходятся.

Вскорѣ послѣ этого, обыкновенно уже на слѣдующій день, совершается обрядъ «заручинъ» (иначе называются «рукодаіни»). Въ этотъ день окончательно рѣшается вопросъ о свадьбѣ. На заручины отправляются къ невѣстѣ всѣ—самъ женихъ, его отецъ, мать, родственники и сваты. Невѣста приготовленными заранѣе «рушниками» (полотенцами) перевязываетъ сватовъ черезъ плечи, а своему суженому повязываетъ на правой рукѣ, повыше локтя, платокъ. Обрядъ этотъ называется «давать рушники», и отказаться послѣ этого отъ брака считается уже безчестнымъ. Заручины оканчиваются пирушкой.

На третій день бываютъ «разглядки». Родня невѣсты идетъ къ жениху, чтобъ узнать на сколько онъ состоятеленъ. Заходятъ на гумно, въ огородъ, въ хлѣвъ; смотрятъ воловъ, лошадей, овецъ, куръ, гусей—словомъ, производятъ полный осмотръ женихова хозяйства. Въ это же время условливаются на счетъ того, изъ сколькихъ лицъ долженъ состоять свадебный поѣздъ, сколько долженъ женихъ дать подар-

ковъ невѣстиной сторонѣ и пр., и пр. Заключивъ это условіе, выпиваютъ, закусываютъ и расходятся. По возвращеніи домой, родители говорятъ дочери: «Гарни люде, построіни до ладу, и волики есть, и овечята есть, и конички мають; а якъ Богъ дастъ, то и щастя тобі зъ нимъ буде».

За два дня до свадьбы, устраиваемой обыкновенно въ воскресенье, а именно въ пятницу, пекутъ у невѣсты *каравай* *). Для его приготовления приглашаются утромъ знакомыя женщины. Каждая изъ приглашенныхъ носитъ названіе «каравайницы». Выходя изъ дому, онѣ берутъ съ собою нѣсколько яицъ, немного муки, кусокъ сала или масла. Все это сдается хозяйкѣ дома, матери невѣсты и служитъ матеріаломъ для приготовления каравая. Каравай украшаютъ цвѣтами, древесными вѣтками, вызолоченными грецкими орѣхамъ и кладутъ въ него деньги. Приготовление его всегда соединяется съ пѣніемъ пѣсенъ, носящихъ на себѣ слѣды глубокой древности; сажаетъ каравай въ печь кто-нибудь изъ парней; ему присвоено особое названіе «кучеряваго». Церемонія печенія каравая заканчивается ужиномъ, въ которомъ участвуютъ «каравайницы». Такой-же каравай готовится и у жениха.

Вечеромъ, въ тотъ-же день, бываютъ «то-

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каравай пекутъ въ воскресенье, когда женихъ и невѣста отправляются къ вѣнцу.

рочины». Женихъ и невѣста, вырядясь, идутъ собирать по селу себѣ дружбъ и дружекъ *). Войдя въ хату, женихъ, послѣ привѣтствія, кладетъ на столъ калачъ и, обращаясь къ хозяевамъ, говоритъ:

— Я васъ буду просить пустить своего Хведора зъ дружбу!

— Спасибі, що не цураетесь, — отвѣчаютъ хозяева. — Збирайся, Хведоръ, та иди зъ Иваномъ.

Точно также приглашаетъ невѣста дружекъ. Когда женихъ наберетъ извѣстное число дружбъ, а невѣста дружекъ, они отправляются съ ними по своимъ домамъ. Придя съ своими дружками домой, невѣста приглашаетъ ихъ садиться и даетъ каждой дѣвушкѣ иглу, нитки, два-три рушника и «тороки», т. е. куски полотна. Эти тороки дѣвушки пришиваютъ къ рушникамъ, чтобъ они были длинные и ими удобнѣе было перевязывать дружекъ и бояръ. Сшивать тороки съ рушниками называется «торочити рушники». Отсюда и самое названіе пятничнаго вечера — «торочкины». Шитье сопровождается пѣснями. Поютъ, пока не придетъ женихъ съ дружбама и старостами. Войдя, женихъ и всѣ пришедшіе съ нимъ кладутъ на столъ по калачу и садятся за столъ. Начи-

*) Въ свадебныхъ церемоніяхъ принимаютъ дѣятельное участіе множество лицъ, какъ со стороны жениха, такъ и со стороны невѣсты, а именно, кромѣ сватовъ или старостъ, дружки, подружане, свашки, свитылки и бояре.

нается музыка и неизбѣжная выпивка. Послѣ ужина всѣ пускаются въ плясъ, а затѣмъ дружки усаживаются за столъ и принимаются шить для невѣсты вѣнокъ. Когда вѣнокъ готовъ, женихъ и всѣ гости расходятся, — чѣмъ и заканчиваются *торочини*.

Наканунѣ дня свадьбы («веселяя»), субботу, женихъ и невѣста исповѣдаются и приобщаются, а потомъ созываютъ гостей на пиршество. Въ этотъ день у невѣсты справляется «дѣвичь вечеръ», т. е. дѣвичникъ и готовится «вильце или гильце» — большая вѣтвь (зимой сосновая, а лѣтомъ изъ яблони, груши, черемухи) съ украшеніями изъ цвѣтовъ, лентъ, нитокъ. Къ вильцу прилѣпляють зажженные восковыя свѣчи, а самое вильце втыкають въ хлѣбъ или каравай. Вильце служитъ символомъ цвѣтущей, счастливой жизни молодыхъ; его, послѣ всѣхъ свадебныхъ церемоній, молодуха торжественно увозитъ въ свой домъ. Приготовленіе вильца очень торжественно — оно соединяется съ разными церемоніями и пѣніемъ. Подобное вильце дѣлается и у жениха.

Въ воскресенье, въ самый день свадьбы, и женихъ и невѣста ходятъ въ церковь. Женихъ посылаетъ своей суженой «козлові чоботи», которые относятся торжественнымъ образомъ старостами съ музыкою *).

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чоботи посылаются невѣстѣ еще

Сама невѣста посылаетъ жениху рубашку, въ которую онъ долженъ одѣться къ вѣнцу. Когда невѣсту начинаютъ убирать подъ вѣнецъ, то расплетаютъ ей косу, такъ какъ заплетенная коса составляетъ особенность головнаго убора дѣвушекъ. Расплетать косу долженъ родной ея братъ, а если родного нѣтъ, то двоюродный. Въ церковь женихъ и невѣста отправляются при пѣніи и музыкѣ. Передъ церковью музыканты останавливаются, а возвратясь домой (молодой къ своимъ родителямъ, а молодая — къ своимъ), новобрачные обѣдаютъ. Уже подъ вечеръ молодой отправляется съ «поѣздомъ» къ своей женѣ. Когда онъ подъѣзжаетъ къ воротамъ, то находитъ послѣдніе закрытыми. Съ обѣихъ сторонъ воротъ стоитъ толпа молодыхъ парней, съ поднятыми вверхъ палками въ рукахъ. Поѣздъ молодаго проситъ, чтобы ворота отперли. Но охранители ихъ отказываются. Тогда поѣздъ дѣлаетъ попытки ворваться во дворъ силою; завязывается борьба. Въ этомъ загражденіи доступа въ домъ, въ охранѣ его и въ борьбѣ отразились слѣды древнихъ обычаевъ, когда женихи похищали себѣ невѣсть или брали ихъ силою. Не успѣвъ проникнуть во дворъ силою,

въ субботу. Невѣста должна протанцовать въ нихъ, чтобы узнать, не тѣсны-ли они, или, наоборотъ, не велики-ли. Если чоботи окажутся сшитыми не по ногъ, женихъ долженъ взять ихъ назадъ и представить другіе, лучшіе. Если-же сапоги придутся впору, онъ обязанъ угостить всѣхъ присутствующихъ водкою.

женихъ покупаетъ водки и тогда уже получаетъ свободный пропускъ. Въ это время мать невѣсты выходитъ на встрѣчу къ нему въ шубѣ, вывороченной шерстью вверхъ, и осыпаетъ его три раза овсомъ, чтобы молодой былъ здоровъ и богатъ. Затѣмъ молодая вступаетъ съ дружками въ сѣни, гдѣ и остается, пока дружки не получатъ разрѣшенія ввести его въ самую хату. Для этого, войдя въ хату, дружки обращаются къ старостамъ со словами: «Під-старосто и пане старосто, благословить князя молодаго въ хату ввести». Староста отвѣчаетъ: «Богъ благослови!» Это повторяется три раза. Затѣмъ дружки перевязываютъ руки рушниками, къ которымъ въ пятницу пришивались торки, и вводятъ молодаго въ хату. Ему предстоитъ теперь новая задача—занять за столомъ мѣсто возлѣ своей жены. Рядомъ съ послѣднею обыкновенно помѣщаются ея родные братья съ палками въ рукахъ. Они какъ-бы охраняютъ свою сестру. Молодой долженъ дать имъ денегъ, выкупить жену, и потомъ уже можетъ садиться съ нею. Послѣ этого начинается церемонія одариванія. Прежде всего получаетъ подарки отецъ молодой—ему даютъ поясъ и шапку. Затѣмъ получаетъ подарки невѣстина мать (чоботи, платки и пр.). Далѣе слѣдуетъ, по церемоніалу, ужинъ. Первый ломоть каравая получаютъ молодые, остальные куски идутъ прочимъ присутствующимъ по старшинству, начиная съ родителей невѣсты. Этимъ дѣле-

Народная словесность.

Къ стр. 101.

жомъ каравая собственно и заканчивается свадебный пиръ: молодежь расходится по домамъ, а сами новобрачные начинаютъ снаряжаться въ домъ молодого. Лошади, на которыхъ они должны ѣхать, украшаются красными лентами. Молодуха садится въ одну повозку съ мужемъ. Она держитъ въ рукахъ хлѣбъ и гильце, а молодой—образъ. На другія повозки усаживаются свашки, бояре, музыканты. Въ воротахъ передъ домомъ, гдѣ должны поселиться новобрачные, раскладывается небольшой огонь, черезъ который они должны переѣхать. Отецъ и мать молодого встрѣчаютъ новобрачныхъ хлѣбомъ и солью, «щобъ життя хороше було». Вслѣдъ за молодыми вносятъ въ домъ приданое.

Въ понедѣльникъ дѣлается обрядъ «скриванья». Обрядъ этотъ состоитъ въ томъ, что, приведя молодого и молодуху къ колодцу, покрываютъ ихъ платкомъ; омывшись, молодые этимъ-же платкомъ утираются. Прежде обрядъ этотъ совершался съ церквахъ. Послѣ этого обряда новобрачные отправляются къ сосѣдямъ въ сопровожденіи старосты. Войдя въ домъ, староста даетъ хозяевамъ дома отъ лица молодыхъ пряникъ и хустку (кусокъ холста), а молодые кланяются имъ въ ноги. Хозяева угощаютъ пришедшихъ въ гости. Когда посѣщенія окончены, молодые возвращаются домой къ обѣду, на который собираются гости, обязанные непременно что-нибудь принести

въ даръ. Родные молодого одариваютъ молодую, а родные послѣдней—молодого. Дарятъ всякую всячину, не исключая домашняго скота. Если дарятъ теленка, то всѣ присутствующіе, подражая его голосу, кричатъ: »Бу! бу!»,—если-же овцу, подражаютъ овечьему блянію. Во время обѣда дѣлится второй каравай—молодого. Послѣ этого присутствующіе идутъ на другой обѣдъ—въ домъ родителей молодухи. Все это заключается гульбою въ шинкѣ и сопровождается пѣснями. Каждому обряду, каждому шагу вступающихъ въ бракъ соотвѣтствуетъ особый кругъ пѣсенъ. Такъ какъ малоруссы народъ очень музыкальный, то видную роль во всѣхъ обрядахъ играетъ музыка.

На сколько праздничны и веселы обряды и обычаи малоруссовъ при свадьбахъ, на столько-же печальны они при похоронахъ. Народъ сильно вѣритъ въ разныя предзнаменованія смерти. Напр., навѣрное кто-нибудь долженъ умереть, «якъ сова, або пугачъ кричить на хаті, якъ жаба літомъ у хату улізе (влезеть)» и т. п. Умершаго обмываютъ и облакаютъ въ лучшую праздничную одежду.

Трогательною торжественностью отличаются приготовленія къ погребенію дѣвушекъ, особенно помолвленныхъ невѣстъ. Ихъ одѣваютъ какъ подъ вѣнецъ, головы украшаютъ цвѣтами. Смерть невѣсты, которую ожидала въ близкомъ будущемъ счастливая жизнь съ любимымъ человѣкомъ, невольнымъ образомъ вызываетъ

чувства глубокаго сожалѣнія не только среди ея ближнихъ, но и сосѣдей. Хотя похоронные обычаи при кончинѣ дѣвушки-невѣсты представляютъ нѣкоторыя особенности, при всемъ томъ существуетъ много повѣрій и обрядовъ, одинаково соблюдаемыхъ при смерти всѣхъ и cadaго. Такъ, напр., по народнымъ понятіямъ необходимо, чтобы глаза у покойника были плотно закрыты: иначе кто-нибудь еще умретъ въ домѣ. Послѣ омовенія умершаго кладутъ на лавкѣ подѣ стѣной, имѣющей два окна, причемъ на окно ставятъ стаканчикъ съ чистою водою. Крестьяне вѣрятъ, что душа возвращается къ умершему въ теченіи трехъ дней по кончинѣ и въ это время пьетъ воду. Къ покойному приглашаются на ночь женщины отъ 40 до 60 лѣтъ «стеречи душу». Замѣчательный обычай, существующій въ Подольской губерніи. Здѣсь въ домѣ, гдѣ находится покойникъ, приходятъ не только старухи, но и холостые мужчины, которые устраиваютъ особую игру, состоящую въ томъ, что одинъ изъ участниковъ ея накрывается тулупомъ, другой ударяетъ его жгутомъ, а онъ долженъ узнать, кто ударилъ. Сора изъ дома, гдѣ покойникъ, не выметають, а сгребаютъ его въ кучу въ то мѣсто, гдѣ лежитъ покойникъ.

На другой день по кончинѣ приглашаются сосѣди или дальніе родственники — дѣлать гробъ и копать могилу. Считаая грѣхомъ проводить время въ работѣ въ воскресные дни,

малоруссъ ни за что не откажется, если его зовутъ въ этотъ праздникъ дѣлать гробъ. Доски для гроба держатся или на готовѣ, или для этого вынимаются половицы, лавки, но никогда не занимаютъ досокъ у сосѣдей. Дряхлые старики иногда сами заготавливаютъ себѣ гробы.

Вынося покойника изъ избы, стучаютъ гробомъ раза три о порогъ — «семьянинъ одкланяется послѣдній разъ семѣ». За покойникомъ выносятъ и ту постель, на которой онъ лежалъ. Она оставляется на дворѣ, пока не возвратятся съ кладбища провожавшіе умершаго. На томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ умершій, кладутъ топоръ, «щобъ бѣльше никто не вміравъ».

Проводы скончавшейся дѣвушки напоминаютъ собою свадебныя церемоніи. Такъ, на проводы эти созываютъ дружекъ, старость, бояръ и сваху. При этомъ раздаются и тѣ подарки, какіе слѣдовало раздавать при шествіи къ вѣнцу. Платокъ, который приготавлила скончавшаяся, чтобы взять при вѣнчаніи въ руки, отдается священнику на крестъ.

Покойника, какъ водится, родственники провожаютъ на кладбище. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ Подольской губерніи, передъ тѣмъ какъ его опускать въ могилу, бросаютъ въ послѣднюю деньги, «щобъ купить мѣсце».

По возвращеніи съ кладбища, садятся за столъ въ хатѣ. Въ этой поминальной трапезѣ

участвуют только духовенство и родичи. Обѣдъ устраивается въ третій и сороковой дни.

Кромѣ указанныхъ дней, существуютъ и другіе, назначенные для поминовенія усопшихъ. Таковы, напр., «Дмитрови субботи» — отъ 5 октября по 1 ноября. Всякая семья, лишившаяся кого-нибудь изъ своихъ членовъ, считаетъ своею непремѣнною обязанностью «зробить обѣдъ» въ одну изъ субботъ означеннаго промежутка времени. На такихъ поминальныхъ «обѣдахъ» преимущественно подаются: борщъ, жаркое, вареники со сметаню. Другое, обязательное для поминовенія время—воскресенье, понедѣльникъ или вторникъ Фоминой недѣли (послѣ Пасхи). Поминки эти называются «гробки» или «могилки», такъ какъ справляются не дома, а на самыхъ могилахъ.

7. Народная словесность: сказки, думы и пѣсни.

Произведенія малорусской народной словесности, какъ и произведенія великорусской, распадаются на два главные отдѣла. Къ первому относятся сказки и разныя пѣсни, содержаніемъ которыхъ служатъ воспоминанія объ историческихъ событіяхъ и лицахъ, ко второму—пѣсни обрядовыя и бытовыя.

Сказки дѣлятся на *миѳическія* и *бытовыя*. Въ миѳическихъ сказкахъ выводятся въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ различныя сверхъ-

естественныя существа или животныя. Такъ, мы встрѣчаемъ въ нихъ разныхъ змievъ, бабу-ягу, лисицъ, волковъ и т. п.

Болѣ интереса представляютъ сказки бытовые, знакомящія насъ съ разнообразными сторонами народнаго быта и понятіями о нихъ самого народа. Въ сказкахъ этихъ является на сцену самый разнообразный людъ, съ какимъ только приходилось сталкиваться и имѣть дѣло крестьянину. Тутъ жида, нѣмцы, цыгане, кацапы (великоруссы), паны, холопы, наймиты, солдаты, сами малороссы и ихъ «жінки», словомъ—люди разныхъ племенъ, званій и состояній. Но чаще всего въ бытовыхъ сказкахъ выводится въ качествѣ дѣйствующаго лица «жінка», которую малоруссъ надѣляетъ очень привлекательными качествами—умомъ, сообразительностью, находчивостью, благодаря которымъ жінка очень часто затыкаетъ, какъ говорится, за поясъ самого «чоловика», т. е. мужчину. Эти качества очень ярко выступаютъ въ сказкѣ «Про хитраго пана и розумну дівку». Одинъ вдовый панъ имѣлъ сына, котораго задумалъ женить на простой крестьянкѣ, чтобъ сыну было отъ жены больше уваженія. Узналъ онъ, что у одного крестьянина есть подходящая невѣста и позвалъ его къ себѣ. Объяснивъ ему о своемъ намѣреніи, панъ прибавилъ, что женить сына только въ томъ случаѣ, если будетъ отгадана загадка: «Что всего на свѣтѣ жирнѣе, быстрѣе и мягче?» Мужикъ идетъ

домой и думаетъ, что всего жирнѣе—панскіе кони и свиньи, всего быстрѣе—панскія собаки, всего мягче—панскія перины. Но когда онъ сообщаетъ объ этомъ дочкѣ, та даетъ совсѣмъ другое рѣшеніе загадки: всего жирнѣе—земля, которая всѣхъ питаетъ, всѣхъ поить и потомъ сама всѣхъ поглощаетъ, всего быстрѣе—мысль человѣческая, и всего мягче—кулакъ. «Какъ кулакъ?—воскликнулъ отецъ.—Когда заѣдутъ кулакомъ по уху, то онъ оказывается не очень-то мягкимъ». Дочку это возраженіе не смущаетъ: «Что же вы, тятя, когда лежите на подушкѣ, подкладываете кулакъ подъ голову, если онъ не мягче подушки?» Отецъ долженъ былъ согласиться. Съ этими разгадками пошелъ онъ къ пану. Тотъ спросилъ, кто его научилъ разгадать загадки. Мужикъ сперва приписалъ разгадки себѣ, но когда панъ ему не повѣрилъ, сознался, что научила дочка. «Разумна твоя дочка»,—сказалъ панъ и велѣлъ напечь для нея яицъ, съ тѣмъ, чтобы она вывела изъ *печеныхъ* яицъ цыплятъ и вскормила ихъ къ свадьбѣ. Дѣвчина и тутъ нашлась. Она сварила пшеничную кашу и отослала ее къ пану, «чтобъ онъ посѣялъ пшено, чтобъ выросло просо и было готово къ вечеру для цыплятъ».—«Разумна твоя дочка»,—снова сказалъ панъ и велѣлъ просить ее къ нему на совѣтъ, но чтобъ явилась она ни пѣшею, ни конною. ни гола, ни одѣта, ни съ гостинцемъ, ни безъ гостинца. Дѣвчина вмѣсто одежды прикрылась

бреднемъ, сѣла на собаку, а въ руки взяла кота. Когда панъ завидѣлъ ее, ему стало неловко, что дивчина перехитрила его самого и велѣлъ спустить на нее собакъ. Но какъ только собаки бросились, дивчина кинула имъ кота, и явилась къ пану. Тогда панъ «одружилъ» своего сына съ «разумною дівкою». Хотѣлъ онъ выдать замужъ и дочь свою, но «не найшовъ панъ такого разумнаго парубка», который отгадалъ-бы предложенныя имъ загадки.

Признавая за женщиною большой умъ, сообразительность и находчивость, малоруссы въ своихъ сказкахъ отдають должное и ея труду, находя даже, что онъ тяжелѣе мужскаго. Въ одной сказкѣ выводится мужъ и жена, которые долго между собою спорили о томъ, «кому труднѣйшъ правитись» (т. е. кому труднѣе управляться съ работою). Чтобы рѣшить споръ, они согласились помѣняться работами: жена—ѣхать въ поле, а мужъ—хозяйничать дома. Передъ отъѣздомъ жена сдѣлала наставленія мужу: «смотри, не проспй стада, выгони коровъ, овецъ и телятъ; да смотри—не запропасти цыплятъ съ насѣдкой, накорми ихъ; да чтобъ обѣдъ у тебя поспѣлъ, какъ вернусь, и буханцовъ напеки, и масла спахтай, да столки пшена на кашу». Сдѣлавъ эти наставленія, жена отправилась пахать. Вотъ погнали стадо въ поле, а мужъ и прозѣваль. Пустился бѣгомъ съ коровой, да и то насилу догналъ. Вернулся домой и первымъ дѣломъ, чтобы

ястребъ не потаскалъ цыплятъ, — взялъ и перевязалъ всѣхъ ихъ ниткой, прикрѣпивъ ее къ курицѣ. Потомъ принялся хлопотать у печи. Видалъ онъ, что жена за-разъ и хлѣбы мѣсить въ квашнѣ и пшено толчетъ на кашу, когда печь топится, — вотъ и онъ началъ мѣсить хлѣбъ да разомъ и пшено толочь, да чтобъ склотить за-одно и масло, — привязалъ къ поясу горшокъ со сметаной: коли, думаетъ, пшено столчется, то за-разъ и масло собьется. Только принялся онъ толочь, слышитъ на дворѣ отчаянный крикъ и пискъ. Бросился онъ на дворъ, зацѣпился за порогъ, упалъ и разбилъ горшокъ со сметаной. Поднялся, смотреть, а коршунъ тащитъ въ когтяхъ всѣхъ цыплятъ вмѣстѣ съ насѣдкою. Пока онъ смотрѣлъ вслѣдъ коршуну, забрались въ избу свиньи: одна принялась уничтожать тѣсто, а другая пшено вѣстувѣ уписывать. Вдобавокъ и печка погасла. Такъ время даромъ и прошло до самаго обѣда. Вернулась жена съ поля, а дома нашла одну бѣду: ни обѣда, ни цыплятъ... Тогда мужъ долженъ былъ согласиться, что женская работа труднѣе мужской.

Въ бытовыхъ сказкахъ, какъ уже замѣчено выше, приводятся представители разныхъ племенъ. Чаше попадаются евреи, такъ какъ съ ними болѣе всего приходилось и приходится имѣть дѣло малоруссу. Но замѣчательно, что евреи являются въ сказкахъ въ довольно глупомъ видѣ: они то и дѣло становятся жертвами

надувательствъ, иной разъ даже очень грубыхъ. Хитрецомъ въ сказкахъ является «москаль», обыкновенно солдатъ. Но «кацапъ», — прозвище, относимое къ великоруссамъ-мужикамъ, — не видно, чтобъ обладалъ хитростью. Если москаля провести очень трудно, то кацапъ самъ попадаетъ на удочку и вообще «остается въ дуракахъ» передъ малоруссомъ.

Не менѣе, если не болѣе богатый отдѣлъ поэзіи малоруссовъ образуютъ пѣсни историческаго содержания. Существенное содержаніе этихъ пѣсенъ—дѣйствительныя, историческія событія и лица. Онѣ обнимаютъ собою всѣ главныя событія исторической жизни Малороссіи, начиная съ XV и кончая XVIII вѣкомъ: повѣствуютъ о борьбѣ съ Польшею, съ татарами и турками—то въ степяхъ, то на Черномъ морѣ, о полонѣ и бѣдствіяхъ невольничества.

Историческія пѣсни малоруссовъ распадаются на два отдѣла: пѣсни въ собственномъ смыслѣ и думы. Названіе думъ усвоено такимъ повѣствованіямъ которыя излагаются мѣрною, рифмованною рѣчью, съ неровнымъ количествомъ слоговъ между рифмами. Поэтому дума не соотвѣтствуетъ тому, что принято разумѣть подъ стихотвореніемъ, но она не можетъ быть названа и прозою. Думы поются подъ игру на народныхъ малорусскихъ инструментахъ—бандурѣ или кобзѣ. Пѣніе ихъ составляетъ занятіе особыхъ пѣвцовъ, музыкантовъ—кобза-

рей и бандуристовъ. Прежде такихъ пѣвцовъ было въ Малороссіи очень много, потому что народъ любилъ слушать ихъ пѣсни про подвиги и невзгоды своихъ предковъ, но теперь они уже перевелись почти совсѣмъ.

Особенно видное мѣсто между историческими пѣснями занимають тѣ, содержаніе которыхъ составляетъ борьба съ Польшею.

Наибольшее количество думъ относится ко времени Богдана Хмельницкаго. Въ особой думѣ о жидовскихъ откупахъ изображаются притѣсненія народа со стороны евреевъ,—притѣсненія, послужившія одною изъ причинъ казацкаго возстанія.

Якъ отъ Кумівщини да до Хмелнинщини,
Якъ отъ Хмелнинщини да до Брянщини,
Якъ отъ Брянщини да й до сего-жъ-то дня,
Якъ у землі кралевській да добра не було:

Якъ жиди-рандари

Всі шляхи *) козацьки зарандовали,

Що на одній милі

Да по три шинки становили,

Становили шинки по долинахъ,

Заводили щогли **) по висовихъ могилахъ,

На славній Україні всі козацьки торги зарандовали,

Брали мито-промито ***):

Одъ возового

По півъ-золотога ****),

*) Дороги. **) Шесты. ***) Пошлину. ****) Пол-золотога.

Одъ пішого—пішенці потри денежки мита брали,
Одъ неборака старця
Да брали кури да яйця,
Да еще и питае:
«Ци нема, котикъ, сце цого?»

Но и этого было мало:

На славній Україні всі казацьки церкви зарандовали.
Которому-бъ то казаку, альбо мужику давъ Богъ дитину
появити,

То не йди до попа благословитьця—
Да пійди до жидо-рандара, да положъ шостаць, щобъ
позволивъ церкву одчинити.

Далѣ въ пѣснѣ говорится. что евреи забрали въ аренду рѣки, такъ что казаки на ловлю рыбы должны были брать разрѣшеніе у «рындарей» и платить имъ за это деньги. Тогда Хмельницкій выслалъ на нихъ козацкую силу. Пѣсня заканчивается изображеніемъ взятія и разграбленія города Полоннаго.

Въ началѣ возстанія Богданъ Хмельницкій нанесъ жестокое пораженіе полякамъ при Корсунѣ. Послѣднему событію посвящена дума о побѣдѣ подъ Корсунемъ.

Весьма интересна дума о Бѣлоцерковскомъ мирѣ съ поляками (въ 1651 г.). Миръ этотъ былъ заключенъ послѣ сраженія, проиграннаго Хмельницкимъ подъ м. Берестечкомъ, вслѣдствіе измѣны союзниковъ-татаръ. Условія этого мира были весьма тягостны для народа. Чувства, вызванныя въ послѣднемъ этимъ миромъ,

вылились въ особой думѣ. Дума начинается вопросомъ: «Хорошо-ли сдѣлалъ Хмельницкій, что съ ляхами, вельможными панами, помирился»? И послѣ этого вопроса описываются послѣдствія мира, которыя должны служить отвѣтомъ на него. Богданъ велѣлъ ляхамъ, вельможнымъ панамъ, стоять постоемъ у козаковъ и крестьянъ. Тогда собрались козаки на совѣтъ и послали письмо Хмельницкому:

«Пане гетьмане Хмельницкій,
Батьку Зиновъ нашъ Чигиринский!
За що ты на насъ такой гнівъ положивъ?
За що ти на насъ такой ясиръ (плѣненіе) пославъ?
Уже-жъ ми теперъ не въ чому волі не маемъ:
Ляхи, мостовні пани, одъ насъ ключі поодбирали
И стали надъ нашими домами господарями».

Прочиталъ Хмельницкій письмо козацкое и просилъ козаковъ выждать болѣе удобнаго времени, чтобъ начать борьбу съ врагомъ. Потомъ онъ отправляетъ козаковъ въ походъ, просить ихъ:

«Ляхівъ, мостивихъ панівъ, у пень рубайте,
Кровь їхъ Лядську у полі съ жовтимъ пескомъ мішайте,
Віри святої Християнської у поругу не подайте!»

Паны пускаются въ бѣгство, прячутся въ лѣсахъ. Но козаки находятъ ихъ здѣсь. Паны просятъ на родину, за Вислу. Козаки отпу-

скають ихъ, но потомъ топятъ въ рѣкѣ, приговаривая:

Ступайте! тутъ вамъ дорога одна —
До самаго дна.

Возстаніе Богдана Хмельницкаго повело къ раздвоенію южнорусскаго края: лѣвобережная Украина отошла къ Россіи, а западная, правобережная, осталась, исключая Кіева, за Польшею. Положеніе второй части не только ничего не выиграло отъ возстанія, но даже ухудшилось: поляки стали мстить народу за участіе въ возстаніи, а давать имъ отпоръ у народа не доставало силы. Спасаясь отъ преслѣдованій, народъ бѣжалъ съ правой стороны на лѣвую, въ предѣлы, подвластные Россіи. Только, когда польскій король Янъ Собѣскій, начавшій борьбу съ турками, издалъ постановленіе о возстановленіи козачества и предоставилъ украинскія степи въ распоряженіе казаковъ, въ польскую часть малорусскаго края устремилась масса народа и изъ русскихъ владѣній. Возникло нѣсколько козацкихъ полковъ, изъ которыхъ самый многочисленный былъ образованъ Семеномъ Гуркомъ, по прозванію Палѣмъ. Новые казаки вскорѣ открыли борьбу съ поляками: нападали на панскія и шляхетскія имѣнія, изгоняли поляковъ и евреевъ, обращая народъ въ козачество. Болѣе десяти лѣтъ шла эта борьба, нѣсколько разъ Палѣй обращался къ московскому правительству, моля

его взять правобережную сторону и присоединить къ Россіи, но царь (Петръ Великій) постоянно отказывалъ ему въ этомъ, нуждаясь въ добрыхъ отношеніяхъ къ Польшѣ, по случаю задуманной борьбы со Швеціею. Когда же послѣ Яна Собѣскаго, при королѣ Августѣ II, въ 1699 г., польское правительство положило уничтожить козачество и потребовало отъ правобережныхъ козаковъ—или подчиниться власти пановъ, т. е. добровольно отдать себя ихъ мести, или оставить край,—произошло рѣшительное и всеобщее возстаніе, вспыхнувшее въ 1702 г. Главнымъ руководителемъ этого возстанія былъ Палѣй, а пособниками его явились полковники, упомянутые Самусь, Искра, Абазинь. Въ октябрѣ 1702 г. возставшіе разбили польское шляхетское ополченіе у Бердичева, но потомъ поляки оправались: польскій гетманъ Сѣнявскій разбѣжалъ одну за другою шайки возставшихъ, и тогда пошла расправа. Заподозрѣннымъ рѣзали уши (такъ заклемено было 70,000 челов.), а прямо виновные подвергались болѣе жестокому наказанію. Одинъ только Палѣй не былъ сломленъ польскою силою. Но не надѣясь на свои силы и не видя конца борьбѣ, онъ снова просилъ Петра Великаго принять правобережную Украину подъ власть Россіи. Петръ отклонялъ это, находясь въ союзѣ съ Польшею. Мало того,—онъ совѣтовалъ сдать полякамъ занятое Палѣемъ мѣстечко Бѣлую

Церковь и жить съ ними въ мирѣ. Понятно, что Палѣй не могъ выполнить этого, не желая возбудить негодование въ народѣ. Тогда гетманъ лѣвобережной, русской, Украины, извѣстный Мазепа, сдѣлалъ доносъ на Палѣя Петру Великому, который и велѣлъ захватить такъ или иначе славнаго борца за народное дѣло. Мазепа заманилъ его къ себѣ, и Палѣй былъ отправленъ въ Сибирь, въ Енисейскъ (въ 1702 году). Только когда въ 1708 г., обнаружилась измѣна Мазепы, Петръ Великій вспомнилъ про Палѣя и вернулъ его. Этотъ-то мужественный боецъ со своими подвижниками и является героемъ многихъ малорусскихъ думъ. Въ нихъ изображаются подробности борьбы съ поляками, доносъ Мазепы, захватъ Палѣя и ссылка въ Сибирь.

Ой не знавъ, не знавъ *проклятый* Мазепа якъ Палѣя
зазвати;

Ой ставъ же, ставъ *проклятый* Мазепа на банкетъ за-
прошати.

— Ой прошу тебе, Семене Палѣю, по чашу вина пити!
«Брешешъ, брешешъ, вражій сыну, хочешъ мене згу-
бити».

— Ой пріѣдь, пріѣдь, Семене Палѣю, на охоту до мене;

— Ой не буде тобѣ, Семене Палѣю, кривды отъ мене».

Ой пріѣхавъ Палѣй Семень да ставъ зъ коня вставати,
Ставъ его *несъ* Мазепа медомъ-виномъ чествовати!

Во время пирушки одинъ изъ участниковъ ея, Искра, предупреждаетъ Палѣя тайкомъ,

что Мазепа задумалъ противъ него что-то недоброе. Но Палѣй до того хмелѣеть, что падаеть. Тогда Мазепа отдаеть приказъ взять Палѣя.

Ой возьмись Палѣя Семена да забийте въ кандалы
Ой забили Семена Палѣя у тугіи скрипицѣ,
Да ввинули Семена Палѣя въ темніи темници...

Далѣе описывается жизнь Палѣя въ Сибири, его помилованіе и возвращеніе. Питая любовь къ своему герою, народъ приписалъ ему даже полтавскую побѣду.

Послѣ окончательнаго уничтоженія въ правобережной Украинѣ козачества, борьба съ поляками приняла видъ гайдамачества. Крестьяне стали составлять шайки и вести постоянную правильную борьбу съ врагами, держа ихъ въ постоянной тревогѣ. Въ составъ такихъ шаякъ входили и запорожскіе козаки, даже бѣглые русскіе солдаты. Такимъ шайкамъ населеніе оказывало всегда сочувствіе и поддержку, давая имъ пріютъ и пропитаніе. Такъ дѣло тянулось до 1768 года, когда разразилось страшное возстаніе и избиеніе поляковъ, извѣстное подъ именемъ *Колівщини*. Ближайшимъ его поводомъ послужило распространеніе между населеніемъ церковной уніи при помощи насильственныхъ мѣръ и такіе случаи, какъ казнь въ польскомъ лагерѣ одного церковнаго старосты Данила Кушнера за его приверженность къ православію. Предводителемъ возставшихъ явился за-

порожець Максимъ Желѣзнякъ (или Залѣзнякъ въ малорусскихъ пѣсняхъ). Онъ объявилъ, что русская императрица (Екатерина II) издала грамоту, писанную золотыми буквами, въ которой побуждаетъ возстать за вѣру. Хотя грамота эта была подложная, но она произвела сильное дѣйствіе на народъ. Къ Желѣзняку стали стекаться отовсюду люди, жаждавшіе независимости отъ Польши. Гайдамаки разбивались на ватаги или загоны и шли раззорять шляхетскіе дворы, костелы, избивать поляковъ и евреевъ. Тогда многіе изъ поляковъ укрылись въ Умань въ надеждѣ найти защиту въ ея укрѣпленіяхъ. Но гарнизонъ уманскій состоялъ всего изъ 600 человекъ. Главная же сила заключалась въ милиціи (отрядѣ), состоявшей на содержаніи польскихъ пановъ. Милиціонеры эти носили названіе «надворныхъ козаковъ» въ отличіе отъ вольныхъ, которые были уже уничтожены въ Польшѣ. Надворные козаки, находившіеся въ Умани, были все по происхожденію малоруссы. Между начальствующими лицами у нихъ находился сотникъ Гонта. Онъ перешолъ на сторону Желѣзняка и вмѣстѣ съ нимъ овладѣлъ Уманью. Тогда началась жестокая, безпощадная расправа съ укрывшимися здѣсь поляками. Но противъ гайдамаковъ приняла мѣры Россія. Генераль Кречетниковъ послалъ въ Умань донскихъ козаковъ. Послѣ нѣкотораго сопротивленія, гайдамаковъ перевязали. Желѣзнякъ былъ отправленъ въ ссылку,

а Гонты выданъ польскимъ властямъ (Браницкому). Его подвергли жесточайшей казни: въ теченіи двухъ недѣль сдирали кожу, а потомъ четвертовали. Вмѣстѣ съ нимъ подвергли казни 2.000 гайдамаковъ.

Всѣ эти событія, глубоко потрясшія народъ и врѣзавшіяся въ его память, воспѣваются въ малорусскихъ думахъ. Сквозь ненависть къ врагамъ, которою дышатъ многія мѣста этихъ думъ, проглядываютъ, однако, и черты возвышенно-христіанской кротости и любви. Въ народной пѣснѣ, изображающей лютую казнь Гонты, есть слѣдующее замѣчательное мѣсто:

О, Боже мій несконченный! що се теперь стало?

Якъ то вѣра, такъ то вѣра, а милости мало!

О, Боже мій несконченный! дивитися горе,

Що тепера на семъ свѣтѣ, вѣра вѣру боре!

Т. е. «О, Боже безконечный! Что теперь настало? Все вѣра, да вѣра, а любви мало! О, Боже безконечный! намъ прискорбно видѣть, что на этомъ свѣтѣ въ наше время вѣра бореть вѣру».

Кромѣ поляковъ, у малоруссовъ былъ еще другой сильный врагъ—крымская орда. Правда, ненависть къ полякамъ заставляла малоруссовъ заключать союзы даже съ татарами, но союзники эти были крайне ненадежны, и нерѣдко, выступивъ за одно съ козаками на поляковъ, обращали потомъ свое оружіе противъ тѣхъ же козаковъ, или, въ лучшемъ случаѣ, бросали

ихъ въ важную минуту на произволь судьбы. Но такіе союзы съ татарами были рѣдки. Большею частію крымцы производили набѣги на Малороссію съ цѣлію полученія «ясыра» — плѣнниковъ. Козаки, въ свою очередь, мстили тѣмъ же. Они предпринимали набѣги на орду. Очень часто партіи козаковъ выступали въ степи, чтобы вести борьбу съ партіями татаръ. Татары, имѣя въ виду продавать плѣнниковъ въ неволю, старались захватывать ихъ живьемъ, козаки же находили, что плѣнные татары—лишнее бремя, и потому всегда убивали ихъ. Шладили козаки плѣнныхъ татаръ въ томъ только случаѣ, если имѣли въ виду получить отъ нихъ какія-нибудь полезныя указанія, какъ отъ шпионовъ, или если надѣялись взять съ плѣнныхъ значительный выкупъ. Не ограничиваясь нападеніями на крымскую орду, козаки отваживались иногда предпринимать походы на Турцію. Всѣ эти историческія событія нашли отголоски и въ народной поэзіи, рисующей намъ и набѣги татаръ на Украйну, со всѣми ихъ печальными послѣдствіями, и вторженія самихъ козаковъ въ предѣлы татарскихъ и турецкихъ владѣній. Такъ, въ одной пѣснѣ поется:

Зажурилась Украина, що негдѣ сядѣти:
Вытоптала орда коньми маленькіи дѣти,
Малыхъ потоптала, старыхъ порубала,
А молодыхъ середульшихъ у полонъ загнала.

Въ другой пѣснѣ изображается, какъ татары обращались съ захваченными въ полонъ. Возвращается татаринъ домой на конѣ и тянетъ за собою «терниною» женщину, привязанную ремнемъ.

Терня ноги пробивает,
Кровца слѣды заливае,
Черной воронъ залетае,
То-ту кровь испивает.

Жертвами татарскихъ нападеній, часто дѣлались чумаки, совершавшіе длинныя путешествія съ товарами по пограничнымъ съ ордою степямъ южной Россіи. Нападенія на чумацкія валки представляли, такъ сказать, двойной интересъ для татаръ: можно было поживиться товарами да и захватить самихъ чумаковъ въ плѣнъ. Въ одной пѣснѣ говорится:

Изъ за лѣсу, зъ за рѣки,
Выходили чумаки,
Ой, у яру становились,
Безъ опаски спать лягли;
Гдѣ ни взялася орда,
Порубала чумака,
Порубала, посѣкла
И уполонъ зайняла.

Козаки, какъ уже замѣчено выше, сами предпринимали нападенія на мусульманъ. Такъ, на примѣръ, въ одной пѣснѣ изображается походъ козаковъ Чернымъ моремъ на Варну и взятіе этого города. Подойдя къ Варнѣ,—

говорится въ этой пѣснѣ, — козаки раздумываютъ, съ какого конца ее брать: съ моря, или съ суши, или съ «рѣчки-невелички». Отъ одного турка они выпытали, что приступить лучше всего сдѣлать съ рѣчки. Такъ козаки и поступили: они поднялись въ челнахъ по рѣкѣ, ударили изъ ружей и пушекъ; турки бросили Варну и бѣжали, проклиная рѣку, причинившую имъ такую бѣду. Пѣсня заканчивается словами: «была Варна славна издавна, но славнѣе ея козаки, которые взяли Варну и забрали въ ней турокъ».

Пѣсни *обрядныя* и *бытовыя* имѣютъ еще многія подраздѣленія. Такъ, обрядныя пѣсни распадаются на два главные вида: однѣ изъ нихъ относятся ко временамъ года, другія къ разнымъ обстоятельствамъ и явленіямъ домашней, семейной жизни. Но оба эти вида подраздѣляются, въ свою очередь, такъ-сказать на разновидности. Напримѣръ, къ первому виду принадлежатъ: *весеннія пѣсни*, сопровождаемыя обыкновенно особыми играми, *тѣтнія*—троицкія, купальскія, петрівочныя и *рабочія*, распѣваемыя въ разгаръ работъ,—главнымъ образомъ при уборкѣ хлѣба,—наконецъ, *колядки*,—пѣсни святочные и *шедрівки*—пѣсни щедраго вечера (кануна новаго года). Ко второму же виду относятся пѣсни: *свадебныя* (едвали не самыя многочисленныя изъ числа обрядовыхъ), *колыбельныя*, *крестинныя* и *похоронныя* (причитанья).

Весенними пѣснями, или по просту *веснянками*, народъ, провожая зиму, встрѣчаетъ весну. Пѣсни эти соединяются съ особыми играми-хоровами. Первымъ хороводомъ почти всегда въ этомъ случаѣ служилъ такъ называемый «Кривой танецъ», состоящій въ томъ, что участвующіе въ немъ вертятся вокругъ вбитыхъ въ землю палокъ, образующихъ родъ треугольника, и распѣваютъ при этомъ пѣсни. Другія весеннія игры—хороводы, сопровождающіеся пѣніемъ особыхъ пѣсень: Володарь, Король, Макъ, Просо и проч. Игра «просо» напоминаетъ собою подобный же хороводъ великоруссовъ. Самая пѣсня, которая при этомъ поется, представляетъ полное тожество съ подобною же великорусскою. Вся разница состоитъ только въ нѣкоторыхъ особенностяхъ словъ: въ великорусской поется «вытопчемъ», а въ малороссійской—«витопчемъ».

За веснянками слѣдуютъ пѣсни троицкія, или *русальныя*, *купальскія* и *петрівочныя*. Русальныя пѣсни поются въ такъ называемую русальную недѣлю, слѣдующую за днемъ Св. Троицы. Русалки, по народному повѣрью, дѣвушки-утопленницы. Въ понедѣльникъ послѣ Троицына дня эти существа выходятъ изъ воды, и бѣда, коли замѣтятъ, что кто-нибудь работаетъ; за такое неуваженіе ко дню ихъ памяти онѣ нашлютъ большое несчастіе. Дѣвушки, чтобъ не накликать такой бѣды, ко-

нечно, не работаютъ, а распѣваютьъ пѣсни въ родѣ слѣдующей:

Сідила русалка на білій березі
Просила русалка въ жиночекъ намітки *):
«Жиночки-сестрички,
Дайте мені намітки,
Хочъ не тоненькой,
Аби біленької».

Сідила русалка на білій березі,
Просила русалка дівочекъ сорочки:
«Дівочки-сестрички,
Дайте мені сорочки,
Хочъ не біленької,
Аби тоненької».

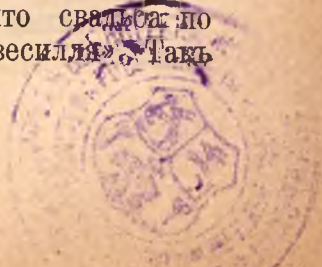
Весь кругъ обрядовыхъ пѣсенъ, приуроченныхъ къ разному времени года заканчивается *колядками* и *щедрівками*. Колядки, какъ мы уже говорили, поются въ день Рождества Христова. Колядокъ этихъ множество: въ одномъ сборникѣ ихъ приведено до 180 штукъ. При такой многочисленности колядки отличаются большимъ разнообразіемъ. Однѣ изъ нихъ очень коротки, другія длинны, однѣ вовсе не содержатъ даже указаній на праздникъ, по поводу котораго поются, другія же прославляютъ его, излагая какъ бы исторію великаго событія, въ память котораго онъ установленъ. Но исторія событія въ нѣкоторыхъ колядкахъ получила весьма своеобразную окрас-

*) Намітка—головной уборъ женщннъ.

ку. По одной, на примѣръ, колядкѣ выходитъ, что Иисусъ Христосъ родился не въ Вилеемѣ, а въ *Почаевской лаврѣ*, въ нынѣшней Волынской губерніи. За пѣніе колядокъ пѣвцы получаютъ разныя подачки—колбасу, деньги и т. д.

Наканунѣ новаго года поются *щедривки*. Ихъ значительно меньше, чѣмъ колядокъ. Въ щедривкахъ этихъ вмѣстѣ съ поздравленіями хозяевъ дѣлается и пожеланіе имъ богатой, щедрой жизни. Поэтому въ нихъ по большей части бываетъ припѣвъ: щедрый вечеръ, добрый вечеръ!

Изъ обрядовыхъ пѣсенъ, относящихся къ обстоятельствамъ семейной жизни, на первомъ мѣстѣ стоятъ *свадебныя*, иначе *весильныя*. Но хотя они и носятъ такое названіе, отсюда, однако, ошибочно было бы заключать, что содержаніе ихъ *веселье*. По заведенному изстари обычаю, выходъ дѣвушки въ замужество принято оплакивать, хотя бы ее и ожидала впереди лучшая жизнь. Это оплакиваніе выражается въ пѣсняхъ, распѣваемыхъ какъ самою невѣстою, такъ и ея подругами. «Свадебныя пѣсни,—замѣчаетъ одинъ изслѣдователь малорусской народной музыки,—по большей части, по напѣву, печальнаго настроенія. Есть такія, которыя похожи болѣе на плачь, чѣмъ на пѣніе». Названіе весильныхъ усвоено этимъ пѣснямъ потому, что свадьбы по малорусски носятъ названіе «весилля». Такъ

какъ пѣніе свадебныхъ пѣсень начинается съ самыхъ заручинъ и имъ сопровождается чуть не каждый шагъ невѣсты, то, понятно, что пѣсень этого рода безчисленное множество.

Остальные обрядовыя пѣсни—крестинныя и похоронныя. Ихъ содержаніе вертится на тѣхъ событіяхъ, которымъ онѣ посвящены. Похоронныхъ пѣсень значительно больше, чѣмъ крестинныхъ. Есть особыя пѣсни на случай кончины дѣвицы, паробка, старухи, старца и т. д.

Послѣдній отдѣлъ народныхъ пѣсень—*пѣсни бытовья*, обнимаая разнообразныя стороны народнаго быта, могутъ служить хорошимъ источникомъ для его изученія. Нѣкоторыя пѣсни этого рода представляютъ тѣсную связь съ историческими. Прощаніе козака съ семьею или съ милою и смерть козака—самыя обыкновенныя предметы этихъ пѣсень. Вотъ одна изъ козацкихъ бытовыхъ пѣсень:

Боже жъ ты мій милый, Боже милостивый,
Які жъ ми вродились въ світі несчастлівіи:
Нема счастья ні въ полі, ні въ домі,
Немае счастья и въ великій дорозі.
Ходили жъ ми широкими степами
И темними густими лісами,
Були жъ ми й на синему морю,—
Та й востались босі и голі...

За козацкими бытовыми пѣснями слѣдуютъ *чумацкія*. Въ чумацкихъ пѣсняхъ мы знако-

мимся и съ домашнею обстановкою чумаковъ, и съ ихъ жизнью въ степи, среди многочисленныхъ разнообразныхъ враговъ, своихъ (гайдамаковъ) и чужихъ (татарь). Нѣкоторыя чумацкія пѣсни чрезвычайно картинно живописуютъ намъ тѣ невзгоды, которымъ подвергались чумаки въ своихъ длинныхъ переѣздахъ по степямъ. Многія мѣста этихъ пѣсень отличаются глубокимъ, трогательнымъ чувствомъ. Такова, на примѣръ, пѣсня, изображающая кончину чумака на чужбинѣ, вдали отъ родныхъ и милыхъ сердцу:

Та не буде знати
Ні отецъ, ни мати,
Ні братъ, ні сестра...
Тільки буде знати
Того чумаченька—
Чужа сторона...

Пѣсни бурлацкія, рекрутскія и солдатскія представляютъ продукты народнаго творчества, уже болѣе близкаго къ намъ времени. Бурлакъ на югѣ Россіи вовсе не то же, что на Волгѣ. На Волгѣ онъ судорабочій, а въ южныхъ степяхъ—это всякій вольный чело-вѣкъ, кто-бы онъ ни былъ. Во времена крѣпостнаго права этимъ именемъ на югѣ называли бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ; подъ этимъ же названіемъ извѣстны были бѣглые солдаты. Бурлаки вели обыкновенно скитальческую жизнь, но часто по нуждѣ поступали

въ работники, хотя имъ и угрожала опасность быть выданными. Поэтому, на югѣ слово «бурлакъ» сдѣлалось синонимомъ бездомнаго, безсемейнаго молодца. Отсюда можно уже судить отчасти о характерѣ *бурлацкихъ пѣсенъ*. Въ нихъ изображается то вольная, то трудовая жизнь бурлака. Корчма и горѣлка—предметы, все чаще упоминаемые въ бурлацкихъ пѣсняхъ. Но есть между пѣснями и такія, въ которыхъ съ неподдѣльною горечью изображается печальная бурлацкая жизнь. Такова пѣсня, которая начинается словами, что нѣтъ на свѣтѣ жизни горче бурлацкой. Бурлакъ работалъ, чтобы ему дали «вечеряти» (поужинать). Но хозяйка

Не палила, не варила,
Тай нема що вечеряти. Гей, гей, нема що вечеряти.
Лягай (ложись), бурлакъ, и такъ спати.
Ой ще бурлакъ не здрѣмався (не задремалъ)
Вже господарь перестався. Гей, гей и т. д.

Бурлакъ долженъ былъ встать и, не одѣтый, не умытый, идти съ волами. Дѣло кончается тѣмъ, что бурлакъ замерзаетъ въ полѣ...

Пѣсни *рекрутскія* и *солдатскія* уже не отличаются такимъ своеобразнымъ характеромъ. Въ пѣсняхъ этого рода могли только въ очень слабой степени отразиться отличительныя стороны малорусской народной жизни. По большей части содержаніе такой пѣсни въ малорусской поэзіи то-же, что и въ великорусской—раз-

лука съ семьею, тоска по родинѣ и т. п. Кромѣ уже приведенныхъ пѣсень, Костомаровъ относитъ къ числу бытовыхъ и пѣсни поселянскія, содержаніе которыхъ составляютъ общественныя условія крестьянскаго быта. Сюда можно отнести пѣсни про время панщины, которая оставила по себѣ весьма недобрую память въ народѣ. Наконецъ, послѣдній и едва-ли не самый обширный отдѣлъ бытовыхъ пѣсень составляютъ пѣсни, посвященныя любви и семейной жизни. По глубинѣ чувства эти пѣсни справедливо ставятся знатоками поэзіи на самомъ видномъ мѣстѣ въ ряду произведеній народной поэзіи. Это чувство особенно сильно въ выраженіи тоски, печали. Таковы, напр., пѣсни—«Віють вітри, віють буйни», «У сусіда хата біла», отличающіяся также и прекраснымъ напѣвомъ.

Занятія и промыслы малороссовъ.

1. Земледѣліе и его враги.

Великоруссовъ многіе называютъ народомъ по преимуществу земледѣльческимъ. Это замѣчаніе съ большимъ основаніемъ можетъ быть отнесено къ малоруссамъ. У великоруссовъ, по крайней мѣрѣ, въ среднихъ губерніяхъ, рядомъ съ земледѣліемъ мы видимъ разныя другія отрасли промышленности. Такъ, у нихъ распространены кустарные промыслы, существуютъ многочисленныя фабрики и заводы. Не то мы встрѣчаемъ въ Малороссіи. Здѣсь кустарная и фабрично-заводская промышленность, за исключеніемъ свеклосахарныхъ заводовъ, распространена весьма мало, и почти исключительное занятіе жителей составляетъ земледѣліе. Малоруссъ по преимуществу «хлѣборобъ». Оттого онъ находится въ большей зависимости отъ земли, отъ урожая, чѣмъ великоруссъ: когда его постигаетъ неурожай, онъ становится въ болѣе невыгодное положеніе, потому что не имѣетъ подспорныхъ

промысловъ, которые поддержали бы его и семью при безхлѣбьи.

Такъ какъ землю опредѣляется благосостояніе малорусскаго населенія, то естественно отношенія его къ землѣ имѣютъ громадное значеніе въ его быту.

Главную особенность земельного владѣнія у малоруссовъ составляетъ отсутствіе у нихъ, въ отличіе отъ великоруссовъ, земельной общины. Если у нихъ существуетъ мѣстами общинное землевладѣніе, то лишь въ видѣ исключенія. У нихъ господствуетъ личная поземельная собственность, подворное владѣніе. Это имѣетъ большія невыгоды. Дѣло въ томъ, что при общинѣ земля всегда остается за крестьянами: они ею только пользуются, но продавать не могутъ. Каждому изъ крестьянъ отводится міромъ такое количество земли, какое соотвѣтствуетъ потребностямъ его семьи, числу рабочихъ рукъ. Благодаря этому, крестьянинъ, при общинѣ никогда не лишится земли. Не то при личной собственности: каждый собственникъ можетъ распоряжаться землею, какъ ему угодно — можетъ продавать, передавать другимъ по своему усмотрѣнію. Оттого-то многіе личные собственники въ Малороссіи давно уже лишились своихъ участковъ.

Сельское населеніе Малороссіи состоитъ изъ собственно крестьянъ и такъ называемыхъ казаковъ. Не слѣдуетъ думать, судя по названію, что послѣдніе составляютъ классъ людей,

обязанныхъ военною службою, въ родѣ, напр., казаковъ донскихъ или кубанскихъ: это—тѣ же землепашцы, какъ и обыкновенные крестьяне. Названіе, которое они носятъ, уцѣлѣло за ними вслѣдствіе того, что предки ихъ были казаками. Въ одномъ историческомъ актѣ XVII столѣтія говорится, что «якъ осѣли люди, то можнѣйшіе (богатые) пописались въ казаки, а подлѣйшіе (бѣдные) остались въ мужикахъ». По Переяславскому договору (1654 г.), въ силу котораго Малороссія вошла въ составъ Московскаго государства,—«кто казакъ,—тотъ казацкую вольность имѣеть, а кто пашенный крестьянинъ,—тотъ несетъ обыкную государеву повинность». Изгнавъ изъ страны поляковъ, Хмельницкій надѣлилъ оставшеюся послѣ нихъ землею казаковъ. Такимъ образомъ казаки получили значительные земельные участки. Въ прошломъ столѣтіи они обращены были въ крестьянское сословіе. Въ 1797 году, взаменъ выставленія и содержанія отъ себя казачьяго войска, на нихъ была распространена рекрутская повинность. Превжній воинъ сдѣлался пахаремъ, но старое названіе за нимъ сохранилось. Когда въ Малороссіи установлено было въ прошломъ столѣтіи крѣпостное право, оно не распространилось на казаковъ. Они остались свободными людьми и, вмѣстѣ съ казенными крестьянами, колонистами и другими некрѣпостными поселянами, получили наименованіе государственныхъ крестьянъ.

Въ настоящее время въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ считается казаковъ около 600,000 душъ. Многіе изъ нихъ пользуются замѣчательнымъ достаткомъ, но за-то не мало и такихъ, которые поражаютъ своею бѣдностью. Въ любомъ казачкомъ селеніи можно встрѣтить помѣстительныя хаты, съ окнами въ шесть стеколъ, съ фруктовыми садами, обширными огородами и хорошими службами. Но рядомъ съ такими жилищами можно увидѣть одинокія хатки на курьихъ ножкахъ, безъ всякихъ хозяйственныхъ построекъ, безъ плетня, съ общипанными, прогнившими крышами. И въ одеждѣ и въ пищѣ можно замѣтить то-же. Зависѣло это оттого, что у малорусскихъ казаковъ всегда существовала личная земельная собственность, и казаки могли свободно располагать ею. Предположимъ, что у какой-нибудь семьи, состоящей изъ отца и двухъ взрослыхъ сыновей, имѣется участокъ земли въ шесть десятинъ. Отецъ умираетъ, и каждому сыну приходится по три десятины, т. е. хозяйство сокращается на половину. Если у каждаго изъ этихъ новыхъ хозяевъ будетъ также по два сына, то по смерти отцевъ имъ достанется уже по полторы десятины. Такимъ образомъ съ размноженіемъ населенія земля дробится все на болѣе и болѣе мелкіе участки; пока дѣло не дойдетъ до того, что послѣдніе примутъ такіе ничтожные размѣры, что

веденіе хозяйства сдѣлается совершенно невыгоднымъ. Эти мелкіе участки земли, не приносящіе выгоды, приобрѣтаются зажиточными казаками. Отъ этого и зависитъ различіе благосостоянія въ бытѣ казаковъ. По словамъ одного землевладѣльца, въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ только третья часть казаковъ имѣетъ землю, остальные же двѣ трети не имѣютъ ея и находятся въ нищенскомъ состояніи.

Другую часть малорусскаго сельскаго населенія составляютъ бывшіе крѣпостные крестьяне. Положеніе ихъ въ старину было неодинаково. Въ прежнее время малорусскій край принадлежалъ, какъ извѣстно, полякамъ. Подъ ихъ власть ранѣе попалъ юго-западный край—Волынь и Подолье. Православное населеніе этихъ мѣстъ испытало на себѣ всѣ невыгоды господства надъ собою иновѣрцевъ. Оно было закрѣпощено. Гнетъ крѣпостнаго права былъ такъ великъ, что подъ его давленіемъ едва не утратилась въ православномъ малорусскомъ населеніи всякая самостоятельность. Еще и теперь подоляне и волыняне отличаются приниженностью: они низко кланяются и цѣлуютъ полы одежды. Не то было къ востоку отъ Волыни и Подолія: здѣсь развилось казачество, которое болѣе или менѣе сдерживало попытку поляковъ обезличить населеніе. Только въ прошломъ столѣтіи здѣсь распространено крѣпостное право. Крестьянинъ былъ лишенъ

возможности располагать съ увѣренностью однимъ днемъ въ недѣлю. Даже въ воскресные дни онъ долженъ былъ идти на панщину, если его требовали, съ тою лишь разницею противъ другихъ дней, что, по обычаю, въ воскресенье онъ могъ дѣлать «готовую работу»—грести и метать сѣно, возить его, но не пахать, косить, жать и молотить. Съ наступленіемъ 19 февраля 1861 года эти времена миновали. Крестьяне получили свободу и земельные надѣлы. Послѣдніе, впрочемъ, были на-столько незначительны, что полученною землею крестьяне не въ состояніи обезпечить своего существованія. Поэтому тамъ необходимы кустарные и отхожіе промыслы.

Помимо необезпеченности землею значительной части крестьянъ, получившихъ надѣлы, остается затѣмъ въ юго-западномъ краѣ множество крестьянъ вовсе ея неимѣющихъ.

Такъ, въ юго-западномъ краѣ (Волынской и Подольской губерніяхъ) существуетъ особый классъ сельскихъ жителей—*чиншевиковъ*. Эти лица пользуются за извѣстную плату (чиншъ) правомъ на участки земель владѣльческихъ, помѣщичьихъ. Положеніе ихъ было долгое время весьма печально. Помѣщики не стѣснялись мѣнять, по своему произволу, поля чиншевиковъ близкія на дальнія, лучшія на худшія, а иногда совсѣмъ лишать ихъ земли, увеличивая плату.

Число чиншевиковъ въ юго-западномъ краѣ очень значительно. Въ послѣднее время были приняты мѣры къ обезпеченію быта чиншевиковъ и огражденію отъ произвола владѣльцевъ.

Малоземельные и безземельные крестьяне вынуждены бываютъ поступать или на службу къ помѣщику, или арендатору-еврею, или снимать землю у послѣднихъ. Всего печальнѣе участь тѣхъ, которымъ приходится имѣть дѣло съ евреями-арендаторами. Ничего не смысла въ земледѣліи, арендаторы эти заботятся лишь о томъ, чтобъ выжать изъ земли какъ можно болѣе дохода. Если есть въ имѣніи лѣса, они вырубаютъ ихъ до послѣдняго дерева. Объ удобреніи они и не думаютъ, такъ какъ это повело-бы къ лишнимъ расходамъ. Между тѣмъ въ рукахъ этихъ сельскихъ хозяевъ находятся сотни тысячъ десятинъ земли во всѣхъ малороссійскихъ губерніяхъ. Правда, что евреи снимаютъ въ аренду преимущественно помѣщичьи земли, но вредъ ихъ хозяйничанья отражается и на крестьянахъ. Землю для обработки евреи сдаютъ крестьянамъ на условіяхъ, такъ называемой, «скопщины». Подъ скопщиною разумѣютъ отдачу крестьянамъ снятой въ аренду земли небольшими участками—въ 1—2 десятины, но не за денежную плату, а за опредѣленную долю урожая. Доля эта выдается невымолоченнымъ

хлѣбомъ, «копами» (копнами), откуда и произошло названіе «скопщины», т. е. раздача земли «съ копы». Кромѣ того, съемщикъ обязанъ бываетъ нѣкоторыми работами. Съ самаго начала, еще не зная хорошенько придется-ли ему взять землю, скопщикъ уже несетъ подарки («дарунки») еврею-землесдатчику, чтобъ задобрить его въ свою пользу. Взявъ землю, онъ часто тотчасъ-же вноситъ извѣстную сумму денегъ, причемъ обязывается исполнять различныя работы. То онъ пашетъ землю еврею, то работаетъ на гумнѣ, на дворѣ и т. д. «Робишь ему отъ снѣгу до снѣгу», говорятъ крестьяне. При этомъ, конечно, еврей не допускаетъ ни малѣйшихъ послабленій.

Земледѣльческое хозяйство малоруссовъ не можетъ идти правильнымъ образомъ. Поэтому, не смотря на богатую почву огромной части малорусскаго края, земледѣліе находится здѣсь въ очень неудовлетворительномъ состояніи. Крестьяне рассчитываютъ на естественныя почвенныя богатства своего края и обрабатываютъ землю безъ всякаго удобренія. Даже въ такой плодородной губерніи, какъ Полтавская, производительность земли понизилась въ послѣдніе годы весьма значительно, и сами крестьяне начинаютъ на это жаловаться. Лѣтъ 25 назадъ крестьянинъ собиралъ съ земли 70—80 пудовъ хлѣба, а теперь всего половину этого количества.

Но не во всѣхъ мѣстностяхъ занимаемаго малоруссами края почва черноземная. Такъ, въ Черниговскомъ уѣздѣ есть мѣста, гдѣ почва до того неблагоприятная, что и удобреніе не можетъ помочь дѣлу. Въ такихъ мѣстахъ удобреніе потому не приноситъ пользы, что песокъ засыпаетъ собою, вслѣдствіе вѣтра, навозъ. Земледѣліе здѣсь еще отчасти до сихъ поръ держится расчисткой лѣсовъ, и въ нѣкоторыхъ деревняхъ считается за правило, что каждый домохозяинъ хотъ сотню сажень въ годъ раскопаетъ и расчиститъ изъ-подъ лѣса. Такая разработка, обнажая песчаную почву, становится причиною песчаныхъ заносовъ. Такіе песчаные заносы дѣлаютъ безуспѣшными часто всѣ усилія сдѣлать почву производительною. Одинъ дворовый, выкупивъ у помѣщицы надѣлъ, обсадилъ свой участокъ земли вербами и огородилъ плетнемъ, думая защитить его отъ заносовъ съ сосѣдняго песчаного бугра. Но спустя нѣкоторое время плетень его былъ занесенъ пескомъ до верху, и ему пришлось дѣлать новую изгородь. Всѣ усилія хотъ сколько-нибудь удобрить песчаный грунтъ разлетѣлись въ прахъ и даже картофель пересталъ расти на заносахъ.

Еще неблагоприятнѣе почвенныя условія въ малорусскомъ Полѣсѣ. Здѣсь песчаная почва перемежается съ болотистою. Поэтому крестьянскія земли разбросаны на громадныя пространства—иной разъ надѣлы находятся

на пространствахъ 30—50 верстъ. Есть въ Полѣсьи деревни, гдѣ надѣлы такъ раскинуты среди болотъ и лѣсовъ, такъ удалены отъ усадьбъ, что крестьяне не могутъ устроить огородовъ при деревняхъ и должны разводить овощи за болотомъ, на участкахъ, съ которыми сообщеніе устраивается по мосткамъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ крестьяне могутъ обрабатывать разбросанные по болотамъ участки не иначе, какъ отправляясь къ нимъ на лодкахъ. Въ иныхъ селеніяхъ покосы есть только болотные, и уборку сѣна можно производить лишь въ то время, когда болота замерзнутъ. Въ настоящее время стараніями правительства большинство болотъ осушено.

Кромѣ того много ущерба, причиняютъ земледѣлю засухи, градобитія и вредныя животныя.

Засухи зависятъ оттого, что дожди на югѣ выпадаютъ неправильнымъ образомъ. Иной разъ дождя выпадаетъ много, иной—онъ не посѣщаетъ края въ теченіи цѣлыхъ недѣль и даже мѣсяцевъ. Болѣе всего вредятъ посѣвамъ недостатки дождей въ весеннюю пору. По мнѣнію ученыхъ, дожди, бывающіе въ апрѣлѣ и первой половинѣ мая, имѣютъ самое сильное вліяніе на растительность. Это подтверждается и наблюденіями надъ урожаями, которыя дѣлались на югѣ Россіи.

Затѣмъ сильный ущербъ наносятъ хлѣбамъ

градобитія и бури. Выпадающій въ Малорос- сій градъ бываетъ нерѣдко громаднѣхъ раз- мѣровъ. Такъ, въ 1880 г. въ Дубенскомъ уѣз- дѣ, Волынской губерніи, выпалъ градъ величи- ною съ куриное яйцо. Весь хлѣбъ цѣлыми полосами, гдѣ проходилъ градъ, былъ прибитъ къ землѣ. Иной разъ градомъ побиваетъ да- же животныхъ. Напр., въ 1880 году въ Ко- вельскомъ уѣздѣ градомъ убито было 26 штукъ овецъ.

Что касается вредныхъ насѣкомыхъ, то ихъ на югѣ цѣлые миллиарды. Къ нимъ принадле- жать: саранча, кузъка, хлѣбный пилильщикъ, уничтожающіе нерѣдко несмѣтныя количества хлѣба.

Вотъ какъ одинъ путешественникъ описы- ваетъ появленіе саранчи на югѣ Россіи, сви- дѣтелемъ котораго онъ былъ самъ.

«Проѣхавъ немного по степи, мы замѣтили на козлахъ сильное движеніе: Илья (нашъ человекъ) съ ямщикомъ разговаривали о чемъ- то съ большимъ жаромъ; наконецъ, Илья обо- ротился къ намъ и показалъ рукою вдаль. Мой товарищъ выглянулъ изъ окна кареты, но вдругъ откинулся назадъ.

— Саранча!—закричалъ онъ такъ громко, что я вздрогнулъ.

Я, въ свою очередь, также взглянулъ въ окно, но ничего не замѣтилъ, кромѣ длинна- го чернаго облака на краю горизонта.

— Это она и есть,—сказалъ мой путникъ.

— Не можетъ быть,—возразилъ я,—это должно быть дымъ отъ большого пожара.

— Къ несчастію, я совершенно увѣренъ, что говорю,—продолжалъ товарищъ.—Да это еще ничего, а въ иной разъ она тянется на протяженіи 8—10 верстъ. Какъ ты думаешь,—обратился онъ къ Ильѣ,—что значить эта темная полоса передъ нами?

— Саранча,—отвѣчалъ тотъ.

— Саранча,—подтвердилъ и ямщикъ, посвящая на лошадей.

Все еще сомнѣваясь, но съ возбужденнымъ любопытствомъ прислонился я къ спинкѣ кареты и сталъ пристально смотрѣть на темное облако; оно, казалось, стояло на одномъ мѣстѣ, только то тамъ, то здѣсь виднѣлись маленькія летающія облачка, отдѣлившіяся отъ главной массы.

Спустя мгновение, это облако получило видъ страшной грозовой тучи, а еще черезъ нѣсколько минутъ туча превратилась въ колеблющійся занавѣсъ, скрывшій отъ насъ дневной свѣтъ.

— Она была здѣсь, — сказалъ товарищъ, когда мы уже начинали выбираться на свѣтъ.— Кучеръ, стой!

Мы вышли на большое, засѣянное хлѣбомъ поле, которое можно было узнать только по множеству разбросанныхъ незрѣлыхъ колосьевъ. Тысячи скачущей и летающей саранчи поднялись изъ-подъ нашихъ ногъ: солнце кра-

сиво отражалось на ихъ блестящихъ переднихъ крылышкахъ. Все поле, въ нѣсколько десятковъ десятинь, было совершенно опустошено; не было ни одного не тронутаго стебля! Жаль было смотрѣть на это исчезнувшее, еще зеленое хлѣбное поле!.. Намъ захотѣлось имѣть нѣсколько штукъ саранчи, и мы стали ловить ее, что оказалось не совсѣмъ легкимъ и простымъ дѣломъ: она чрезвычайно быстро исчезала изъ-подъ рукъ; что не летало, то скакало по разнымъ направленіямъ. Послѣ долгой утомительной борьбы, у насъ было не болѣе двухъ дюжинъ саранчи. Разсмотрѣвъ внимательно, мы замѣтили, что здѣсь была только ослабѣвшая или больная саранча, а главная масса была уже далеко за нами.

По не совсѣмъ еще уничтоженнымъ посѣвамъ бѣжали женщины и дѣти съ косами, серпами, съ разною домашнею утварью, били объ эти предметы камнями или чѣмъ-нибудь металлическимъ, производя страшный шумъ съ цѣлью прогнать своего злѣйшаго врага; тамъ гдѣ они появлялись, саранча, уже успѣвшая поправиться подъ жгучими лучами солнца, взлетала сотнями тысячъ, подобно густому туману, поднимающемуся съ земли. То тамъ, то тутъ видны были группы мужчинъ съ косами на плечахъ, бѣгушія изо всѣхъ силъ, чтобы предупредить грозящую опасность и поспѣшной жатвой сохранить сколько-нибудь хлѣба. Не смотря на скорую ѣзду почтовыхъ лоша-

дей, насъ часто перегоняли телѣги, наполненныя крестьянами: всѣ спѣшили на помощь другъ къ другу.

Между тѣмъ туча, поднимавшаяся передъ нами, становилась все темнѣе и темнѣе. Въ воздухѣ раздавалось глухое карканье и крики; тысячи хищныхъ птицъ — воронъ, галокъ, ястребовъ—носились надъ полями и съ жадностью бросались на туманъ. Свистъ, чирканье, крики вокругъ насъ возросли до ужасныхъ размѣровъ.

— Это ужасно!—сказалъ я,—теперь мы уже, конечно, въ самой серединѣ саранчи.

— Нѣтъ еще,—былъ мнѣ отвѣтъ.

Я недовѣрчиво улыбнулся. На козлахъ мы снова замѣтили уже знакомое намъ движеніе и съ тѣми же жестами. Воздухъ, между тѣмъ, все сгущался и сильный напоръ пыли въ окна кареты обнаружилъ, что мы приближаемся къ неприятелю. Вдругъ карета быстро покатилась подъ гору, и передъ нами открылся довольно живописный видъ; справа—по подгорью лѣпились въ беспорядкѣ крестьянскія избы, а слѣва извивалась рѣка, обрамленная ивою и тростникомъ.

— Вотъ цѣлые рои саранчи! — вскричалъ Илья.

Въ одно мгновенье мы были охвачены тучею саранчи; лошади наши стали рваться, кусаться, лягаться, поднимались на дыбы.

Въ полномъ смыслѣ, солнце померкло за

миріадами насѣкомыхъ. Массы саранчи были такъ густы, что при ускоренномъ бѣгѣ кареты, вся она не успѣвала подниматься, и мы чувствовали хрусть и трескъ подъ колесами».

Саранча время отъ времени появляющаяся на югѣ Россіи, принадлежитъ къ двумъ родамъ: 1) большая, залетная среднезіатская, называемая также египетскою, и 2) малая, извѣстная на югѣ подъ именемъ *Прусика*. Азіатская саранча превосходитъ прусика величиною въ два раза, и потому несравненно прожорливѣе. Она истребляетъ до корня всѣ растенія, безъ разбора, не смотря на степень ихъ зрѣлости. Исключеніе составляютъ очень немногія растенія, напр., табакъ, ленъ, конопля. Прусики же болѣе разборчивы въ пищѣ. Они предпочитаютъ огородныя растенія, сочныя нѣжныя травы. Они даже могутъ приносить въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользу хозяйству. Одинъ землевладѣлецъ былъ свидѣтелемъ, какъ прусики, вошедшіе на хлѣбныя посѣвы, выходили изъ нихъ, не только не нанеся ни малѣйшаго вреда, а, напротивъ, очистивъ отъ сорныхъ травъ. Противъ азіатской налетной саранчи никакія человѣческія усилія не могутъ бороться. Жители городовъ и сель, надъ которыми она пролетаетъ громадными массами, закрывая иной разъ солнце, производятъ обыкновенно всевозможными способами шумъ, въ надеждѣ отогнать ее отъ своихъ садовъ и нивъ. Но, конечно, этимъ если что-

нибудь и достигается, то развѣ только то, что саранча сгоняется съ одного мѣста на другое.

Такъ какъ налетная саранча совершенно неотразима, то главная забота населенія состоитъ въ томъ, чтобъ уничтожить возможность отрожденія саранчи на будущей годъ. Для этого необходимо прежде всего тщательно опредѣлить мѣстность, гдѣ она опускается для кладки яицъ.

Когда опредѣлится мѣсто, подвергаютъ почву вспашкѣ, боронованію и утаптыванію табунами. Это дѣлается, съ одной стороны, для того, чтобъ вывернуть яички наружу, подвергнуть ихъ вредному вліянію дождя, холода, съ другой стороны, чтобъ разорвать и раздавить ихъ.

Если же саранча отродилась, то ее необходимо подвергнуть истребленію въ первомъ періодѣ развитія, когда она еще очень слаба и не можетъ летать. Въ этомъ случаѣ ее подвергаютъ закапыванію въ канавы, вытаптываютъ табунами, сожигаютъ и употребляютъ тому подобныя мѣры для истребленія. Къ счастью еще, что саранча не можетъ привыкнуть къ нашему климату: ее часто губитъ зима. Среднеазіатская саранча можетъ даже на югѣ Россіи отродиться только при томъ условіи, если зима была мягкая и если гнѣзда были положены въ мѣстахъ возвышенныхъ и сухихъ.

Розовые скворцы производятъ въ рядахъ саранчи изумительныя опустошенія. Они не только уничтожаютъ ихъ для собственнаго пропитанія, но и, такъ сказать, изъ любви къ искус-

ству. Съ какою то яростью они нападаютъ на этихъ враговъ земледѣлія, усѣвая большія пространства разсѣченными пополамъ насѣкомыми. Такія же услуги оказываютъ скворцы—черный и коричневый. Затѣмъ врагами саранчи являются лягушки, ящерицы и даже нѣкоторыя насѣкомыя (какъ, напр., земляная оса). Говорятъ, что истребляютъ саранчу и свиньи *). Прусь истребляется въ громадномъ количествѣ паразитнымъ грибомъ, который, размножаясь между кольцами туловища, на ногахъ и крыльяхъ, причиняетъ насѣкому смерть. Замѣчено, что грибокъ этотъ производитъ болѣе опустошительное дѣйствіе во время дождя, переносащаго грибки отъ околѣвшихъ насѣкомыхъ на здоровыхъ.

На ряду съ саранчею, земледѣлію на югѣ Россіи причиняетъ сильный ущербъ и *хлѣбный жукъ*, носящій различныя народныя названія: «кузьки», «красуна» (въ Полтавской губерніи), «краски» (въ Кіевской). Каковы опустошенія, производимыя этимъ насѣкомымъ, видно изъ того, что въ 1876 году въ Мариупольскомъ у. Екатеринославской губерніи оно уничтожило хлѣба на 3.000,000 рублей, а въ 1878 г. на 5.700,000 р., да въ Павлоградскомъ на 3.000,000. Собственно въ Малорос-

*) Приводятъ разсказъ, что въ Австріи избавились отъ саранчи тѣмъ, что на мѣсто, гдѣ она сидѣла, выгнали 15.000 свиней: онѣ въ одну ночь съѣли ее всю.

сій жукъ, хотя и не наносилъ такого вреда хозяйству, но все таки причиняемые имъ ущербы были значительные. Пищу хлѣбнаго жука составляютъ лишь растенія изъ семейства злаковъ, и притомъ очень немногія. Такъ, изъ хлѣбныхъ злаковъ только пшеница, рожь и ячмень. Случаи употребленія имъ въ пищу овса рѣдки; проса онъ равнымъ образомъ не трогаетъ, такъ-же, какъ и кукурузы, почему нѣкоторые хозяева и рекомендовали разводить ее на югѣ Россіи, вмѣсто пшеницы. Вылупившись изъ личинки, кузка тотчасъ принимается за истребленіе растеній сперва дикорастущихъ, а потомъ и хлѣба. Истребивъ хлѣбъ въ одномъ мѣстѣ, онъ переносится на другое.

Для уничтоженія кузки употребляются различныя мѣры. Такъ стоняютъ его канатомъ или бичевою, протягивая поперегъ поля: двое рабочихъ, придерживающихъ концы каната, идутъ или ѣдутъ на лошадяхъ по окраинамъ поля и спугиваютъ жука. Но при этомъ способѣ жукъ, оставляя одно поле, переходитъ на другое. Слѣдовательно, этотъ способъ одинаковъ со вспугиваніемъ саранчи: благодаря ему, можно избавиться отъ бѣды, сваливъ ее на чужую голову. Употребляется еще сборъ жука руками, ловля особыми (жучколовными) снарядами и пр.

Затѣмъ вредятъ хлѣбамъ *Гессенская муха* и хлѣбный пилильщикъ.

Въ прежнее время сельскому хозяйству въ Малороссіи наносили громадный вредъ суслики, или овражки, изъ породы грызуновъ. Они истребляли милліоны десятинъ хлѣба на югѣ Россіи, повергая безпомощнаго земледѣльца въ неописанное бѣдствіе. При императорахъ Павлѣ и Александрѣ I на сусликовъ высылали въ степи войска. Потомъ стали употреблять другія мѣры (обливаніе кипяткомъ, удушливыя куренія и т. п.), не принесшія, однако, большой пользы. Но со введеніемъ на югѣ земскихъ учрежденій борьба съ этимъ врагомъ стала успѣшнѣе. Установлена была общеобязательная повинность по истребленію сусликовъ, начали употреблять двусѣрнистый углеродъ. Благодаря этому, суслики перестали быть страшными для землевладѣльца.

Это только главные враги, наносящіе вредъ хлѣбамъ. Другія растенія, напр., свекловица, имѣютъ своихъ непріятелей. О нихъ мы скажемъ послѣ.

Въ Малороссіи такъ-же, какъ и въ великорусскомъ краѣ, господствуетъ трехпольное хозяйство. Оно состоитъ въ томъ, что пашня раздѣляется на три части, изъ которыхъ одна часть отдыхаетъ (находится «подъ паромъ»), другая подъ, такъ называемыми, озимыми, а третья—яровыми хлѣбами. Главное требованіе трехпольной системы—чтобы пространство луговой земли и количество скота было достаточно для поддержанія урожаевъ. Но въ чер-

ноземной полосѣ крестьяне не удобряютъ землѣ, рассчитывая на ея естественныя производительныя силы, а такъ какъ почва, какъ бы она ни была богата, безъ удобренія мало-по-малу должна истощиться, то и въ Малороссіи начинаютъ уже обнаруживаться невыгодныя послѣдствія оставленія земли безъ удобренія. Затѣмъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ юга Россіи, населенныхъ малоруссами, употребляется еще такъ называемое, переложное хозяйство. Оно заключается въ томъ, что свѣжую степную землю нѣсколько лѣтъ засѣиваютъ подъ-рядъ, а затѣмъ по истощеніи участка запускаютъ его въ залежь (перелогъ). Когда запущенный участокъ отлежится, отдохнетъ, когда производительныя силы земли возстановятся, его опять обращаютъ въ пашню. Этотъ способъ неудобень тѣмъ, что требуетъ обширнаго количества земли. Время, въ теченіе котораго земля для возстановленія плодородія должна находиться на залежи, продолжается отъ 12 до 15 лѣтъ. Поэтому, если крестьянинъ засѣваетъ ежегодно по 6 десятинъ земли, то ему будетъ необходимо имѣть земли до 90 десятинъ. Если допустить, что у крестьянина находится въ распоряженіи такое громадное количество земли, то здѣсь встрѣтится неудобство въ томъ, что крестьянинъ будетъ имѣть пашни въ нѣкоторые годы очень далеко отъ своего жилья (усадыбы). Въ виду этого, для болѣе скорого возстановленія плодородія почвы, обращаютъ

оставленные въ перелогъ земли на пастбище скота, который, пасясь въ теченіи болѣе или мѣнѣе продолжительнаго времени на отдыхающемъ участкѣ, удобряетъ его своимъ навозомъ. Переложновыгонная система, впрочемъ, существуетъ въ немногихъ мѣстахъ южной Россіи, а именно она уцѣлѣла въ степной полосѣ, гдѣ земли еще много, напр., въ губерніяхъ Херсонской и Екатеринославской.

Посмотримъ теперь, какія земледѣльческія орудія употребляются въ Малороссіи.

У великоруссовъ для вспашки земли употребляется соха, у малоруссовъ же для этой цѣли служить *плугъ*. Употребленіе этихъ орудій для обработки земли зависитъ отъ различія физико-географическихъ условій, въ которыхъ живутъ эти двѣ народности русскаго племени. Изобиліе камней и валуновъ во многихъ мѣстностяхъ Великороссіи, обиліе пней тамъ, гдѣ почва поступила въ обработку изъ-подъ лѣсовъ требовали употребленія легкаго, подвижнаго орудія, какимъ и служитъ соха. Притомъ въ Великорусскомъ краѣ климатъ болѣе влажный, почему нѣтъ необходимости въ глубокой вспашкѣ. Совсѣмъ иныя условія мы видимъ въ южно-русскомъ краѣ. Здѣсь нѣтъ ни камней, ни валуновъ, здѣсь климатъ болѣе сухой. Вотъ почему въ Малороссіи для обработки земли употребляется тяжелый, неповоротливый плугъ. На границѣ съ великорусскимъ краемъ плугъ служитъ на ряду съ сохою. Такъ, въ сѣверной

части Харьковской губерніи для паханія употребляется соха, но въ южныхъ уѣздахъ (Ахтырскомъ, Зміевскомъ, Изюмскомъ) этой губерніи плугъ уже вытѣсняетъ собою соху, дѣлаясь исключительно употребительнымъ орудіемъ для воздѣлыванія земли.

Для разрыхленія почвы послѣ вспашки плугомъ малоруссы употребляютъ «рало», напоминающее собою великорусскую соху.

За вспашкою и разрыхленіемъ поля оно боронится—съ цѣлю разбивки комьевъ и уравненія поля. Для этого служитъ *борона*. Въ Малороссіи бороны состоятъ изъ пяти четырехугольныхъ брусьевъ («валки»), прикрѣпляемыхъ къ двумъ перекладинамъ (глицы). Въ каждомъ изъ валковъ дѣлается по пяти отверстій, куда вставляются деревянные зубья. Такая борона очень легка, а потому въ засуху, когда земля особенно твердѣетъ, на нее кладутъ какую-нибудь тяжесть, напр., бревно, чтобъ удобнѣе разбивать засохшія глыбы.

Телеги, употребляемыя въ Малороссіи, бываютъ двухъ родовъ: запрягаемыя волами и лошадьми («волови» и «киньски»). Воловьи телеги, въ свою очередь, подраздѣляются на «прости и чумацкі», а конскія—на «дышлеви и съ оглобямі». Наиболѣе распространенный типъ—простыя воловьи телеги, служащія для перевозки сноповъ, хлѣба, соломы, сѣна, дровъ и т. п. предметовъ.

«Чумацки возы» имѣютъ то отличіе отъ

простыхъ, что дѣлаются гораздо прочнѣе, такъ какъ чумакамъ приходится нерѣдко совершать очень длинныя путины, почему прочность воза является необходимымъ условіемъ. Притомъ возы эти нерѣдко украшаются рѣзьбою («мережки») и обшиваются со всѣхъ сторонъ лубомъ. Необходимую принадлежность чумацкихъ воевъ составляютъ «важныця» и «мазныця». «Важныця» — деревянная подставка для смазки осей, когда возъ нагруженъ. «Мазныця» же — выдолбленный, деревянный кузовъ для дегтя.

Конскіе возы, дышловые или съ оглоблями, отличаются большею легкостью, не имѣя особенностей въ устройствѣ. Упряжь измѣняется, смотря потому, запрягаютъ ли воловъ, или лошадей. Для упряжи воловъ служить ярмо. Оно дѣлается такимъ образомъ, чтобы его можно прицѣплять и къ плугу, и къ боронѣ, и къ возу.

Весна въ Малороссіи, какъ мы уже говорили, наступаетъ въ исходѣ февраля и въ первой половинѣ марта. Такъ какъ таяніе снѣговъ идетъ быстро, то къ Благовѣщенію почва очищается, и къ этому празднику нерѣдко начинаются уже посѣвы. Свои земледѣльческія работы малоруссы заканчиваютъ къ ноябрю. Такимъ образомъ, земледѣльческія занятія продолжаются около 8-ми мѣсяцевъ — значительно болѣе, чѣмъ въ среднихъ великорусскихъ губерніяхъ. Работы производятся въ большинствѣ случаевъ нѣсколькими хозяевами вмѣстѣ.

Почва въ Малороссіи преимущественно черноземная, требующая глубокой вспашки. Поэтому подъемъ и вспашка земли представляли и представляютъ для южнорусскаго землевладѣльца существенную и затруднительную задачу его труда. Малорусская «оранка», т. е. вспашка при помощи тяжелаго плуга, влекомаго нѣсколькими парами воловъ, давно служила предметомъ удивленія и зубоскальства многихъ. Такъ какъ лишь у весьма меньшаго числа хозяевъ найдется необходимое количество рабочаго скота для вспашки, то въ Малороссіи установился обычай соединяться нѣсколькимъ хозяевамъ для обработки земли. При этомъ одинъ даетъ плугъ, другой—своего вола, третій—своего и т. д. Точно также на всѣхъ участниковъ распредѣляются и самыя работы. Соединять свои орудія, скоть и рабочія силы для обработки земли называется въ Малороссіи «супрягаться». Главный работникъ, который долженъ умѣть слаживать плугъ, ходить за нимъ, опредѣлять самую глубину вспашки, носить имя «плуганаря». Прочіе называются погонщиками, и всѣ ихъ обязанности сводятся къ понуканію съ помощью «батога» воловъ, умѣнью впречь и выпречь ихъ и направлять при вспашкѣ по одной линіи.

Послѣ вспашки и посѣва малоруссу прежде всего приходится приступать къ уборкѣ сѣна, что бываетъ около половины іюня. Время «кововицы» чуть-ли не самое трудное, но вмѣстѣ

съ тѣмъ и праздничная пора. Каждый, у кого есть значительные луга, старается заблаговременно запастись косцами. При этомъ необходимое условіе—хорошіе харчи. Въ скоромные дни—мясо, а въ постные рыба—непремѣнная принадлежность стола для косцовъ. И это вполне понятно. Косьба—работа трудная: для того, чтобъ промахать косою отъ зари до зари, съ небольшими роздыхами, необходимо большое напряженіе физическихъ силъ, которыя могутъ быть поддержаны только хорошимъ питаніемъ. Не смотря на свою тяжесть, косовицы имѣютъ свою веселую, поэтическую сторону. Онѣ исполняются по большей части «косарскими кругами» (артелями). Во главѣ ихъ стоитъ «отаманъ»—это лучший косарь, «ведущій передъ» во время работы. Собравшись въ степи, косари дѣлаютъ «куринъ» (шалашъ). Тутъ же вблизи выкапывается «паланка» (печь), для приготовленія пищи, и ставится шесть для поданія косцамъ сигнала о времени прихода къ куреню. Во время работъ между косцами устраиваются состязанія. Такъ, въ Пирятинскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, если нѣсколько партій косарей работаютъ вмѣстѣ, то изъ каждой партіи выбирается по лучшему косарю (отаману). Тотъ, кто успѣетъ въ назначенный срокъ выкосить большее количество сѣна, считается «первымъ отаманомъ», и получаетъ награду, выдаваемую проигравшими отаманами и ихъ партіями.

Тяжелое время работъ смѣняется развлече-

ніями—пѣніемъ пѣсень, музыкой. Есть цѣлый отдѣлъ пѣсень специально *косарскихъ*.

Не успѣетъ кончиться косовица, какъ наступаетъ пора жнивы (жатвы). Жатва требуетъ особой поспѣшности и прилежанія, такъ какъ хлѣбъ созрѣваетъ быстро одинъ за другимъ. Поэтому въ горячее время жнивы по деревнямъ и селамъ остаются лишь дряхлые старики да малые ребята. Грудныхъ ребятъ матери берутъ съ собою въ поле, устраивая имъ изъ сноповъ прикрытіе отъ солнца. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хлѣбъ не жнутъ, а косятъ. Достаточные хозяева, убирая свое поле, приглашаютъ еще стороннихъ жнецовъ.

Послѣ жатвы наступаетъ «возовиця»—свозъ хлѣба съ полей. Возовиця отнимаетъ очень часто много времени, потому что поля въ иныхъ мѣстахъ находятся далеко отъ селеній. Хлѣбъ свозится въ клуню (ригу), или на простой «токъ», гдѣ и молотится.

Для уборки хлѣба въ Малороссіи нерѣдко собираются «толоки». Толока—это тоже, что въ Великороссіи «помочи»: совокупная работа односельчанъ на одного домохозяина. Толока устраивается въ томъ случаѣ, когда нужно покончить поскорѣе уборку хлѣба или иную работу въ такомъ же родѣ. Участники толоки производятъ ее по большей части при помощи своихъ же собственныхъ рабочихъ средствъ. Косы, вилы, грабли, лопаты, плуги и пр. и пр.— все это принадлежитъ лицамъ, составляющимъ

толоку. Бываетъ и такъ, что одинъ даетъ возъ, другой воловъ, третій идетъ самъ на работу и т. д. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ толока ограничивается лишь однимъ днемъ, и рѣдко продолжается въ теченіи двухъ. При этомъ не обращается вниманія на то— праздничный-ли этотъ день, или нѣтъ. У малороссовъ даже существуютъ опредѣленные дни, въ которые и производится обыкновенно работа толокою. Таковы, напр. «Теплаго Олексі» (Алексія челоуѣка Божія, 17 марта), «Русалкинъ-великъ-день», (иначе Сухій четвергъ на Троицкой недѣлѣ), «Илія», «Паликопъ» (св. муч. Пантелеймонъ, 27 іюля)*), Семень и т. п. Работать въ такіе дни на себя или на другихъ, но за деньги признается грѣхомъ, оказывать же помощь работою безмездно не считается таковымъ. Единственное вознагражденіе, которое получаютъ толочане, состоитъ въ угощеніи. По установившемся обычаю, требуется, чтобъ для работающихъ толокою были заготовлены выпивка и разныя яства. Водка въ этомъ случаѣ играетъ главную роль. Яства, составляющія въ крестьянскомъ быту предметы лакомства, также считаются необходимою принадлежностью толоки. Борщъ со сметаной, баририна, разные пироги, «паляниці», «пам-

*) Названіе „Паликопа“ этому святому потому и усвоено, что онъ „палитъ“ молніей хлѣбъ, если въ день его памяти жнуть и брать снопы въ клуню.

пушки», «корхи» — необходимая принадлежность стола во время толоки. Угощаются все безъ различія, отъ мала до велика.

Убранный съ поля и вымолоченный хлѣбъ превращается въ муку или на вѣтрянныхъ мельницахъ («вѣтрякъ»), или на водяныхъ («водяной млинъ»). Вѣтрянокъ въ Малороссіи очень много. Ихъ растопыренныя крылья мозолятъ глаза проѣзжему по Малороссіи. Водяныя мельницы встрѣчаются гораздо рѣже, составляя принадлежность достаточныхъ хозяйствъ.

2. Разведеніе свенловицы и табака.—Садоводство.—Скотоводство.—Пчеловодство.

Кромѣ хлѣбопашества, въ Малороссіи, преимущественно въ югозападной ея части, сильно распространена свеклосахарная промышленность. Развилась она подъ вліяніемъ устройства свеклосахарныхъ заводовъ. До 1834 г. въ Малороссіи не существовало еще послѣднихъ. Первая попытка устройства завода была сдѣлана графомъ Потоцкимъ, но она не увѣнчалась успѣхомъ. Болѣе удовлетворительные результаты получились, когда за дѣло взялся графъ Бобринскій, основавшій сахарный заводъ въ м. Смѣла (Кіевской губ.) въ 1840 г. Съ того времени свеклосахарное производство стало быстро развиваться въ краѣ. Теперь по числу

заводовъ южнорусскія губернія занимають первое мѣсто въ Россіи *) Съ распространеніемъ заводовъ явилась необходимость увеличенія посѣвовъ свекловицы. Въ 1846 г. свекловицею засѣвалось въ Кіевской губ. всего 10,745 дес. земли, а въ 1878 г. подъ свекловичными посѣвами находилось уже 70,000 дес. Но къ этому нужно прибавить свекловичныя поля въ другихъ губерніяхъ малорусскаго края.

Обработка земли подъ свекловицу и уходъ за нею требуютъ много работъ и хорошихъ земледѣльческихъ орудій. Пашутъ землю подъ свекловицу нѣсколько разъ. Первый разъ вспашку производятъ въ маѣ мѣсяцѣ, второй—въ іюнь, третій—въ августѣ. Посѣвъ производится на другой годъ, въ мартѣ и апрѣлѣ. Когда бураки посѣяны, наступаетъ для хозяина самое хлопотливое время. Приходится проводить на плантаціи канавки, дѣлать обсыпку, полоть... Къ этому присоединяются еще заботы, чтобъ свекловица не пострадала отъ вредныхъ насѣкомыхъ. Враговъ въ царствѣ насѣкомыхъ у свекловицы очень много. 7 видовъ насѣкомыхъ нападаютъ специально на корни свекловицы, а 17 повреждаютъ листья. Особенный вредъ при-

*) Въ 1881—82 г. свеклосахарныхъ заводовъ въ Кіевской губерніи дѣйствовало 65, въ Подольской 50, Харьковской 22, Волынской 11, Черниговской 13 и только въ Полтавской 2. Всего, значить, въ Малороссіи находится 163 завода, тогда какъ на всѣ остальные губерніи Европейской Россіи приходится 32. По этому уже можно судить о развитіи въ Малорусскомъ краѣ свеклосахарной промышленности.

чиняеть посѣвамъ *свекловичный жукъ*, или *долгоносикъ*. Какъ великъ вредъ, наносимый этимъ насѣкомымъ, отчасти можно судить потому, что основатель свеклосахарныхъ заводовъ въ Россіи, гр. Алексѣй Бобринскій, назначилъ за пріисканіе средства борьбы съ нимъ награду въ 10,000 рублей.

Кромѣ разведенія свекловицы, въ Малороссіи сильно распространено *табаководство*. Число находящихся здѣсь плантацій и количество собираемаго табака далеко превосходитъ численность плантацій и размѣры табачнаго производства въ другихъ мѣстахъ Россіи. Разведеніемъ табака занимаются въ Малороссіи какъ помѣщики, такъ и крестьяне. Послѣдніе часто арендуютъ землю у первыхъ. Табаководствомъ промышляютъ даже женщины. Въ Нѣжинѣ существуютъ особыя артели табачницъ, которыя снимаютъ земли для разведенія табака. Артели эти составляются позднею осенью или въ началѣ зимы. Двѣ-три женщины изъ жительницъ Нѣжина и его окрестностей, условясь между собою относительно совмѣстной работы, отправляются, по принятому выраженію, «искать огородовъ». Найдя подходящий огородъ, табачницы заключаютъ съ его хозяиномъ письменное условіе, и затѣмъ набираютъ самую артель. Если снятый огородъ значительныхъ размѣровъ, напр., больше 10 десятинъ, то составляется 2—3 артели, каждая въ 6—9 человекъ. Табакъ, собранный на огородахъ, дѣлится по-по-

ламъ между ихъ хозяевами и самими табачниками.

Сорта разводимаго въ Малороссіи табака, по способу обработки раздѣляются на два рода. Къ первому принадлежитъ табакъ извѣстный подъ названіями *бакуна*, *тютюна*, *папушинаго* или *шнуроваго*; ко второму—*махорка* и *рубанка*. Существенное различіе между этими родами состоитъ въ томъ, что при обработкѣ табака перваго рода табачныя листья отламываются отъ кустовъ и вяжутся на шнурахъ, между тѣмъ какъ при обработкѣ втораго—срѣзаются всѣ кусты—подъ самый корень. Такое различіе въ способѣ уборки табака обнаруживаетъ вліяніе и на его крѣпость. Махорка и рубанка крѣпостью далеко превосходятъ шнуровой, потому что когда табакъ срѣзывается кустами, листья, во время лежанія, вбираютъ въ себя сокъ изъ стебля. Затѣмъ оба рода табака отличаются другъ отъ друга еще тѣмъ, что запахъ рубанки сильнѣе шнуроваго, листья ея имѣютъ зеленобуроватый цвѣтъ, листья же шнуроваго—желтѣе.

Табакъ требуетъ сильнаго удобренія почвы (до 2,400 возовъ на десятину). Такъ какъ такого количества удобренія достать зачастую, при недостаткѣ скота, невозможно, то многіе хозяева, преимущественно помѣщики, обратились къ очень простому способу готовить землю для табачныхъ посѣвовъ. Если у нихъ есть въ имѣніи прудъ или озеро, они спуска-

ютъ изъ него воду, осушаютъ дно и, такимъ образомъ, получается значительное пространство земли съ естественнымъ удобреніемъ изъ рѣчныхъ водорослей. Этотъ простой способъ превращенія прудовъ въ поля соединяется, однако, съ большимъ вредомъ для окружающаго населенія. Дѣло въ томъ, что съ осушкою прудовъ послѣднее лишается воды, необходимой для собственнаго потребленія и для водопоя скоту.

Уходъ за табакомъ довольно сложенъ. Прежде всего, для предохраненія табачныхъ всходовъ отъ вліянія морозовъ, которые нерѣдко въ весною, дѣлается разсада въ парникахъ, со стеклянными рамами, нѣсколько наклоненными къ югу. Эту предосторожность соблюдаютъ, впрочемъ, лучшіе хозяева; большинство же, особенно въ случаѣ поздняго посѣва, ограничивается простыми грядами. Сдѣлавъ разсаду, табакъ поливаютъ, смотря по погодѣ, ежедневно, или дня черезъ два, пропалываютъ сорныя травы. Когда разсада поднимется отъ земли вершка на полтора и погода установится, табакъ пересаживается на плантаціи. При этомъ количество кустовъ бываетъ различно—отъ 15,000 до 60,000 на десятину. Махорка и рубанка садятся рѣже, бакунъ чаще.

Уходъ за табакомъ по пересадкѣ на плантаціи состоитъ въ поливаніи, пропалываніи и подбивкѣ табачныхъ кустовъ, отламываніи верхушекъ и пасынкованіи. *Поливка* дѣлается впро-

долженіи 2—2 $\frac{1}{2}$ недѣль, или до тѣхъ поръ, пока расада не примется, по два раза въ день, утромъ и вечеромъ, кромѣ дней дождливыхъ. Иные хозяева поливають и рѣже, принимая въ соображеніе состояніе погоды, разстояніе плантаціи отъ рѣки или колодца. Полотье, или подбивка, для истребленія сорныхъ травъ начинается обыкновенно чрезъ 2—2 $\frac{1}{2}$ недѣли послѣ пересадки. Наконецъ, когда табакъ уже начинаетъ пускать отъ себя цвѣточныя почки, верхушки кустовъ, кромѣ тѣхъ, которые оставляются на сѣмена, сламываются; точно также обламываются боковые отростки («пасынки»). Дѣлается это съ тою цѣлю, чтобы обратить растительные соки въ листья, которые приобрѣтаютъ чрезъ это крѣпость.

Табакъ—растеніе очень прихотливое и чувствительное къ атмосфернымъ вліяніямъ. Такъ, на него вредно дѣйствуютъ и излишніе жары, и излишніе холода; неблагоприятное вліяніе оказываетъ равнымъ образомъ лѣто сухое, такъ же, какъ и лѣто мокрое. Между причинами, невыгодно дѣйствующими на табакъ, не последнее мѣсто занимаютъ бури, градъ и разныя насѣкомыя (напр., земляные черви, поѣдающіе корень). Поэтому, не смотря на одинаковость ухода, результаты урожая бывають различны.

Созрѣваетъ табакъ мѣсяца черезъ три послѣ посадки, именно въ концѣ іюля и въ началѣ августа, иногда же въ серединѣ этого мѣ-

сяца. Уборка табака, какъ замѣчено выше, дѣлается двоякимъ образомъ: или посредствомъ отламыванія листьевъ, или посредствомъ срѣзыванія цѣлыхъ кустовъ подъ корень.

Собранный табакъ сушится и укладывается въ папушу или кипы. Послѣ этого онъ можетъ уже поступить въ продажу. Каждый изъ двухъ указанныхъ родовъ табака имѣетъ свои мѣста сбыта. Такъ, шнуровой табакъ идетъ преимущественно въ Западный и Прибалтійскій края, а также Привислянскія губерніи, рубанка же и махорка сбываются въ Велико-россію, Новороссію, Сибирь и Кавказъ.

Изъ другихъ земледѣльческихъ отраслей сельскаго хозяйства Малороссіи заслуживаетъ вниманія *садоводство*. Почти каждый малоруссъ имѣетъ вишневый садикъ, и въ лѣтнее время питается вишнями вмѣстѣ съ хлѣбомъ за завтракомъ. Многіе крестьяне выращиваютъ для собственнаго обихода сливы. Что касается садоводства съ промышленными цѣлями, ради торговли, то нельзя сказать, чтобъ развитіе его соотвѣтствовало мѣстнымъ условіямъ, которыя для этого очень благопріятны. Прежде оно у крестьянъ находилось въ болѣе удовлетворительномъ состояніи, чѣмъ нынѣ. Такъ, въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ оно приходитъ все въ болѣе и болѣе упадокъ. Въ первой изъ этихъ губерній только разведеніе сливъ доставляетъ еще нѣкоторый доходъ. Особенно славятся сливы лубенскія («угорки»),

отличающіяся сочностью и величиною и служащія для приготовленія чернослива и наливокъ. Значительное развитіе садоводства послужило къ распространенію приготовленія сахарныхъ, вареныхъ и сухихъ плодовъ, чѣмъ промышленяетъ г. Лубны. Въ Черниговской губерніи, если садоводствомъ и промышленяютъ, то лишь помѣщики, у крестьянъ же оно вытѣсняется разведеніемъ свекловицы и табака.

Много садовъ въ западной части Волынской и Подольской губерній, но эти сады по большей части сдаются за безцѣнокъ въ аренду евреямъ, которые и извлекаютъ изъ нихъ всю пользу.

Особую отрасль земледѣльческаго хозяйства въ Малороссіи составляетъ разведеніе бахчей и баштановъ, на которыхъ произрастаютъ «дини и кавуны» (дыни и арбузы). Но этимъ дѣломъ занимаются не мѣстные крестьяне, а великоруссы-баштанники, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ Уманскомъ уѣздѣ Кіевской губ. и вообще въ степной полосѣ, разводятъ ихъ и малоруссы.

Разведеніе крупнаго рогатаго скота въ Малороссіи, хотя и должно бы имѣть огромное значеніе въ народномъ хозяйствѣ, находится въ неудовлетворительномъ положеніи. Было время, когда въ Малороссіи существовало особое товарищество для торговли скотомъ съ Саксоніею, но оно давно миновало.

Упадку скотоводства способствовало распро-

страненіе скотскихъ падежейъ отъ разныхъ болѣзней, главнымъ образомъ, отъ чумы.

Въ старину чума, по словамъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ Малороссією, была неизвѣстна. Скотъ предохраняла отъ заболѣванія соль-ледянка (каменная). Соль эту давали скоту лизать, и она способствовала охраненію его здоровья. При дешевизнѣ въ старину ледянки, она могла быть употребляема во всемъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Когда введенъ былъ на соль налогъ (акцизъ), она вздорожала, сдѣлалась недоступною для крестьянъ и скотъ сталъ подвергаться болѣзнямъ. Другимъ предохранительнымъ средствомъ отъ болѣзней скота служили барда—остатки, гуща отъ перегонки хлѣбнаго вина. Прежде въ Малороссіи было множество мелкихъ винокуренныхъ заводовъ, и бардою съ этихъ заводовъ питалась масса скота. Заводы эти съ теченіемъ времени позакрывались, и скотъ лишился полезнаго для питанія матерьяла. Повліяло въ упадокъ скотоводства и увеличеніе пространства пашень; для пастьбы скота стало меньше луговъ.

Рогатый скотъ Малороссіи принадлежитъ къ двумъ главнымъ породамъ, рѣзко отличающимся другъ отъ друга. Одна порода *черкасская*, называемая въ Малороссіи *венгерскою*, другая *украинская* или *валахская*.

Черкаскій скотъ огромнаго роста, на высокихъ ногахъ; голова продолговатая, туловище короткое, рога большіе, тонкіе, шея короткая,

спина неровная, подгрудокъ (воло) длинный, задъ остроконечный, шерсть сѣрой масти. Быкъ или волъ черкасской породы, если смотрѣть на него спереди, представляетъ собою красивое животное, а съ боку или сзади фигура его, по несоразмѣрности частей, очень нескладна. По своему тѣлосложенію, черкасская порода неспособна къ перенесенію тяжелой и продолжительной работы; даетъ мало молока, но хороша для мяса. Такъ какъ скотъ этой породы требуетъ обильнаго и лучшаго корма, то въ Малороссіи его держать мало. Онъ встрѣчается болѣе въ Херсонской и Екатеринославской губ.

Украинская порода имѣетъ туловище длинное, широкое, круглое; ноги мускулистыя, средней величины; голову широкую, небольшую; рога кольцомъ съ загнутыми вверхъ концами; шею короткую, подгрудокъ небольшой, спину прямую, крестецъ широкій, кожу толстую, шерсть темно или свѣтло-сѣрую.

По своей рабочей способности, выносливости, терпѣливости украинская порода не имѣетъ себѣ соперниковъ во всякомъ другомъ рабочемъ скотѣ. Всякому, кто не только видѣлъ, но хотя слышалъ, какіе труды переносятъ волы при обработкѣ задеревенѣлой, переплетенной корнями пырея южнорусской степи, при перевозкѣ на цѣлыя тысячи верстъ мозолистую, окровавленную подъ ярмомъ шею, тяжести—такое мнѣніе не покажется невѣроят-

нымъ. Цѣлые вѣка эти покорныя и терпѣливыя животныя возили на своей холкѣ изъ плодородныхъ степей Россіи къ портамъ азовскимъ и черноморскимъ хлѣбъ и другіе продукты отечественнаго хозяйства и привозили на обратномъ пути грузы заграничныхъ товаровъ. Надъ опаленною жаромъ пустынею стоитъ знойное солнце, скрипятъ немазанная лѣнливимъ чумакомъ колеса подъ тяжелою кладью воза, горячая пыль носится въ воздухѣ и набивается въ ротъ и ноздри мѣрно идущимъ воламъ; ихъ жалятъ слѣпни, отъ которыхъ трудно обороняться заярменнымъ животнымъ; на стоянкахъ они щиплютъ чуть замѣтную отъ земли, выбитую и покрытую пылью траву; они пьютъ воду изъ смрадной придорожной лужи, или даже и вовсе по цѣлымъ днямъ не пьютъ, если жаркое солнце и жаркое лѣто высушило всю воду.

Болѣе удовлетворительнѣе и успѣшнѣе ведется въ Малороссіи *овцеводство*. Ни одно животное не можетъ принести въ хозяйствѣ столько пользы, какъ овца. Отъ овцы получаютъ шерсть, изъ которой выдѣлываются ткани (сукна, матеріи для плахтъ, поясовъ и т. д.) и кожи для шубъ (кожуховъ). Затѣмъ въ мелкихъ хозяйствахъ овецъ доятъ, начиная съ весны и кончая 1 октября. Молоко болѣею частію идетъ непосредственно въ пищу, и только въ нѣкоторыхъ большихъ хозяйствахъ перерабатывается въ масло и сыръ. До

распространенія въ качествѣ освѣтительнаго матеріала керосина, а въ иныхъ мѣстахъ еще и теперь, овечій жиръ служить у крестьянъ однимъ изъ главныхъ матеріаловъ для освѣщенія. Наконецъ, овечій пометъ употребляется на топливо, такъ какъ дрова на югѣ недоступны для отопленія. При такой пользѣ, доставляемой овцою, содержаніе ея выгоднѣе, чѣмъ всякаго другого скота. Прокормъ ея и лѣтомъ и зимою обходится дешевле другихъ домашнихъ животныхъ. Овца можетъ довольствоваться такими бѣдными пастбищами, которыя по росту травы не могутъ дать достаточно пищи крупному скоту *); пищею ей можетъ служить большое число растений **) и, наконецъ, она болѣе продолжительное время можетъ находиться на подножномъ корму. Въ зимнее же время содержаніе ея также удобнѣе, такъ какъ она довольствуется соломою.

Въ Малороссіи существуютъ овцы двухъ породъ — тонкорунныя или мериносовыя и простыя.

Простыхъ овецъ въ краѣ гораздо больше, чѣмъ тонкорунныхъ. Это совершенно естественно. Разведеніемъ тонкорунныхъ овецъ занимаются крупныя помѣщичьи хозяйства, простыхъ же — крестьянскія, а такъ какъ крестьян-

*) Она скусываетъ траву ниже, почти у самаго корня.

**) Такъ, овца ѣсть 387 родовъ растений, рогатый скотъ 276, а лошадь всего 262.

скихъ хозяйствъ несравненно болѣе, то на ихъ сторонѣ и долженъ быть численный перевѣсъ въ количествѣ овецъ. Впрочемъ, число овецъ далеко не одинаково у хозяевъ, принадлежащихъ къ разнымъ классамъ сельскаго населенія. Мы уже видѣли, что сельское населеніе малорусскаго края слагается изъ крестьянъ собственно и, такъ называемыхъ, казаковъ, между которыми встрѣчается больше зажиточныхъ. Крестьяне рѣдко живутъ по хуторамъ, сосредоточиваясь главнымъ образомъ въ селлахъ. Казаки же обитаютъ и въ селлахъ, и въ хуторахъ. У послѣднихъ-то преимущественно и развито овцеводство. Хуторовъ безъ овцеводства не попадается.

Простая порода овецъ, разводимая въ Малороссіи, не вездѣ отличается одинаковыми качествами. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ простая порода, благодаря лучшему содержанию и уходу, усовершенствовалась. Таковы овцы—рѣшетилловская *) и сивая или сокольская въ Полтавской губерніи. Рѣшетилловская овца получила извѣстность не только въ Россіи, но и за-границею. Отличительная особенность этой овцы заключается въ томъ, что ягнята ея имѣютъ смушекъ **) съ черными, блестящими, глянцевыми, нелиняющими на солнцѣ

*) Отъ мѣстечка Рѣшетилловки Полтавскаго уѣзда.

**) Смущекъ или смущка (отъ слова сымать) тоже, что мерлушка, т. е. овчянка съ молодой овцы, ягнячья овчинка.

и дождѣ мелкими завитками шерсти. У сивой или сокольской овцы (отъ мѣстечка Соколка, Кобелякского уѣзда Полтавской губ.) смушекъ свѣтлопепельнаго цвѣта, съ такими же мелкими завитками, какъ у овцы рѣшетилловской.

Въ зимнее время овцы въ Малороссіи содержатся въ такъ называемыхъ «кошарахъ», состоящихъ изъ двухъ отдѣленій—«поватки» и «даванки». Какъ та, такъ и другая обносятся лозовымъ плетнемъ, причемъ первая бываетъ крытая. Въ крытой поваткѣ овцы содержатся ночью или во время непогоды, днемъ же, при обыкновенной погодѣ, онѣ находятся въ даванкѣ, гдѣ имъ дается кормъ. Кормомъ въ зимнее время служатъ сѣно и солома. Иногда въ весеннее время, при недостаткѣ сѣна и соломы, имъ даютъ молодые побѣги вербы, лозы, предварительно вымоченные.

Какъ только наступитъ пора выгона овецъ на пастбище, онѣ начинаютъ питаться подножнымъ кормомъ. Лѣтнее кормленіе овецъ на пастбищахъ требуетъ большой сноровки и навыка отъ пастуховъ. Замѣчено, что сильный солнечный свѣтъ слѣпитъ овцамъ глаза: она не видитъ даже корма, дѣлаетъ вслѣдствіе этого много бесполезныхъ движеній, и потому сильно вытаптываетъ пастбище. Опытные пастухи всегда направляютъ овецъ по пастбищу задомъ къ солнцу. Пастухи, занимающіеся специально пастъбою овецъ, носятъ въ Малороссіи названіе *чабановъ*. Между ними

есть какъ мѣстные уроженцы, такъ и пришельцы изъ великорусскихъ губерній. Лучшими считаются выходцы изъ корочанскаго у. Курской губерніи. Такъ какъ чабанамъ приходится удаляться со стадами далеко отъ жилищъ, то они переѣзжаютъ на телѣгахъ, въ которыхъ помѣщаются необходимый скарбъ и пища: войлоки, кизякъ (топливо), котель для кушанья, ложки, ржаной хлѣбъ, пшено, кукурузная мука, соль и пр. На стадо (отару), которое имѣетъ 1,600—2,000 головъ, полагается нѣсколько чабановъ. Одинъ изъ нихъ играетъ роль отамана (личманъ), другой кашевара или повара, а прочіе—простые пастухи. Если нѣсколько отаръ входитъ въ составъ одного большого стада, то всѣ личманы подчиняются главному овчару (шафмейстеру). Необходимою помощницею чабановъ служитъ овчарка—огромная, мохнатая собака. Овчарки приучены защищать стадо отъ звѣрей (волковъ), не подпускать къ стаду незнакомыхъ людей и подгонять къ нему отдѣлившихся овецъ. Отъ самаго чабана требуется смѣлость и рѣшительность и знаніе особенностей степной природы. Въ степяхъ нерѣдкое явленіе бури, случаются и пожары. Особенную опасность представляютъ послѣдніе. Огонь въ степи, при вѣтрѣ, распространяется съ такою быстротою, что можетъ погубить все стадо. Замѣтивъ въ степи огонь, чабанъ, не теряя времени, зажигаетъ другое пространство по

вѣтру. Когда же на выжженномъ такимъ образомъ пространствѣ огонь исчезнетъ, онъ перегоняетъ туда стадо.

Отдѣльно отъ здоровыхъ овецъ содержатся отары больные. Отдѣленіе заболѣвшихъ производится очень часто—если не каждый день, то черезъ день. Для этого овецъ прогоняютъ чрезъ узкій проходъ, составленный изъ двухъ переносныхъ изгородей. У конца этого прохода находится человѣкъ, который ловитъ всѣхъ подозрительнаго вида животныхъ и отдѣляетъ ихъ. Особенно часто осмотръ дѣлается въ жаркое и сухое время, когда на овецъ нападаютъ клещи и производятъ болѣзненные укушенія.

Главный доходъ, доставляемый овцеводствомъ, получается отъ торговли смушками, а затѣмъ уже шерстью. Смушки снимаютъ съ ягнятъ вскорѣ послѣ ихъ рожденія. Снятый смушекъ вымачиваютъ въ водѣ, чтобъ обмыть кожу и шерсть и придать первой большую растяжимость. Потомъ смушекъ сушатъ—зимою у печки, а весной подъ крышами. Высушивъ, выбиваютъ изъ нихъ пыль. Иногда, съ цѣлію придать шерсти больше блеска, ее натираютъ постнымъ масломъ, но такая поддѣлка легко узнается, потому что напитанная масломъ шерсть промасливаетъ бумагу и легко принимаетъ пыль. Мясо ягненка, послѣ того, какъ снята смушка, сбывается на базарѣ, или употребляется для собственнаго продовольствія.

Сбытъ смушекъ очень обширенъ и торговля ими доставляетъ крестьянамъ немалое подспорье въ хозяйствѣ. Главная торговля смушками въ Рѣшетилковкѣ происходитъ въ великомъ посту. Ихъ скупаютъ безземельные казаки по заказамъ купцовъ изъ Бродъ и Бердичева. Такой комиссіонеръ-казакъ получаетъ по 10—20 к. съ каждаго смушка. Послѣ скупки, смушки дѣлятся на сорта, смотря по роду завитковъ и цвѣту. Кромѣ великаго поста, рѣшетилковскій смушекъ скупается на ярмаркѣ около Троицына дня. Въ эту пору за нимъ являются шапочники изъ г. Гадяча и мѣстечка Ични, Черниговской губ.

Торговля смушками въ Соколкѣ производится втеченіи времени съ 10 апрѣля по 10 мая. Но здѣсь торговля ведется нѣсколько иначе, чѣмъ въ Рѣшетилковкѣ. Мѣстные купцы обладаютъ на столько значительными капиталами, что собираютъ партіи на свои деньги какъ на ярмаркѣ, такъ и по хуторамъ, при помощи своихъ приказчиковъ. Потомъ смушки идутъ на ярмарки въ Полтаву, или Нижній-Новгородъ.

Другую доходную статью овцеводства составляетъ шерсть. Количество добываемой съ овцы шерсти разнообразится по вѣсу, смотря по тому, мыта она или нѣтъ. Съ каждой овцы получается шерсти среднимъ числомъ 5 ф. мытой и 8 грязной. Тамъ, гдѣ есть проточная вода, шерсть моютъ еще до острижки, пере-

гономъ овецъ черезъ воду. Въ другихъ же мѣстахъ стригутъ прямо грязную шерсть. Нѣкоторые овцеводы нарочно заботятся о томъ, чтобы на овцахъ накопилось какъ можно больше грязи и пота. Желая выгадать на вѣсѣ шерсти, они стараются вызвать у овецъ искусственными способами потливость, потому что отъ пота увеличивается вѣсъ шерсти. Для этого животныя морятся въ душныхъ и тѣсныхъ помѣщеніяхъ. Комья грязи, налипающіе на отдѣльные пучки шерсти, не отбрасываются и идутъ въ укладку вмѣстѣ съ руномъ. Шерсть не сортируютъ, а валятъ въ мѣшки безъ всякаго разбора.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда шерсть сбывается въ невытотомъ видѣ, она промывается уже потомъ въ специальныхъ заведеніяхъ—*мойкахъ*. Главнымъ центромъ малороссійскихъ моекъ является Харьковская губернія, и вообще города Харьковъ, Бѣлгородъ, Изюмъ, Обоянь и др. мѣстности. Въ этой губерніи считается 13 шерстомойныхъ заведеній съ производствомъ въ 5.000,000 рублей.

Но кромѣ огромнаго количества шерсти, поступающаго въ продажу и затѣмъ въ фабричную обработку для обращенія въ ткани, значительное количество ея идетъ на удовлетвореніе собственныхъ потребностей сельскаго населенія. Изъ шерсти своихъ овецъ крестьяне занимаются приготовленіемъ грубыхъ тканей для собственнаго обихода.

Нѣкоторымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ малоруссовъ является *птицеводство*. Украинскія хозяйки, какъ мы уже говорили содержать много домашней птицы, и человѣкъ, незнакомый съ положеніемъ края, пожалуй, отсюда вывелъ бы заключеніе, что столъ украинскихъ крестьянъ не обходится безъ куръ и индѣекъ и иныхъ пернатыхъ. Но дѣло въ томъ, что домашняя птица вовсе не попадаетъ въ ротъ малоросса. Птицеводство, составляя одинъ изъ главныхъ источниковъ дохода женскаго хозяйства, служитъ для покрытія расходовъ на одежду самой хозяйки, ребятъ и частію даже мужа. Поэтому, вся разводимая птица поступаетъ въ продажу, преимущественно евреямъ, которые и являются ея потребителями.

Говоря о разведеніи полезныхъ животныхъ въ малорусскомъ краѣ, нельзя обойти молчаніемъ и *пчеловодства*. Пчеловодство распространено во многихъ мѣстностяхъ малорусскаго края. Имъ, напр., въ южныхъ и частію среднихъ уѣздахъ Черниговской губерніи занимается каждый сколько-нибудь зажиточный поселянинъ. Пчеловодство тутъ исключительно пасѣчное *).

*) Пчеловодство вообще раздѣляется на бортевое, причемъ улья устраиваются въ лѣсу, въ древесныхъ дуплахъ, и пасѣчное, при которомъ искусственные ульи ставятся въ особыхъ удобныхъ мѣстахъ, близъ жилища самаго пчеловода.

Ночлеги чумаковъ.

Вблизи дороги столбовой
Ночуетъ таборъ кочевой
Сыновъ Украины привольной.
Въ степи и пасмурно и темно:
Ни звѣздъ блестящихъ, ни луны
На небѣ вѣтъ, и тишины
Ночной ничто не нарушаетъ...
Между возовъ огонь горитъ,
На таганѣ котелъ виситъ;
Чумаки раздѣтый, бородатый,
Поджавшись на ногахъ, сидитъ
И кашу съ саломъ кипятитъ.
За таборомъ невдалекъ
Волы усталые пасутся:
Они никѣмъ не стерегутся.
Безпечно у огня въ кружкѣ
Хохлы чумазы, сѣдые,
Съ усами хлопцы молодые,
Простершись на травѣ, лежатъ
И вдаль не весело глядятъ.
Чѣмъ чумаковъ прогнать дремоту?
Давно-ль утратили охоту
Они пѣть пѣсни старины?..
Чѣмъ нынѣ такъ развлечены?
И какъ тѣ пѣсни сердцу милы,
Какъ выразительны, унылы,
Протяжны, звучны и полны
Преданьями родной страны!

Кольцова.

3. Отхожіе и домашніе промыслы.

Извѣстно, что у великоруссовъ, кромѣ земледѣлія и скотоводства, распространены еще другіе виды добывающей промышленности: лѣсные промыслы, рыболовство, звѣроловство. Затѣмъ у нихъ существуютъ разнообразныя отрасли промышленности обрабатывающей, начиная съ фабричнозаводской и кончая мелкою, собственно крестьянскою, такъ называемою кустарною. Не то должно сказать о малоруссахъ. Имѣя въ большинствѣ случаевъ возможность существовать земледѣліемъ и скотоводствомъ, и потому будучи почти исключительно «хлѣборобами», малоруссы мало занимаются другими отраслями, добывающей промышленности и еще менѣе обрабатывающею. Такія особенности въ направленіи дѣятельности двухъ главныхъ народностей русскаго племени зависятъ не только отъ особенностей той и другой, отъ подвижности и предпріимчивости великоруссовъ и недостатка этихъ качествъ въ малоруссахъ, но и отъ природныхъ условій занимаемыхъ ими мѣстностей. Природа великорусскаго края отличается большимъ разнообразіемъ всѣхъ царствъ, чѣмъ Малороссія, и даетъ возможность заниматься такими отраслями промышленности, которыя мало извѣстны малоруссамъ. Такъ, обиліе рыбы на сѣверѣ Россіи и во многихъ внутреннѣхъ водахъ способствовало развитію въ великорусскомъ краѣ обширнаго рыболов-

ства, лѣсныхъ богатства нѣкоторыхъ губерній способствовали распространенію въ нихъ лѣсныхъ промысловъ и звѣроловства. Въ Малороссіи нѣтъ ни такихъ богатыхъ рыбою водъ, ни такихъ лѣсовъ, какъ въ Великороссіи. Оттого многіе виды добывающей промышленности, доставляющія средства къ жизни сотнямъ тысячъ великорусскаго населенія, или вовсе неизвѣстны малорусскому крестьянству, или извѣстны только незначительной его части.

За отсутствіемъ благопріятныхъ условій для лѣсныхъ промысловъ и охоты, населеніе ищетъ занятій въ отхожихъ промыслахъ — въ чумачествѣ, сельскихъ работахъ въ Новороссіи и т. п.

Чумацкій промыселъ, какъ прежде въ Великороссіи, на Волгѣ, бурлачество, игралъ когда-то особенно важную роль въ жизни малорусскаго населенія. Съ этимъ промысломъ, возникшимъ въ глубокую старину, связано множество пѣсень, разсказовъ, анекдотовъ. Одинъ писатель замѣтилъ, что изъ сотни украинскихъ думъ—80 навѣрное будетъ о чумакахъ, 10 о любви, а остальные о гайдамакахъ. Чумаць—слово татарское и значитъ перевозчикъ*). Это названіе указываетъ на промыселъ чумаковъ. Они занимались перевозкою товаровъ

*) Иные, впрочемъ, производятъ его отъ слова чума, будто бы для предохраненія отъ которой чумаки имѣли обыкновеніе вымазывать свои рубахи и штаны дегтемъ.

къ Черному и Азовскому морямъ и доставленіемъ оттуда соли и рыбы. Свои длинные переходы, сопряженные съ большими опасностями отъ татаръ и разныхъ бродившихъ въ степяхъ лихихъ людей, они совершали по извѣстныхъ чумацкимъ путямъ и «шляхамъ». Для взаимной защиты они образовывали артели. Промыселъ чумацкій переходилъ изъ родъ въ родъ. Еще на памяти живыхъ людей были семьи въ разныхъ мѣстностяхъ края, гдѣ чумакованьемъ занимались прадѣды, дѣды, отцы, внуки и правнуки. Существовали цѣлыя слободы, заселенныя сплошь чумаками. Такія «чумацкія гнѣзда», какъ ихъ называли, находились и въ Харьковской, и въ Полтавской, и въ Кіевской губерніяхъ. Чумацкія партіи составлялись на артельныхъ началахъ и носили названіе «ватагъ» или «валокъ». Всѣ члены артели были равноправны, только одинъ выборный «отаманъ» обладалъ особыми полномочіями. Онъ долженъ былъ указывать путь, опредѣлять время ѣзды и остановокъ, разбирать споры чумаковъ. Поэтому въ «отаманы» избирались наиболѣе способныя и знакомыя съ промысломъ личности. Когда шла чумацкая валка, отаманъ непременно находился впереди ея. На возу у него сидѣлъ пѣтухъ, чтобы будить ватажанъ, какъ только солнце взойдетъ на небосклонъ. Другимъ непремѣннымъ членомъ ватаги былъ «кухарь» (кашеваръ, поварь). На его возу, въ

качествѣ символа его званія, возвышался шесть съ тремя ножками и котель. Всѣ прочіе члены товарищества ничѣмъ не отличались другъ отъ друга по своему положенію въ товариществѣ. Всякій изъ нихъ выполнялъ работы и распоряженія батька-отамана наравнѣ съ другими. Но не всегда чумацкія партіи носили на себѣ характеръ артелей. Нѣкоторыя изъ нихъ состояли просто изъ рабочихъ, съ хозяиномъ, вмѣсто отамана, во главѣ. Такими хозяевами были чумаки, которые располагали значительнымъ количествомъ скота. Имѣя нѣсколько десятковъ воловъ, они держали работниковъ («наймитовъ»). На сколько для хозяевъ-чумаковъ промыселъ былъ выгоденъ, можно судить потому, что на хорошей чумацкій возъ бралось кладу пудовъ 50 — 65, за перевозъ ея изъ сѣверныхъ частей Малороссіи къ Азовскому морю и въ Крымъ, за Перекопъ, получалось отъ 50 к. до 1 р. 50 к. за пудъ, а такъ какъ чумаки дѣлали втеченіи весны, лѣта и осени два-три конца въ Крымъ и на Донъ, возвращаясь притомъ обыкновенно съ кладью, расходовали на себя не болѣе 1 р. въ конецъ, то каждый возъ зарабатывалъ отъ 150 до 350 р. сер. Такимъ образомъ, хозяинъ, владѣвшій нѣсколькими десятками воловъ и отправлявшій до 30 возовъ, выручалъ 4—10,000 р. сер. Рабочіе-наймиты, которые могли-бы поживиться на счетъ хозяйскаго добра, обыкновенно строго соблюдали

интересы хозяина. Честность чумаковъ вообще была поразительна. Хозяева клади повѣряли ее чумакамъ безъ всякихъ росписокъ, и чумаки, продавъ ее, рѣдко утаивали даже рубль! Былъ такой любопытный случай, показывающій чумацкую честность. Одинъ помѣщикъ, выбравъ двухъ-трехъ работниковъ, далъ имъ воловъ и послалъ въ Перекопъ за солью. Отправленные имъ крестьяне вернулись; не вернулся только одинъ, «Павло». «Ну, говорилъ помѣщикъ, — всѣ люди, какъ люди, одинъ Павло Бобрикъ не привезъ соли, да замоталъ и возъ и воловъ». Это было во время войны съ Турціею. Миновалъ годъ, другой. Наконецъ, Павло является, «самъ-другъ». Помѣщикъ былъ удивленъ. «Павло, гдѣ ты былъ?» спросилъ онъ. Въмѣсто отвѣта, Павло полезъ за голенище, досталъ изъ него свертокъ синей бумаги, а въ немъ пачку денегъ. «Что се такое? може, ты вкравъ?» — спросилъ въ изумленіи помѣщикъ. «Ни! ось пересчитайте лишень» — «Да сколько-же тутъ?» — «А я и не считавъ!» Баринъ принялся считать и насчиталъ 6,000 р. ассигнаціями. Оказалось, что Павло, придя въ Крымъ, нанялся подъ кладъ въ Бессарабію, прибылъ къ русскимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ противъ Турціи, и занялся перевозкою то хлѣба, то оружія, то раненыхъ, а когда наступилъ миръ, продалъ на довольствіе солдатикамъ состарѣвшихъ уже воловъ. Получивъ неожиданный барышъ, по-

мѣщикъ, въ порывѣ благодарности, предложилъ ему долю. Но Бобрикъ отказался и попросилъ только отпустить его вмѣстѣ съ «жинкою» на богомолье въ Кіевъ. При такой честности рабочихъ, хозяевамъ оставалось только наживаться за ихъ спиною.

Главное условіе чумацкаго промысла составляли хорошіе, выносливые волы. Чумаки, дѣйствительно, успѣли развести крѣпкую, замѣчательную по выносливости породу воловъ. Начиная съ ранней весны и кончая позднею осенью, чумацкіе волы возили на себѣ по 50—60 пуд. на парномъ возу, дѣлая втеченіи этого времени три конца въ Крымъ или на Донъ и обратно, всего до 2000 в. Послѣ такой тяжелой работы для воловъ наступала пора отдыха зимою: чумаки отдавали ихъ откармливаться «бардою» на винокурняхъ.

Въ первый путь чумаки пускались обыкновенно тотчасъ послѣ праздника Пасхи. На дорогу дѣлались запасы сухарей, муки, пшена, сала, соли и дегтю для колесъ. Для себя каждый чумакъ бралъ двѣ рубахи. Одна служила ему втеченіи всего пути до возвращенія домой; для защиты отъ дождя, пыли, заразы и мошекъ, вмѣстѣ съ шароварами, она вымазывалась дегтемъ. Другая рубашка имѣла назначеніе савана: въ нее одѣвали чумака только тогда, когда на дорогѣ его постигала смерть. Сдѣлавъ необходимыя приготовленія къ отъѣзду, чумаки служили молебень Божіей Мате-

ри—Одигитрии, считавшейся покровительницею чумаковъ. Затѣмъ начиналось разставанье съ родными и близкими. Вечеромъ чумаки трогались въ путь. На переднемъ возу всегда горделиво возсѣдалъ пѣтухъ. Въ безлюдныхъ степяхъ юга, по ночамъ, когда очередные чумаки пасли въ сторонѣ отъ дороги воловъ, онъ своимъ пѣніемъ давалъ знать, гдѣ находится обозъ. Онъ также замѣнялъ чумакамъ часы. По мнѣнію самихъ чумаковъ, пѣтухъ оказывалъ имъ еще одну услугу: онъ спасалъ отъ «придорожнаго бѣса». Баловень и любимецъ всей чумацкой «валки», такой пѣтухъ жилъ тогда 10—12 лѣтъ, неукоснительно совершая каждое лѣто длинная путешествія.

По заведенному обычаю, по выѣздѣ изъ села за околицу, верстахъ въ трехъ отъ него, чумаки дѣлали первый привалъ на ночлегъ. Это, повидимому, странное обыкновеніе было установлено потому, что, какъ говорилъ сами чумаки: «человѣкъ слабъ, и можетъ что-нибудь позабыть, а тутъ близко, и какъ разъ сбѣгаешь».

Ходъ чумацкихъ обозовъ бывалъ неравномеренъ. Среднимъ числомъ они дѣлали по 25 верстъ въ сутки, но случалось, что иной разъ проходили до 50 в., а другой—только 7—10. Все зависѣло отъ состоянія погоды, достаточности подножнаго корма. Бывало, что обозъ двинется съ ночлега; ночлегъ неудобный: травы около дороги мало, вокругъ—все хлѣб-

ные посѣвы... Но черезъ 3 — 4 версты встрѣтится удобное пастбище. «Стій, хлопцы, — кричить отаманъ, — кормокъ гарній (хорошій)»! и чумацкая валка снова останавливается. Движеніе особенно замедлялось въ дурную, ненастную погоду или гололедицу. Тяжелые чумацкіе возы съ громадными колесами увязали въ невылазной грязи. Еще хуже бывало во время гололедицы: ковкіе быковъ не существовало, они портили себѣ копыта, падали, разбивали ноги.

Чумаки, выѣзжавшіе первую весною, носили названіе раннихъ. Проведя въ дорогѣ недѣль 5—6, чумакъ возвращался домой къ косовицѣ. Около Петра и Павла чумаки пускались въ новый путь и возвращались къ уборкѣ созрѣвшаго хлѣба («на жнива»). Это средніе чумаки. Наконецъ, «поздніе» чумаки шли въ дорогу послѣ Семенова дня (въ Сентябрь мѣсяцѣ).

Къ зимѣ, чаще всего къ Покрову (1-го Октября), чумаки возвращались на родину со всѣмъ. Выпаденіе перваго снѣга приковывало ихъ къ мѣсту. Съ этого времени чумака озабочивала одна мысль—выхолить, откормить («выгодувать») воловъ къ веснѣ. Если онъ не занимался откармливаніемъ ихъ самъ, то отдавалъ на винокуренные заводы, «на барду». Барда—жижа, оставшаяся отъ хлѣбнаго вина и доставлявшая хорошее питаніе воламъ. Являсь на винокурню, чумакъ условливался съ ея хозяиномъ относительно количества барды, по-

требной для его воловъ, и о цѣнѣ. Волы отъ барды становились лучше, жирны и способны къ перенесенію новыхъ тяжестей и невзгодъ длинныхъ чумацкихъ переходовъ по степямъ.

Устроивъ воловъ, чумакъ самъ вполне отдавался ничего-недѣланью, лежанью на печи, возлагая всѣ попеченія о хозяйственныхъ нуждахъ на свою хозяйку. Переваливаясь на теплой печи съ боку на бокъ, онъ только посматривалъ оттуда на нескончаемыя хлопоты жены по хозяйству. — «Ты печку затопила?» спрашивалъ онъ жену. «Затопила». — «А по-воду пойдешь?» — «Пойду». — «А на дворѣ холодно?» — «Холодно.» — «Ну пусть-же холодно». Этимъ заключался разговоръ.

Только съ наступленіемъ весны чумакъ оживлялся. Снова начинались приготовленія къ длинному пути.

Хотя пора процвѣтанія чумацкаго промысла, подъ вліяніемъ проведенія къ Черноморскимъ и Азовскимъ портамъ желѣзныхъ дорогъ, уже миновала, но онъ не успѣлъ еще исчезнуть совершенно, принявъ только другой видъ. «Въ наше время, — говоритъ одинъ изслѣдователь, — чумаки встрѣчаются вездѣ, гдѣ только слышна южнорусская рѣчь. Въ Полѣсьѣ, въ Волинѣ, въ Подоліи и Украинѣ извѣстно названіе чумака». Замѣчательно, что чумаки иногда вступаютъ по перевозкѣ грузовъ въ соперничество съ желѣзными дорогами.

Утративъ свое существованіе, прежнее чу-

мачество оставило только глубокий слѣдъ въ южнорусской народной словесности. Мы уже говорили, что масса малорусскихъ «думъ» посвящена именно чумакамъ. Къ этому нужно прибавить еще множество анекдотовъ о чумакахъ, извѣстныхъ не только въ Малороссіи, но и въ Великороссіи. Будучи самыми чистыми представителями малорусской народности, чумаки соединяли въ себѣ всѣ лучшія ея черты— замѣчательную честность, яркій примѣръ которой былъ приведенъ выше, юморъ и нѣкоторую наивность и простодушіе людей, стоящихъ близко къ природѣ. Рассказываютъ, что въ одномъ городѣ, проходя гурьбою мимо лавки, чумаки заглянули въ нее и спросили сидѣвшихъ около нея двухъ торговцевъ: «А що тутички продаецця?» «Такіе дурни, какъ вы», отвѣтили тѣ. «Якъ огромне строенье, а товару така малькость. Тилько усіго и товару—васъ двое бідныхъ засталось». А вотъ рассказъ. рисующій наивность чумаковъ. Одному чумаку товарищъ пожаловался, что у него украли деньги, спрятанныя на возу. «Э, бо ты дурень!— отвѣтилъ тотъ,—ты-бъ такъ сдѣлалъ, какъ я!» показывая, что онъ деньги спряталъ за пазуху; но, не нашедши ихъ тамъ, началъ искать за голенищами, потомъ въ шароварахъ—приговаривая: «и ты-бъ сдѣлалъ какъ я!» Оказалось, что и у него деньги украли. Какъ-то однажды ѣхали чумаки путемъ-дорогою и нашли карманные часы. Остановясь въ недоумѣніи передъ

диковинною находкою, они стали разсуждать: «Що се таке—видькиль воно взялось? Що зъ нимъ робить?» Одинъ изъ нихъ, какъ видно побойчее, отвѣчалъ: «Хиба не бачите—се бисово око; ма-буть, бисяко шатавъ по свиту, тай загубивъ его». Порѣшивъ, что часы—чортово око, чумаки разбили ихъ въ дребезги, приговаривая: «Хай бисяко цилій вить буде слѣпій на одно око!»

Множество малоруссовъ издавна уходитъ на заработки въ Новороссійскій край. Край этотъ изстари отличался отъ Малороссіи, такъ-же какъ и отъ другихъ губерній, тѣмъ, что хотя тамъ и существовало крѣпостное право, но крѣпостное населеніе было незначительно въ сравненіи съ обширностью земель, а потому всѣ сельскія работы производились тамъ не иначе, какъ съ участіемъ вольнаго труда. Ни одинъ помѣщикъ не обходился безъ наемныхъ рабочихъ, и большая часть полевыхъ работъ производилась всегда вольными людьми. Оттого въ Новороссійскій край всегда совершался наплывъ рабочихъ не только изъ Малороссіи, но и изъ Бѣлоруссіи. Кромѣ этого пришло рабочаго люда, въ привольныхъ степяхъ Херсонской и Екатеринославской губерній кочевали разные вольные люди—бѣглые крѣпостные и солдаты, извѣстные подъ общимъ именемъ *бурлаковъ* *). Эти люди всегда находили

*) Бурлаки эти имѣли совсѣмъ другое назначеніе, чѣмъ волжскіе.

себѣ пріютъ у помѣщиковъ. Паспортовъ ни у кого не спрашивали, и наниматели зачастую не знали, кто у нихъ работаетъ, такъ какъ и при всемъ желаніи избавиться отъ бѣглыхъ и предать ихъ въ руки власти, они не могли этого дѣлать изъ опасенія мести со стороны товарищей выданнаго. Плата за работу въ Новороссійскомъ краѣ разнообразилась въ зависимости отъ урожая и спроса на рабочія руки. Иной разъ урожай получался очень скудный, а наплывъ рабочихъ былъ значительный. Въ такомъ случаѣ многіе рабочіе возвращались домой ни съ чѣмъ. Другой разъ, напротивъ, урожай оказывался такой великолѣпный, что въ рабочихъ рукахъ ощущался недостатокъ. Тогда рабочіе получали большія деньги.

Кромѣ денежной платы, непремѣнное условіе найма составляли *харчи* и *порціи*, т. е. пища и водка. Харчи и порціи имѣли большое значеніе при наймахъ. Рабочіе скорѣе соглашались на уменьшеніе платы, только бы хороша была пища. По принятому обычаю, кормили четыре раза въ день: утромъ—«снѣданье», затѣмъ обѣдъ, полудень и наконецъ «вечеря». Пища готовилась на мѣстѣ работъ, на полѣ, въ подвижной кухнѣ, и состояла изъ борща съ мясомъ, саломъ, рыбою, крутой каши, галушекъ, жидкой каши (кулишъ). Кромѣ того, рабочимъ давали хлѣбъ, кукурузу, огурцы и проч. Послѣ каждой ѣды рабочій получалъ по небольшому стакану водки.

Съ освобожденіемъ крестьянъ, въ особенности-же въ послѣдніе годы, отходъ малоруссовъ для работъ въ Новороссійскій край сталъ распространяться болѣе и болѣе. Каждый годъ, съ наступленіемъ весны, южнорусскіе рабочіе, закинувъ за плечи котомку, забравъ косу, молотокъ и «бабку» *), отправляются «по чугункѣ» или на парходѣ, а то такъ и просто пѣшкомъ за сотни верстъ отъ родины. Они составляютъ «артілі» или «круги», устройство которыхъ во многомъ сходствуетъ съ устройствомъ старинныхъ чумацкихъ ватагъ. Въ основѣ этихъ круговъ лежитъ прежде всего взаимная защита членовъ отъ разнаго рода случайностей, неразлучныхъ съ пребываніемъ на чужедальней сторонѣ, защита отъ притѣсненій нанимателей и вообще огражденіе интересовъ артели.

Многіе малоруссы Черниговской губерніи занимаются *осначествомъ*, т. е. поступаютъ рабочими на суда. Есть селенія, гдѣ вся мужская часть населенія живетъ этимъ промысломъ, такъ что земледѣліе играетъ роль занятія побочнаго. Промыселъ осначей начинается раннею весною, но еще задолго до открытія навигаціи, зимой, въ Филипповомъ (Рождественскомъ) посту, въ Черниговскій уѣздъ пріѣзжаютъ до вѣренныя лѣсопромышленниковъ и, разъѣзжая по селамъ, набираютъ рабочихъ. Въ каждомъ

*) Родъ маленькой наковальни, на которой молоткомъ выбивается коса, т. е. выправляется ее лезвіе.

сельѣ этотъ довѣренный, всего чаще еврей, легко отыскиваетъ нуждающихся крестьянъ, готовыхъ идти въ осначи. Послѣ предварительнаго сословнаго договора агентъ даетъ нанявшимся небольшой задатокъ. Затѣмъ къ назначенному сроку всѣ договаривающіеся сходятся въ волостное правленіе, гдѣ нанимаемая партія «гуртомъ» (артелью) заключаетъ съ нанимателемъ общее письменное условіе и получаетъ на руки весь задатокъ (около трети или половины договоренной суммы). Осначи не рѣдко жалуются, что въ условіяхъ оказывается написаннымъ совсѣмъ не то, что было читано при заключеніи договора; при поголовной безграмотности осначей подобныя надувательства очень возможны. Заключивъ письменное условіе партія, обыкновенно, въ мартѣ мѣсяцѣ получаетъ другую треть договоренной суммы и 1 рубль кормовыхъ денегъ. За симъ она отправляется къ мѣсту назначенія—вверхъ по Днѣпру (къ Могилеву) или Припети (къ Пинску) на указанныя пристани. Тутъ изъ наготовленнаго и подвезеннаго уже лѣса осначи вяжутъ плоты и сплавляютъ ихъ внизъ по Днѣпру—къ Кіеву, Екатеринославлю или Херсону. Во время работы они пользуются хозяйскими харчами. Работа ихъ не легкая: часто подъ дождемъ и въ холодъ имъ приходится работать напролетъ дни и ночи, не зная отдыха. При тихой погодѣ управиться съ плотами не трудно, но лишь только поднимется вѣтеръ—нуженъ усиленный, не-

прерывный трудъ, чтобъ плоты не разбило. Самый опасный путь на всемъ пути—Днѣпровскіе пороги, гдѣ случаи «побойки» (крушенія) судовъ очень часты, а собираніе и связываніе разметаннаго плота требуетъ долгаго труда. Случается, что при такой операціи связыванія разбитаго плота, осначи такъ задерживаются въ пути, что имъ приходится возвращаться, послѣ доставки плота къ условленному мѣсту, не къ Петру и Павлу (29 іюня), а цѣлымъ мѣсяцемъ позже—къ Спасу (6 августа). Задерживаетъ сплавъ и мелководье, когда обнажившіеся пороги не позволяютъ пускать плоты по руслу рѣки. Тогда плоты раздѣляютъ на части и проводятъ искусственными обводными каналами, устроенными около пороговъ. При этомъ, чтобъ плоты, по возможности, не такъ глубоко сидѣли въ водѣ, съ нихъ снимаютъ «накатъ» (нагрузку, — бревна, доски и т. д.), который и сплавляется особо. Въ случаѣ болѣзни осначу приходится очень плохо. Наниматели обыкновенно вычитаютъ во время болѣзни по 20—25 коп. въ день изъ заработной платы. Безсонныя ночи и непогода не позволяютъ осначу скоро оправиться. Лихорадки—обычная болѣзнь осначей и дома, и въ работѣ. На многихъ изъ осначей крайне вредно дѣйствуетъ одиночество, если имъ не удастся наняться въ работу въ одной компаніи со своими односельчанами.

Но вотъ, послѣ усиленныхъ трудовъ, плотъ

доставленъ. Осначи получаютъ окончательный расчетъ. Предстоитъ длинное странствіе на родину. Осначи пускаются домой пѣшкомъ, причемъ въ дорогѣ имъ приходится провести дней 10—20. Пѣшкомъ возвращаются при малой выручкѣ. Бываетъ, что въ такомъ случаѣ осначи испытываютъ въ пути большой недостатокъ и, продавши послѣднюю рубаху, собираются дорогой «Христовымъ именемъ». Длинный обратный путь такъ утомляетъ осначей, что многіе изъ нихъ являются домой «якъ горшокъ» (т. е. такіе-же черные), становясь не способными къ работѣ цѣлую зиму.

Обрабатывающая промышленность въ Малороссіи гораздо ограниченнѣе, чѣмъ въ Великороссіи. Здѣсь нѣтъ такихъ разнообразныхъ и громадныхъ мануфактуръ, какія мы встрѣчаемъ въ великорусскомъ краѣ. Въ Малороссіи процвѣтаютъ лишь сахарные да винокуренные заводы. Къ этому нужно прибавить, что заводы эти находятся, главнымъ образомъ, въ рукахъ евреевъ, а не малоруссовъ.

Ограниченное развитіе въ краѣ фабрично-заводской промышленности было причиною того, что работою на фабрикахъ въ Малороссіи занимается гораздо меньшее число рабочихъ, чѣмъ въ Великороссіи. Фабричный трудъ играетъ, поэтому, въ жизни малоросса роль гораздо менѣе важную, нежели у великоросса.

Мелкая мануфактурная, т. е. крестьянская, кустарная промышленность развита въ Мало-

руссіи то-же весьма слабо. Въ то время, какъ въ Великороссіи крестьяне выдѣлываютъ у себя дома всевозможные предметы, начиная съ различныхъ тканей и кончая разными инструментами, малоруссы производятъ лишь немногіе предметы, служащіе для удовлетворенія самыхъ простѣйшихъ нуждъ изъ сельскохозяйственнаго быта. «Къ ремесленной дѣятельности онъ,—говоритъ о малороссѣ одинъ ученый,—не имѣетъ никакой склонности; онъ занимается только самыми необходимыми въ крестьянскомъ быту ремеслами, и тутъ пріемы его весьма просты и грубы; издѣлія не отличаются качествомъ и вкусомъ». Устраиваемыя въ Малороссіи выставки кустарныхъ издѣлій крестьянъ, поражали зрителей, знакомыхъ съ кустарною промышленностью Великороссіи, бѣдностью, отсутствіемъ разнообразія. Это были по большей части грубыя издѣлія изъ *глины* (горшки, «макиры», миски, полумиски, кувшины), *дерева* (возы, колеса, сундуки, оконныя рамы, ведра, «мазницы» для дегтя, бочки, лопаты, ложки), *кожи* и *мѣха* (сельскія чоботы, черевики, кожухи, бараньи шапки), *грубыя шерстяныя* и *полотняныя издѣлія* (шляпы войлочные, толстыя сукна, плахты, запаски, холсты, рушники и т. п.).

Все зимнее время, которое преимущественно и посвящается въ Великороссіи кустарнымъ промысламъ, у малорусса пропадаетъ даромъ. Онъ въ это время отдается вполнѣ

ничего-недѣланью, лежанью на печи. Только женщины обнаруживаютъ въ эту пору признаки дѣятельности. Съ окончаніемъ полевыхъ работъ, онѣ начинаютъ заготовлять пряжу и ткани, для того, чтобъ потомъ обшить и одѣть семью.

Обстановка, среди которой имъ приходится работать, очень неудобна. Въ небольшой хатѣ, гдѣ вмѣщается нерѣдко нѣсколько душъ, среди душнаго воздуха и полумрака, имъ приходится и прясть, и ткать, и шить. Духота, происходящая отъ скученности обитателей маленькой хаты, усиливается еще отъ табачнаго дыма, напускаемаго усердными курильщиками трубокъ. Къ этому нужно прибавить сырость и угаръ вслѣдствіе ранняго закрыванія трубъ изъ желанія расходовать меньше топлива.

Сидя въ такой атмосферѣ на полу или «у запічку», женщины и дѣвчата занимаются пряденіемъ и сматываніемъ нитокъ. Для пряденія употребляются веретена разной величины: для толстыхъ нитокъ служатъ большія веретена, а для тонкихъ—маленькія. Въ длинные осенніе и зимніе вечера работа идетъ при слабомъ освѣщеніи какого-нибудь убогаго свѣтильника. Ткать при этомъ освѣщеніи трудно, а потому этою работою занимаются только въ короткіе промежутки, когда свѣтитъ солнце. За то весной, начиная съ Великаго поста, крестьянка просиживаетъ за своимъ ткацкимъ станкомъ («кросна») съ утра до вечера, нѣ-

сколько недѣль подъ-рядъ, отрываясь отъ работы только на назойливые призывы дѣтей и для неотложныхъ хозяйственныхъ нуждъ. Ткачество — работа очень тяжелая. Работница должна дѣйствовать и руками, и ногами, причѣмъ должна постоянно нагибаться. Не смотря на продолжительность работы, многія хозяйки, въ особенности молодыя, только-что начавшія жить своимъ домомъ, при всемъ своемъ стараніи едва успѣваютъ сдѣлать по рубашкѣ себѣ и мужу. Результаты работы зависятъ также отъ количества матеріала. Такъ, напр., у кого есть въ хозяйствѣ съ десятокъ овецъ, у того хозяйка втеченіи года сладить одну «сподницу», у кого же ихъ всего штукъ 5, то такую сподницу можно сдѣлать только въ два года. Для приготовленія толстаго сукна на мужскія свиты требуется и матеріала, и времени болѣе. Если опредѣлить стоимость выдѣлываемыхъ крестьянами предметовъ одѣянія и раздѣлить на число потраченныхъ ею на это дней, то окажется, что одинъ рабочій день женщины цѣнится въ 2—3 коп. Къ этому нужно прибавить, что домашнее ткачество годъ-отъ-года приходитъ все въ большій и большій упадокъ. Старинныхъ плахтъ съ затѣйливыми узорами молодое поколѣніе ткачицъ не умѣетъ готовить вовсе. Однѣ старыя бабы помнятъ еще какъ ихъ дѣлали въ прежнюю пору.

Изъ этого очерка занятій малорусса чита-

тели могли видѣть, что дѣятельность его направлена главнѣйшимъ образомъ на земледѣліе. Промыслы, которые могли бы служить ему подспорьемъ въ жизни, развиты мало. Поэтому онъ находится въ большей, чѣмъ великорусь, зависимости отъ природы, и въ случаѣ постигающихъ край неурожаевъ испытываетъ большія бѣдствія

Достопримѣчательные города и мѣстности Малороссіи.

1. Кіевъ и его святыни.

Высоко передо мною—
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.
Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!
Громко пѣсни раздалися,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ:
«Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?»
— Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса полей.
— Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей!
— Край мой—теплый берегъ Евксина!
— Край мой—берегъ тѣхъ дальнихъ страпъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала Океанъ.
— Дикъ и страшень верхъ Алтая,
Вѣчень блескъ его снѣговъ:

Тамъ страна моя родная!

— Мнѣ отчизна старый Псковъ.

— Я отъ Ладоги холодной.

— Я отъ синихъ волнъ Невы.

— Я отъ Камы многоводной.

— Я отъ матушки Москвы.

Слава, Днѣпръ—сѣдя волны!

Слава, Кіевъ—чудный градъ!

Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный

Краше царственныхъ палатъ.

Знаемъ мы: въ вѣка былые,

Въ древню ночь и мракъ глубокъ,

Надъ тобой блеснулъ Россіи

Солнца вѣчнаго востокъ!

Кто изъ насъ не слыхалъ, что на Руси есть городъ Кіевъ, что въ томъ городѣ есть святая Кіево-Печерская Лавра и что въ Лаврѣ, въ темныхъ пещерахъ, почиваютъ мощи преподобныхъ отцевъ Печерскихъ? У каждаго изъ насъ есть родные, или земляки, побывавшіе въ Кіевѣ. Быть можетъ, нѣкоторымъ изъ насъ и самимъ довелось видѣть святыню Кіевскую.

Кіевъ находится въ юго-западной части Россіи. Отъ Петербурга до него 1114 верстъ, отъ Москвы нѣсколько поближе, но все-же безъ малаго 1,000 верстъ. Но какъ ни далекъ Кіевъ отъ нашихъ столицъ, а путь къ нему торный, дорога извѣданная. Не даромъ говорить пословица: «языкъ до Кіева доведетъ». Стоитъ только спрашивать по пути,—всякій

сдумѣть сказать, куда и на какой городъ надо путь держать богомольцамъ. Идутъ туда православные со всѣхъ концевъ земли Русской, изъ ближнихъ мѣстъ и дальнихъ; идутъ теперь, какъ прежде ходили отцы и дѣды, и дѣды дѣдовъ, изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ, къ мѣсту, гдѣ уповаютъ найти помощь и утѣшеніе. Медленно, въ строгомъ молчаніи, подвигаются богомольцы одинъ за другимъ, съ посохомъ въ рукѣ, съ котомкою за плечами. Иные идутъ мѣсяць, другіе шесть недѣль, а которые съ дальняго сѣвера—изъ Архангельска, изъ-за Уральскихъ горъ, или изъ Сибири, тѣ полагаютъ на путь отъ четырехъ до пяти мѣсяцевъ. День за днемъ, недѣля за недѣлей, бредутъ богомольцы, не зная часто, гдѣ придется ночевать и будетъ ли что ѣсть. Иной даетъ обѣщаніе во время странствованія не принимать скоромной пищи, не пить ничего кромѣ воды, пока не сподобится отговѣть въ обители Печерской.

Еще недавно, въ Кіевъ не ходила машина. Съ тѣхъ поръ какъ проведена въ него желѣзная дорога, еще болѣе стало прибывать богомольцевъ. Всего болѣе ихъ стекается весною около Троицына дня. Ихъ бываетъ въ ту пору до 50 тысячъ. Но не смотря на то, что въ Кіевъ можно проѣхать по желѣзной дорогѣ, большая часть богомольцевъ по прежнему идетъ туда пѣшкомъ.

Подъ Кіевомъ, версть за 30, большая Черниговская дорога проходитъ посреди сосноваго лѣса. Въ жаркіе дни прохладно идти богомольцамъ въ тѣни деревъ, поодаль отъ пыльной дороги. Они располагаются въ лѣсу на ночлегъ и спятъ у дороги, подложивъ подъ голову свои котомки. Такъ проводятъ они послѣднюю ночь передъ Кіевомъ.

Устали они, притомились—отъ долгаго труднаго пути. У многихъ ноги опухли, у иныхъ даже и въ ранахъ. Но теперь уже имъ немного осталось потрудиться: они надѣются, что завтра отстоятъ праздничную обѣдню въ самой Лаврѣ Печерской. Раннимъ утромъ, лишь только заря занимается на небѣ, встаютъ богомольцы, умываются у ручья, надѣваютъ на себя все чистое и, помолившись, трогаются въ путь. Солнышко взошло за ними, освѣтило лѣсъ и дорогу, утренній туманъ разсѣялся, и вотъ вдали надъ лѣсомъ мелькнуло что-то въ высотѣ. Переглянулись богомольцы, перекрестились. Идутъ дальше. Солнце подымается выше, и все яснѣе блещитъ глава лаврской колокольни. Вотъ показалась и вся колокольня, а ниже ея, по горѣ, заблестали главы святыхъ церквей. Радостно богомольцамъ; они крестятся и кладутъ земные поклоны. Передъ ними, на крутой горѣ, вся Печерская обитель въ своей бѣлокаменной оградѣ. По лѣвую сторону Лавры, среди густыхъ садовъ, виднѣются синіе купола съ золотыми звѣзда-

ми: то пещерныя церкви. А тамъ, еще далѣе влѣво такіе же сады и такіе же синіе купола со звѣздами: то монастырь Выдубицкій.

Подъ горой внизу широкій Днѣпръ— въ крутыхъ берегахъ катитъ свои серебристыя волны. На берегу его раскинулась низменная часть Кіева, что зовется Подоломъ. А тамъ, дальше отъ берега на холмахъ стоитъ старый Кіевъ съ своими храмами златоверхими. И любитъся путникъ отрадной картиной. Дома гражданъ, храмы Божіи перемѣшаны съ садами. Зелень деревъ еще ярче отгнѣняетъ строенія Кіева. А когда заблещетъ солнце и скользнетъ своими лучами по золотымъ верхамъ церквей, кажется путнику, что новыя солнца зажглись по Кіеву, и радостью наполнится его душа.

Кіево-Печерская Лавра. Кіево-Печерская Лавра есть главнѣйшая святыня Кіева и всей Россіи. Это древнѣйшая изъ русскихъ обителей и наиболѣе прославившаяся подвигами своихъ иноковъ. Она основана при великомъ князѣ Ярославѣ и сынѣ его Изяславѣ, трудами великихъ подвижниковъ вѣры Антонія и Феодосія. Первоначальная ея исторія подробно разсказана въ другихъ книжкахъ *).

Въ настоящее время Кіево-Печерская лав-

*) Смотри: „Главнѣйшія событія русской исторіи церковной и гражданской“, страницы 188—208. „Подвижники и страдальцы за землю русскую“, страница 77 и слѣдующія.

ра состоитъ изъ трехъ частей: въ первой, возвышенной и ближайшей къ городу, находится собственно лавра, съ особымъ больничнымъ монастыремъ внутри ограды, у св. вратъ; во второй, къ востоку отъ первой, расположенъ на долу монастырь Близкихъ Пещеръ; къ юго-востоку высится на холмѣ монастырь Дальнихъ Пещеръ, отдѣляемый отъ предыдущихъ глубокимъ оврагомъ. Всѣхъ церквей въ Лаврѣ 16, изъ нихъ 6 подземныхъ: 3 въ дальнихъ и 3 въ близкихъ пещерахъ. Изъ этихъ 16 церквей самая замѣчательная Успенія Богородицы, о семи куполахъ съ золочеными главами и девяти придѣлахъ. Въ этой церкви находятся богатѣйшія ризницы, богатѣйшіе образа, сосуды и облаченія, усыпанныя драгоценными камнями, принесенными въ даръ нашими государями и вельможами. Престолъ и жертвенникъ главнаго алтаря обложены серебряными, вызолоченными досками. Надъ царскими вратами находится, украшенная богатѣйшимъ обладомъ, храмовая икона Успенія—первая въ Россіи по древности, перенесенная изъ Греціи зодчими въ 1073 году. Въ этой церкви покоятся мощи св. Θεодосія и глава св. равноапостольнаго князя Владиміра, которая хранится въ ковчегѣ, по правой сторонѣ алтаря. Всѣхъ же мощей въ обѣихъ кіевскихъ пещерахъ находится 126. Между ними мы укажемъ на мощи св. Антонія—первоначальника Лавры; Нестора, перваго русскаго лѣто-

писца; одиннадцать грековъ-зодчихъ, строившихъ лаврскую Успенскую церковь, и многихъ другихъ.

При Лаврѣ обширная гостинница съ флигелями, сараями, навѣсами и страннопріимною трапезною, постоянно наполненной богомольцами. Бѣдныхъ странниковъ не только принимаютъ бесплатно въ гостинницу, но еще и кормятъ ихъ; для остановившихся въ *номерaxъ* также не положено никакой таксы въ сутки; каждый пріѣзжающій живетъ, сколько хочетъ, требуетъ, что хочетъ, и при выѣздѣ изъ гостинницы *жертвуетъ*, что хочетъ, по своему собственному усмотрѣнію.

Въ два часа ночи начинаютъ на лаврской колокольнѣ звонить къ заутренѣ. Вслѣдъ затѣмъ по всѣмъ корридорамъ гостинницы проходитъ послушникъ съ маленькимъ звонкомъ, тихо возвращая желаящимъ о времени утренней молитвы. Ворота гостепріимнаго двора уже настезь, и странники, еще въ сумракѣ ночи, стремятся—кто къ ближнимъ пещерамъ, кто къ дальнимъ, а другіе въ больничную церковь или въ большую соборную. Всѣ лаврскія церкви всегда полны молящихся, и во всѣхъ богослуженіе ежедневно совершается съ такою торжественностью, какой не встрѣтишь въ другомъ мѣстѣ въ самые великіе праздники.

На большой колокольнѣ гудитъ колоколъ, изъ другихъ церквей доносится благовѣсть и трезвонъ. Около святыхъ воротъ толпится ни-

шая братія. Со всѣхъ сторонъ стекаются къ обѣднѣ и городскіе жители: люди всякаго званія, богатые и бѣдные, знатные и темные. Во дворѣ Лавры богомольцевъ видимо-невидимо. Пришедшіе раньше сидятъ тутъ подъ деревьями, ожидая начала поздней литургіи. Нѣкоторые прилегли на травѣ, другіе бродятъ, разыскивая своихъ земляковъ.

Вотъ зазвонили частымъ перезвономъ. Заколыхался народъ, двинулся къ Великой церкви. Изъ митрополничьяго дома появилось шествіе: то владыка идетъ совершать литургію, а на встрѣчу ему на паперть церковную вышло духовенство въ свѣтлыхъ ризахъ, со свѣчами и крестомъ.

Великая лаврская церковь горитъ свѣчами, блестятъ золотыя ризы на иконахъ, царскія двери открыты; съ хоръ раздается протяжное стройное пѣніе. «*Достойно есть яко воистинну блажити тя Богородицу*» поютъ пѣвчіе, а митрополитъ тѣмъ временемъ прикладывается къ мѣстнымъ иконамъ и святымъ мощамъ.

Приложившись къ иконамъ, святитель останавливается по срединѣ церкви на возвышеніи, и начинается торжественное его облаченіе. Затѣмъ совершается обѣдня. Сладостное чувство наполняетъ души богомольцевъ, когда они слушаютъ стройное, точно райское пѣніе, и усердными молитвами ихъ наполняется храмъ Божій.

По окончаніи обѣдни, на шелковыхъ шну-

рахъ, тихо, при торжественномъ пѣніи молитвы: «*Подъ твою милость прибѣгаемъ, Богородице Дѣво*», спускается, помѣщенная надъ царскими вратами, чудотворная икона Успенія Божіей Матери.

Богомольцы одинъ за другимъ подвигаются къ иконѣ и по очереди прикладываются къ ней.

«*Подъ твою милость прибѣгаемъ, Богородице Дѣво, моленій нашихъ не презри въ скорбѣхъ, но отъ бѣдъ избави насъ, едина чистая и благословенная*», повторяютъ въ умиленіи молящіеся передъ образомъ Утѣшительницы скорбныхъ.

Послѣ того, какъ все приложатся къ образу, онъ тихо подымается на высоту, на свое обычное горнее мѣсто.

Отъ иконы Успенія богомольцы идутъ приложиться къ ракъ преподобнаго Θεодосія, игумена Печерскаго и основателя обители. Поклонившись преподобному Θεодосію, они выходятъ боковыми дверьми на дворъ обительскій и ожидаютъ тамъ выхода изъ церкви благословляющаго народъ митрополита. Хотя домъ митрополичій почти рядомъ съ Великою церковью, но митрополитъ идетъ иногда весьма долго до него, неустанно благословляя подходящихъ къ нему богомольцевъ. Получивъ благословеніе, народъ расходится въ разныя стороны. Въ пещеры идти теперь не время: туда ходятъ утромъ. Тамъ въ подземныхъ ма-

лыхъ церквахъ служатся ежедневно обѣдни отъ 7 до 9 часовъ. Теперь богомольцы выходятъ за ограду. На-лѣво отъ святыхъ воротъ, за южную стѣною Лавры, построено много большихъ каменныхъ зданій для странниковъ; въ большую же гостинницу пускаютъ богомольцевъ бесплатно и тутъ же для нихъ и трапеза безвозмездная. За эту трапезою лѣтомъ питаются до 2,000 человѣкъ, а иногда болѣе того. Въ большіе же лаврскіе праздники, праздничная трапеза готовится во дворѣ самой обители. Всѣ странники и нишіе приглашаются къ этой трапезѣ. Самъ митрополитъ благословляетъ пищу и отвѣдываетъ ее. Тутъ бѣдные и странные сидятъ почетными гостями за монастырскимъ столомъ. Такъ было въ древнія времена при преподобныхъ Антоніи и Θεодосіи, такъ дѣлается и до сего дня въ память ихъ.

Возлѣ странно-пріимной гостинницы находится больница, гдѣ лечатъ заболѣвшихъ богомольцевъ. Между монахами есть врачи, служащіе при больницѣ.—За гостинницей идетъ спускъ внизъ, гдѣ находятся иконныя лавки. Спускъ этотъ оканчивается воротами, за которыми идутъ сады, разросшіеся на холмахъ крутого Днѣпровскаго берега. Подъ этими холмами почиваютъ Печерскіе угодники, въ подземныхъ келліяхъ, или пещерахъ, ископанныхъ ихъ же руками.

Пещеры. Рано утромъ, лишь только раздаст-

ся благовѣсть къ утрени, богомольцы спѣ-
шатъ въ Великую церковь.

По окончаніи утрени нѣкоторые остаются
въ Великой церкви, слушая молебны передъ
иконою Успенія, другіе же идутъ въ трапез-
ную церковь, къ беззвонной ранней обѣднѣ;
большая же часть богомольцевъ, запасшись
просфорами, направляется къ пещерамъ. По-
катый сходъ, устланый дикимъ камнемъ, ве-
детъ отъ двора Лавры къ такъ называемымъ
пещернымъ воротамъ. За этими воротами,
вдоль по отлогому склону горы, посреди са-
довъ монастырскихъ, спускается деревянный
крытый ходъ, съ просвѣтомъ по обѣ сторо-
ны. На всемъ протяженіи этого длиннаго пе-
рехода, по широкимъ его ступенямъ, сидятъ
нищіе и слѣпцы и протяжно поютъ акаѳистъ
сладчайшему Іисусу.

*«Іисусе, нищихъ одѣяніе—слышится по пу-
ти ихъ медленное пѣніе—Іисусе, вдовъ заступ-
леніе, Іисусе, сирыхъ защитниче, Іисусе, труж-
дающихся помощи, Іисусе, странныхъ настав-
ниче, Іисусе Сыне Божій, помилуй мя!»*

А вокругъ галлерей, изъ чаши лѣсной раз-
дается громкое, радостное щебетаніе птицъ,
во множествѣ привитающихъ въ этихъ мир-
ныхъ, уединенныхъ садахъ. Черезъ просвѣтъ
открывается обширный видъ на все Заднѣ-
провье, на темные Черниговскіе лѣса, а глу-
боко внизу мелькаетъ сквозь густую листву
синій Днѣпръ.

По выходѣ изъ галлерей, богомольцы приходятъ къ Воздвиженской церкви, которая уже съ ранняго утра наполнена народомъ. Народъ тѣснится около монаховъ, продающихъ свѣчи и записывающихъ на просфорахъ и бумажкахъ имена для поминовенія въ церквахъ пещерныхъ.

Церковь Воздвиженья построена надъ ближними пещерами, и въ одной изъ стѣнъ ея продѣлана небольшая дверь, черезъ которую спускаются въ самыя пещеры. Тѣсные и извилистые переходы пещерные не могутъ вмѣстить много народу. Монахи раздѣляютъ богомольцевъ на партіи и по-очередно совершаютъ съ ними хожденіе по пещерамъ.

Изъ алтаря выходитъ монахъ съ зажженою свѣчею, и приглашаетъ богомольцевъ зажечь свои свѣчи; и вотъ отпирается пещерная дверь. Монахъ входитъ первый, а вслѣдъ за нимъ, одинъ за другимъ, проходятъ богомольцы сквозь узкую дверь и тутъ же начинаютъ спускаться въ темное подземелье. Только свѣчи ихъ озаряютъ низкіе своды мрачнаго пещернаго корридора. Такъ идутъ они нѣкоторое время до перваго поворота; за поворотомъ издали блеснула лампада, горящая передъ иконою въ серебряной ризѣ. Эта икона и неугасимая лампада находятся въ кельѣ преподобнаго Антонія. Въ этой кельѣ преподобный подвизался многіе годы, и въ ней повелѣлъ похоронить себя.

Мощи его, согласно его смиренной волѣ, не были вынуты изъ земли. Рядомъ съ кельей Антонія находится маленькая церковь имени этого преподобнаго.

Поклонившись иконѣ и мѣсту погребенія преподобнаго, богомольцы идутъ далѣе. И вотъ имъ слышится издали пѣніе литургіи въ одной изъ подземныхъ церквей. Пѣніе то отдаляется, то приближается по мѣрѣ того, какъ богомольцы подвигаются впередъ, по извилистымъ пещернымъ переходамъ. Пѣніе становится слышнѣе, подземелье просторнѣе, и богомольцы входятъ въ пещерную церковь преподобнаго Варлаама, перваго игумена Печерскаго, въ которой и служится обѣдня. Въ самой церкви почиваютъ мощи этого преподобнаго.

Прослушавъ часть обѣдни, поклонники продолжаютъ обходъ пещеръ Антоніевыхъ. Монахъ, сопутствующій имъ, называетъ по именамъ святыхъ подвижниковъ, лежащихъ по сторонамъ переходовъ. Неподалеку отъ церкви Св. Варлаама покоится: Прохоръ Лободникъ, прозванный такъ отъ лебеды, которою онъ самъ питался и питалъ народъ во время голода; далѣе—Даміанъ цѣлебникъ, Аѳанасій затворникъ, Агапитель, врачъ безмездный, священномученикъ Кукша, обезглавленный язычниками, среди которыхъ проповѣдывалъ слово Божіе; Пимень многоболѣзненный, въ замѣнъ

здоровья получившій даръ исцѣлять другихъ; Несторъ лѣтописецъ и писатель житія преподобнаго Θεодосія, Моисей Угринъ и многіе другіе. Нѣсколько далѣе—Іоаннъ Многострадальный, вкопавшій себя въ землю по плечи. Глава его, покрытая пеленами и скуфьею, и по нынѣ выходитъ изъ земли. Усердные поклонники, прикладываясь къ честной главѣ святаго, надѣваютъ скуфью себѣ на голову. За нимъ слѣдуетъ Маркъ пещерникъ, или гробокопатель, Никола Святоша изъ князей Черниговскихъ, сдѣлавшійся добровольно вратаремъ Печерской обители, Алимпій иконописецъ, и многіе другіе подвижники и ревнители вѣры.

Въ серебряной ракъ поживаетъ Никонъ—четвертый игумень обители, сподвижникъ Антонія и другъ игумена Θεодосія. Далѣе по пути къ третьей подземной церкви, въ отдѣльномъ затворѣ, лежатъ рядомъ двѣнадцать братьевъ—строителей Великой церкви.

Въ преддверіи церкви во имя Введенія покоятся четыре угодника: Исаакій затворникъ, Илья Муромецъ, мученикъ Іоаннъ младенецъ и Никонъ Сухой, великій постникъ; онъ былъ взятъ въ плѣнъ дикими Половцами, напавшими на Кіевъ и ограбившими монастырь Печерскій. Истерзанннй и измученный, святой Никонъ чудеснымъ образомъ приплылъ по Днѣпру въ свою оби-

тель. Скорбные родители, бездѣтные и лишившіеся дѣтей прибѣгаютъ съ молитвою къ ходатайству Іоанна младенца о дарованіи имъ чадъ.

При выходѣ изъ церкви богомольцамъ даютъ испить ключевой воды, черпая ее мѣднымъ крестомъ Марка Пешерника.

За церковью Введенія заканчивается пещерный кругъ, и богомольцы, возвращаясь къ устью пещеры, выходятъ на вольный воздухъ, противъ алтаря той же Воздвиженской церкви, изъ которой они спустились въ Антоніевы пещеры.

Глубокій оврагъ отдѣляетъ Ближнія пещеры отъ Дальнихъ. Черезъ него въ видѣ моста перекинута деревянная галлерей, которая и приводитъ къ Зачатіевской церкви. Зачатіевская церковь построена надъ однимъ изъ входовъ въ Дальнія пещеры. Но ходъ изъ церкви неудобенъ, ибо очень тѣсенъ и крутъ. Для большаго удобства устроены наружный ходъ, на востокъ отъ церкви. Многими ступенями спускаются поклонники съ вершины холма и приходятъ въ небольшую каменную башню, служащую преддверіемъ Дальнихъ пещеръ. Оттуда съ зажженными свѣчами богомольцы снова спускаются въ подземелье.

Послѣ довольно долгаго перехода, поклонники проходятъ мимо затворовъ преп. Пафнутія и Аѳанасія. За симъ слѣдуетъ затворъ преп. Діонисія, бывшаго блюстителя этихъ

пещерь. При этомъ Діонисіи совершилось чудо. Во время пасхальной утрени онъ обходилъ пещеру съ кадиломъ и крестомъ и въ избыткъ духовной радости воскликнулъ, обращаясь къ почивающимъ угодникамъ: «Святые Отцы и Братія, Христось воскресе!» «Во-истину воскресе» отвѣчали ему преподобные. Послѣ этого чуда Діонисій удалился въ пещеры и жилъ въ затворѣ до конца дней своихъ.

Нѣсколько далѣе лежатъ мощи Теофила, епископа Новгородскаго, Григорія чудотворца, Игнатія цѣлебника, Θεодора, князя Острожскаго, защитника православія отъ католиковъ, окончившаго жизнь свою въ схимѣ, въ обители Печерской. Нѣсколько далѣе встрѣчаемъ мощи преподобныхъ: схимника Иларіона и Нестора «некнижнаго», такъ названнаго въ отличіе отъ мудраго и книжнаго Нестора лѣтописца, и затѣмъ слѣдуетъ церковь, самая древняя изъ церквей пещерныхъ: она ископана руками первыхъ подвижниковъ.

Вокругъ церкви покоятся преподобные: Павелъ послушливый, Титъ воинъ, отроки Леонтій и Геронтій—канонархи Печерскіе, игуменя Евфросинія, въ мірѣ княжна Полоцкая, и многіе другіе.

Подвигаясь далѣе, богомольцы приходятъ къ кельѣ, гдѣ трудился и молился Θεодосій, во время пещернаго уединенія своего, и куда впослѣдствіи, будучи уже игуменомъ и устройтелемъ обители, онъ часто приходилъ для

уединенной молитвы. Около келіи находится церковь имени преподобнаго Θεодосіа. Поклонившись еще нѣсколькимъ угодникамъ, богомольцы доходятъ до третьей подземной церкви—Рождества Христова.

У входа въ нее лежитъ преподобный Логинъ, вратарь Печерскій. Имъ заключается рядъ преподобныхъ, почивающихъ въ Дальнихъ пещерахъ.

Тутъ богомольцы, окончивъ свое благочестивое странствованіе, поднимаются по ступенямъ къ выходу, черезъ ту же башню, черезъ которую они прошли въ пещеры.

Не подалеку отъ Зачатьевской церкви, къ югу, крутая лѣстница ведетъ въ самую глубину оврага, отдѣляющаго Ближнія пещеры отъ Дальнихъ. Лѣстница приводитъ къ колодецу (криницѣ), называемому Θεодосіевымъ кладеземъ. Преподобный носилъ воду изъ этого колодца на вершину горы для potreбы братіи. По другую сторону оврага, при подошвѣ холма Ближнихъ пещеръ, находится другой колодезь, ископаный, по преданію, руками старѣйшаго изъ подвижниковъ этихъ благословенныхъ мѣстъ, преподобнаго Антонія.

Мѣсто около этого колодца, защищенное съ трехъ сторонъ горами, поросшее вѣковыми деревьями и окруженное глубокимъ безмолвіемъ, есть нынѣ единственное мѣсто Лавры, которое напоминаетъ о тѣхъ дебряхъ и лѣ-

сахъ, въ которыхъ спасались и уединялись древніе Печерскіе иноки.

Михайловскій Златоверхій монастырь. Помолвившись съ горячимъ усердіемъ въ святой обители Печерской, богомольцы спѣшатъ въ городъ Кіевъ—туда, гдѣ за крѣпостными стѣнами, за длинными улицами, за большими городскими строеніями и садами, на другой горѣ, высоко сіяютъ, издали видимыя, главы Софійскаго собора и Михайловскаго Златоверхаго монастыря.

Главная святыня Михайловскаго монастыря—мощи святой великомученицы Варвары.

Святая Варвара приняла муки и лютую смерть въ далекой землѣ Египетской, и честныя мощи ея вѣрующими были доставлены въ Царьградъ. Тамъ покоились они, пока не были даны въ благословеніе одной Греческой паревнѣ, вышедшей замужъ за одного князя Русскаго и перенесшей ихъ съ собою въ Кіевъ. Такъ говоритъ преданіе.

Изъ житія св. великомученицы мы узнаемъ, что она была единственная дочь богатаго и знатнаго язычника. Въ отроческомъ возрастѣ св. Варвара познала Евангеліе и такъ горячо возлюбила Господа, что сперва никакія увѣщанія, а потомъ и самыя жесточайшія муки не могли заставить ее отречься отъ Христа. Послѣ неимовѣрныхъ страданій она еще пламеннѣе молилась Небесному Жениху и весело, какъ на праздникъ, пошла на

смертную казнь, которая и была совершена надъ нею руками собственнаго отца ея, изувѣрнаго гонителя истинной вѣры.

Обезглавленное тѣло невѣсты Христовой лобызаютъ богомольцы и съ умиленіемъ слушаютъ акаѣистное ей пѣніе: «радуйся, Варваро, невѣсто Христова прекрасная!» Ежедневно по четвергамъ священнослужители выносятъ изъ алтаря икону св. страстотерпицы и совершаютъ передъ нею молебное пѣніе соборно. Икона эта украшена многими драгоценными камнями, пожертвованными нашими благочестивыми царями, царицами и другими благочестивыми людьми.

У воротъ монастыря богомольцы покупаютъ крестики, образки и перстни, и, положивъ ихъ на нѣкоторое время на мощи великомученицы, уносятъ съ собою на благословеніе, въ даръ роднымъ и землякамъ.

Памятникъ святому князю Владиміру и Крещатикъ. На горѣ, нѣсколько ниже ограды Михайловскаго монастыря, протянутой по самому верху, воздвигнуть *памятникъ* святому князю Владиміру. Вылитое изъ мѣди изображеніе просвѣтителя земли Русской стоитъ на высотѣ 19-ти аршинъ отъ земли. Равноапостольный князь держитъ въ правой рукѣ крестъ, высоко поднявъ его передъ собою, въ лѣвой—княжескую шапку. Одѣтъ онъ въ кафтанъ, на плечахъ у него княжеская мантия. Лицо его обращено на востокъ, къ Днѣпру, къ тому мѣсту,

куда онъ, по этой самой горѣ, спустился съ супругою своею, Греческою царевною Анною, съ дѣтьми своими и со всѣми боярами и слугами, въ предшествіи св. иконъ и духовенства, въ великій день крещенія народа Русскаго.

Подойдя ближе къ памятнику, мы видимъ его круглое подножіе съ пятью, устланными чугунными плитами, ступенями. На передней его части видимъ выпукло изображенное на мѣди крещеніе Кіевлянъ: тутъ женщины съ младенцами, отроки, мужи и старцы—кто по поясъ въ водѣ, кто по колѣни; крещаемыхъ благословляетъ святитель; князь Владиміръ стоитъ тутъ же, устремивъ очи къ небу, въ благодарной молитвѣ къ Богу за народъ свой.

Великій день тотъ, когда на Руси христіанство восторжествовало надъ язычествомъ и когда небо и земля ликовали, живо представляется всякому, кто, стоя у памятника Владиміра, смотритъ на высоко поднятый крестъ въ рукѣ его и на синѣющій внизу подъ горою Днѣпръ. Отъ памятника Владиміра далеко видны—прямо Заднѣпровье, а нѣсколько лѣвѣе Днѣпръ, который вьется между широкими лугами и огибаетъ нижній городъ, построенный у самыхъ водъ его, и потомъ уже пропадаетъ изъ виду подъ крутизной горы. Нижній городъ у водъ Днѣпра есть часть Кіева, именуемая «Подоломъ». Отъ памятника Владиміра можно легко спуститься

узкими дорожками, между деревьевъ, къ самой рѣкѣ.

Спустившись съ зеленой горы Владиміровой, мы пересѣчемъ мощеную, идущую поперекъ горы дорогу съ Подола на Крещатикъ, и тогда, по крутому спуску, ущельемъ дойдемъ до самыхъ водъ Днѣпра. Въ ущельѣ этомъ, внизу, шагахъ въ 50-ти отъ рѣки, надъ источникомъ ключевой воды выстроенъ другой гранитный памятникъ съ часовнею. Это и есть то самое мѣсто, куда Владиміръ созвалъ народъ свой для совершенія надъ ними крещенія. Въ тѣ времена въ ущельѣ текъ ручей, послѣ Владиміра именовавшійся *Крещати-комъ*.

Въ память крещенія Русской земли, въ день св. Владиміра, 15 іюля, совершается къ Крещатицкому источнику торжественный крестный ходъ. Изъ Софійскаго собора выходитъ крестный ходъ, съ митрополитомъ и двумя архіереями во главѣ, подходитъ къ Михайловскому монастырю и изъ-за стѣнъ его показывается на горѣ. Среди деревьевъ движется хоругвь за хоругвью, и все благолѣпное шествіе медленно, обойдя памятникъ Владиміра, спускается съ горы. На полдорогѣ слѣва подходитъ другой крестный ходъ—изъ монастырей и церквей Подола, а справа со стороны густаго царскаго сада, третій—изъ Печерской лавры. Всѣ три крестные хода, сливаясь во едино, участвуютъ въ молебномъ пѣніи, которое совершаетъ ми-

трополить въ самомъ ущельѣ, въ часовнѣ Крещатицкаго источника.

Слава князя-просвѣтителя въ тотъ день оглашаетъ всѣ холмы Стараго Кіева—отъ высоты памятника до водъ Днѣпра, справедливо названнаго «чистою купелью Руси».

Десятинная церковь. Однажды—это было при Владимірѣ, когда онъ былъ еще язычникомъ,—вздумали въ благодарность за побѣду принести истукану человѣческую жертву. Бросили жребій, и онъ палъ на юношу-христіанина, прекраснаго лицомъ и душой. Юноша этотъ, по имени Іоаннъ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, Теодоромъ, принялъ христіанскую вѣру отъ Грековъ и держалъ ее въ тайнѣ. Когда посланные возвѣстили Теодору, что сынъ его по жребію долженъ быть принесенъ въ жертву богамъ, отецъ-христіанинъ сказалъ имъ: «Ваши боги не боги, а дерево; сегодня они есть, а на завтра сгніютъ; они не ѣдятъ и не пьютъ и не вымолвятъ слова. А есть Богъ единъ, Которому служатъ Греки: Онъ-то сотворилъ небо и землю, и человѣка, и звѣзды, и солнце, и луну, и всему далъ жизнь на землѣ. А эти боги что сотворили? Сами они сдѣланы руками людей. Не дамъ сына моего бѣсамъ!» Посланные передали этотъ отвѣтъ народу собравшемуся въ ожиданіи жертвы передъ идоломъ. Съ оружіемъ въ рукахъ народъ окружилъ жилище христіанина и разнесъ домъ его. Отецъ, держа сына за руку, съ твердостью сказалъ: «Ежели

идолы ваши на самомъ дѣлѣ боги, то пусть они сами отнимутъ отъ меня сына». Народъ бросился на него и убилъ его вмѣстѣ съ сыномъ.

Такъ пролилась мученическая кровь въ Кіевѣ незадолго до всенароднаго крещенія. Когда Владиміръ принялъ вѣру Христову, то онъ началъ истреблять идоловъ, а самага большаго изъ нихъ, Перуна, велѣлъ свалить, и, привязавъ къ хвосту лошадиному, палками толкать его съ горы къ Днѣпру. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ идолъ, Владиміръ, принявшій во крещеніи имя *Василія*, воздвигъ церковь въ честь Василія Великаго. Трехъ-святительская церковь замѣняетъ теперь древнюю церковь св. Василія. А на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ домъ христіанина, погибшаго мученическою смертью вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, Владиміръ заложилъ храмъ во имя Пресвятой Богородицы, или такъ называемую *Десятинную* церковь. Св. князь Владиміръ, когда храмъ былъ достроенъ, вошелъ въ него, помолился и воскликнулъ: «Вотъ я даю церкви сей отъ имѣнія моего и отъ городовъ моихъ *десятую* часть». Съ тѣхъ поръ и стала эта церковь называться церковью *Десятинной* Богородицы. Это была самая богатая и благолѣпная церковь на Руси до тѣхъ поръ, пока сынъ Владиміра, Ярославъ, не построилъ знаменитаго Софійскаго собора.

Десятинная церковь считалась одною изъ первыхъ святынь Кіева, и князья Русскіе, посѣщая этотъ городъ, считали своей обязан-

ностью поклониться: святой Софіи, Богородицѣ Десятинной и Печерской обители. Въ Десятинной церкви хранилась глава св. Климента, принесенная Владиміромъ изъ Корсуни, гдѣ онъ принялъ крещеніе. Въ эту же церковь онъ перенесъ мощи бабки своей Ольги, и тамъ же былъ погребенъ онъ самъ и супруга его, Греческая царевна Анна.

Церковь святого Андрея Первозваннаго. Въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ Десятинной церкви высится Андреевскій холмъ. Круто огибающая его улица спускается внизъ и, спускаясь, вьется между кряжей и буераковъ до домовъ нижняго города, Подола. Широкая чугунная лѣстница ведетъ на самый холмъ, къ церкви *Андрея Первозваннаго*. Эту бѣлую церковь съ пятью легкими серебряными главами, на ея высокомъ холму, какъ на зеленомъ подножіи, видно отовсюду. Она за нѣсколько десятковъ верстъ видна богомольцамъ, подходящимъ къ Кіеву съ лѣваго берега Днѣпра, съ сѣверной и восточной стороны. Ее издалека видитъ и тотъ, кто подходитъ къ Кіеву съ запада, съ Волынской стороны, и кто плыветъ водою по Днѣпру съ верховья. Въ особенности хороша эта церковь, когда глядишь на нее снизу, отъ водъ Днѣпра или изъ нижняго города—Подола: она словно спустилась съ облаковъ на крутой зеленый холмъ свой.

Взойдя, по чугунной лѣстницѣ въ 50 ступеней, на холмъ, богомольцы вступаютъ въ бла-

голѣпный, сіяющій золотыми украшеніями храмъ. Тамъ разсматриваютъ они живо изображенную картину проповѣди св. Андрея, а также другую картину, гдѣ представлено крещеніе Кіевлянъ, и поклоняются частицамъ мощей и подобію креста, на которомъ былъ распятъ первозванный апостоль.

Помолившись въ церкви, богомольцы по долгу остаются на холмѣ и двигаются вокругъ церкви, опираясь на окружающія вершину холма чугунныя перила.

Отсюда видны на большое пространство Днѣпровскіе берега и самый Днѣпръ. Тутъ не наглядисься на разбросанныя по ущельямъ слободы, на усадьбы городскія и сады по горѣ, на Подоль, въ которомъ можно пересчитать всѣ церкви, разсмотрѣть всѣ монастыри и улицы. Влѣво за Подоломъ возвышается вторая гора Кіевская, съ кладбищенскою церковью.

Софійскій соборъ. Софійскій соборъ стоитъ среди двора, обнесеннаго большою каменною стѣною и строеніями, принадлежащими духовному вѣдомству. Большая колокольня, подъ которою находятся святыя ворота, стоитъ какъ разъ противъ Михайловскаго монастыря, къ западу отъ него, на самой срединѣ горы Старо-Кіевской.

Вступивъ изъ святыхъ воротъ внутрь двора Софійскаго, богомольцы видятъ, наконецъ, первопрестольный соборъ прежнихъ митрополитовъ всея Руси. Издали, еще съ высотъ Пе-

черской горы, манили ихъ золотыя главы горы Старо-Кіевской. Теперь они могутъ пересчитать всѣ 15 главъ собора. Передъ ними и древніе выступы надъ алтаремъ и жертвенникомъ, и пристройки позднѣйшихъ вѣковъ. Къ святымъ воротамъ соборъ обращенъ восточною своею стороною—алтаремъ. Чтобы достигнуть западной части, т. е. главнаго входа, надо обойти его вокругъ, но главный входъ открывается только во дни архіерейскаго служенія.

Богомольцы обыкновенно входятъ въ Кіевскую Софію съ южной стороны и, минуя рядъ придѣльныхъ иконостасовъ, приближаются къ самой срединѣ церкви—къ главному престолу. По другую сторону главнаго престола опять идутъ придѣлы. Всѣхъ престоловъ въ Софійскомъ храмѣ 17; нѣкоторые изъ нихъ помѣщаются на хорахъ, во второмъ ярусѣ собора.

Отрадно двигаться подъ многими сводами Софійскаго храма и разглядывать священныя изображенія. Но особенно отрадно стоять въ срединѣ церкви, гдѣ верхняя ея часть освѣщена многими окнами, гдѣ высокій куполь и столпы украшены чудными изображеніями и гдѣ съ высоты свода главнаго алтаря глядитъ на молящихся, въ большихъ размѣрахъ изображенная, *Прсвятая Дѣва* съ воздѣтыми кверху руками. Яркими цвѣтами блестятъ ея одежды подъ бѣлымъ покровомъ, опоясывающимъ ее. Подъ столпами блестящій коверъ; все поле иконы золотое. Если посмотрѣть попристаль-

нѣе, то легко можно замѣтить, что икона не писана красками, а составлена изъ мелкихъ каменьевъ разныхъ цвѣтовъ. Искусство составлять иконы и узоры изъ мелкихъ камней или разноцвѣтнаго стекла называется «мозаическимъ» искусствомъ или «мусіею».

Это изображеніе Царицы Небесной, молящейся за родъ людской, народъ издревле зоветъ: «*Нерушимую Стѣною*». И въ самомъ дѣлѣ: девятое столѣтіе существуетъ и сохраняется этотъ ликъ Богородицы нерушимо и благолѣпно, такимъ точно, какимъ онъ былъ во дни храмоздателя. Съ западной части хоръ, противъ царскихъ дверей, гдѣ обыкновенно стоятъ пѣвчіе, особенно хорошо видна осѣняющая собою храмъ «Нерушимая Стѣна». Когда растворены царскія двери, всѣмъ молящимся видно мозаичное, въ большихъ размѣрахъ, изображеніе Тайной вечери, находящееся въ алтарѣ, за престоломъ. Два раза изображенъ здѣсь Иисусъ Христосъ. По обѣ стороны трапезы стоитъ Онъ въ золотомъ хитонѣ и голубой верхней одеждѣ. Съ одной стороны подходятъ къ Нему шесть учениковъ и Онъ подаетъ имъ хлѣбъ, а съ другой—остальнымъ шести подаетъ чашу; ангелы въ бѣлыхъ одеждахъ держатъ рипиды надъ хлѣбомъ и чашей—тѣломъ и кровію Господа.

Въ главномъ иконостасѣ Софійскаго собора, сіяющемъ золотыми окладами, помѣщена и храмовая икона Софіи, т. е. Премудрости Божіей.

Премудрость Божія представлена въ лицѣ Пресвятой Дѣвы. Она стоитъ на облакѣ и лунѣ; надъ нею сѣнь, утвержденная на семи столпахъ. Надъ сѣнію надпись: «Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь». На персяхъ Богородицы Божественный Младенецъ съ благословляющей десницею; сверху Богъ Отецъ и Духъ Святой, отъ Него исходящій. На ступеняхъ передъ Матерью Божіею стоятъ протцы и пророки...

Храмовой праздникъ въ Софійскомъ храмѣ торжествуется 8 сентября, въ день Рождества Пресвятой Богородицы.

Братскій и другіе монастыри Кіевскіе. Въ субботній день богомольцы спускаются съ горъ Кіевскихъ на Подоль, гдѣ въ *Братскомъ* монастырѣ совершается, большею частию архіерейскимъ служеніемъ, акаѣистное молебное пѣніе передъ образомъ Братской Божіей Матери.

На иконѣ этой изображена Богородица съ Младенцемъ на рукахъ. Образъ прежде находился въ Вышгородѣ, въ церкви св. Бориса и Глѣба. Два столѣтія тому назадъ Крымскіе Татары раззорили Вышгородъ и икону Пресвятой Богородицы бросили въ Днѣпръ. Волной прибило ее къ Братскому монастырю, и монашествующая братія съ благодарственными молитвами внесла многочтимую святыню въ свою церковь. И съ тѣхъ поръ еженедѣльно, по субботамъ, совершается предъ нею торжественное пѣніе.

За Лаврою, верстахъ въ двухъ отъ Дальнихъ пещеръ, на крутомъ берегу Днѣпра, почти надъ самымъ мостомъ желѣзной дороги, красуется монастырь *Выдубицкій*. Названіе «Выдубицкій» поясняютъ тѣмъ, что на этомъ мѣстѣ выплылъ прибитый волною къ берегу идолъ, низринутый святымъ Владиміромъ въ Днѣпръ съ вершины горы Старо-Кіевской. Многіе язычники бѣжали по берегу рѣки и вопили къ идолу: «*выдыбай* (то есть—выплывай), нашъ боже!».

У того мѣста, гдѣ былъ потопленъ идолъ, первый митрополитъ Кіевскій Михаилъ въ память побѣды христіанства надъ язычествомъ соорудилъ церковь во имя архистратига Михаила. Внукъ святаго Владиміра Всеволодъ (отецъ Владиміра Мономаха) устроилъ здѣсь монастырь. Въ немъ—древняя соборная церковь Архангела Михаила и большой, всего еще два столѣтія существующій, храмъ великомученика Георгія.

Внизъ по Днѣпру, еще далѣе Выдубицкаго монастыря, верстахъ въ пяти отъ него, находится вѣковой лѣсъ Печерской лавры и въ немъ *Китаевская* пустынь съ церковью Святой Троицы.

Богомольцы отдыхаютъ въ тѣни густыхъ лѣсовъ Китаевской пустыни. Прямо изъ лѣсу, по отлогому берегу, выходятъ они къ Днѣпру и купаются въ его чистыхъ струяхъ. Обновленные силами, помолившись еще разъ въ

Лаврѣ, они предпринимають многотрудный обратный путь во-свояси.

И на всю жизнь остается въ душѣ у нихъ воспоминаніе о мѣстахъ, гдѣ началось русское христіанство, гдѣ прославились подвигами вѣры и любви русскіе угодники—и гдѣ Богъ прославилъ ихъ.

И за тысячи верстъ отъ Кіева, въ переднемъ углу иной избы или хаты, или въ кіотѣ зажиточнаго хозяина, можно найти образъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ и ликъ святой Варвары. Эти издалека принесенныя иконы въ теченіе многихъ лѣтъ напоминають внукамъ о томъ, что дѣды ихъ побывали у святынь Кіевскихъ.

2. Святая Почаевская Успенская Лавра *).

Внѣшній видъ святой лавры. Святая Почаевская Успенская лавра находится въ Волынской губерніи, въ 8-ми верстахъ отъ Австрійской границы, въ 24-хъ верстахъ отъ уѣзднаго города Кременца и въ 300-хъ отъ губернскаго—Житомира.

Богомольцы подходятъ къ св. обители Почаевской четырьмя дорогами. Съ сѣверо-востока идетъ дорога Кременецкая, по обѣ стороны ея дремучій лѣсъ. По мѣрѣ приближенія къ лаврѣ лѣсъ становится рѣже, затѣмъ начи-

*) По разказу Ө. Четыркина.

нается прекрасная монастырская роща, гдѣ утомленный богомолецъ можетъ найти пріятный отдыхъ подѣ тѣнью вѣковыхъ дубовъ.

Сѣ юго-востока идетъ дорога изъ мѣстечка Вишневца. Сѣ этой стороны видѣ святой лавры, со всѣми ея громадными зданіями, открывается во семь величій и красотѣ. Предѣ самымъ Почаевомъ дорога усажена липами, образующими прекрасную аллею.

Сѣ южной стороны дорота идетъ изъ селенія Лосятина. Такъ какъ главный храмъ лавры алтаремъ обращенъ къ сѣверу, то отсюда взору приближающагося богомольца представляется величественная лицевая сторона храма съ золочеными главами.

Сѣ запада—дорога Раздзивиловская. Здѣсь въ ложбинѣ, за три версты отъ лавры, за холмами скрывается селеніе Старый Почаевъ, извѣстное своими богатыми родниками ключевой воды, которою пользуется лавра: вслѣдствіе гористаго мѣстоположенія въ ней нѣтъ ни рѣкъ, ни ключей.

Почаевская Успенская лавра стоитъ на высокой каменистой горѣ—отрогѣ горъ Карпатскихъ. Почаевская гора возвышается отвѣсно надъ площадью на 35 сажень. При подошвѣ горы съ трехъ сторонъ расположено мѣстечко Почаевъ, а съ четвертой стелется густой прекрасный лѣсъ, доставляющій богомольцамъ въ лѣтніе жары прохладную тѣнь и пріятное мѣсто отдыха. Входъ въ лавру открывается двумя вратами съ восточ-

ной и западной сторонъ, изъ которыхъ восточныя называются главными или святыми. Къ нимъ ведетъ, по склону горы, прекрасная, прямая и обширная аллея, обсаженная двумя рядами высокихъ тополей, по той и другой сторонѣ которыхъ идутъ тротуары изъ бѣлаго камня, украшенные красивою рѣшеткою. Къ лаврѣ съ южной и сѣверной сторонъ примыкають два лаврскіе сада, обведенные также, какъ и самая лавра, каменною оградюю.

Главный соборный храмъ Успенія Божіей Матери съ примыкающими къ нему зданіями, по красотѣ и величественному виду, по живописному мѣстоположенію, привлекаетъ взоръ и сердце приближающагося къ лаврѣ богомольца и оставляетъ въ душѣ его глубокое впечатлѣніе.

Храмъ Успенія Божіей Матери стоитъ почти на самомъ утесѣ горы. Храмъ этотъ, по своей обширности, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду храмовъ въ Россіи. Высота его 28 сажень, ширина—20, длина 27 сажень; только на восемь сажень онъ короче храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Передъ входомъ съ трехъ сторонъ—галлерея, огражденная надъ стремниной горы желѣзною рѣшеткою, вдѣланною въ 30-ти каменныхъ столбахъ. Виды окрестностей съ этой галлерей прекрасныя. На востокъ синѣють Кременецкія горы и за ними цѣпь холмовъ, теряющихся въ дали отлогостей Карпатскихъ горъ. Съ юга открываются ближайшія деревни и зеленѣющія поля верстъ на пять

въ окружности. А тамъ вдали опять горы, какъ бы упирающіяся въ небо съ едва замѣтными синѣющими вершинами. То видны возвышенности полей Червонной, или Галицкой Руси, нынѣ находящіяся уже за предѣлами нашего отечества: на нихъ бѣлѣются зданія Подкаменецкаго католическаго монастыря.

Въ общемъ видѣ своемъ Успенскій соборъ имѣетъ форму крестообразную и состоитъ изъ четырехъ-угольныхъ высокихъ пятиэтажныхъ башенъ, увѣнчанныхъ шарообразными куполами и крестами. Превосходный, громадный осмигранный куполь, возведенный на перекресткѣ церкви, своею высотой далеко превосходящій боковыя башни, вѣнчаетъ все зданіе. Его крыша, совместно съ крышами боковыхъ башенъ, покрыта листовымъ золотомъ. Крестъ и подъ нимъ шаръ на куполѣ, равно какъ и другіе шесть крестовъ съ шарами на башняхъ и четырехъ фронтонахъ, позолочены чрезъ огонь.

Величественный храмъ этотъ двухъ-этажными корридорами съ восточной и западной сторонъ вблизи алтарной части соединяется съ братскимъ корпусомъ. Этотъ корпусъ громаденъ: имѣетъ длины 101 сажень. Въ немъ два храма: теплый Свято-Троицкій соборъ и больничная церковь во имя св. великомученицы Варвары. Съ правой стороны отъ собора возвышается колокольня въ 29 сажень высоты.

Святыя врата лавры представляютъ обращенное лицевою стороною къ востоку двухъ-этажное зданіе съ двумя колоннами. Надъ св. вратами икона Божіей Матери, предъ которою теплится неугасимая лампада. По входѣ въ св. врата на лѣвой сторонѣ архіерейскій домъ, въ которомъ устроена крестовая церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла, а на правой—гостинница, лаврская типографія и хозяйственныя постройки.

Успенскій соборъ съ прилегающими къ нему лаврскими зданіями стоитъ на самомъ краю южнаго утеса горы Почаевской, поднимающагося надъ уровнемъ окружающей его мѣстности на 35 сажень, и имѣетъ въ высоту 28 сажень. Можно судить послѣ этого, какую величественную картину представляетъ Почаевская лавра взорамъ богомольца, особенно когда онъ подходитъ къ ней съ южнаго подножія горы Почаевской или съ южныхъ полей, окружающихъ Почаевъ, съ которыхъ лавра представляется какъ бы висящею въ воздухѣ. Съ нѣкоторыхъ мѣстносей она видна за сорокъ и болѣе версть.

Святыни Почаевской лавры. Войдемъ внутрь соборнаго храма Успенія Божіей Матери. Здѣсь хранится главнѣйшая святыня Почаевской лавры «Святая цѣльбоносная стопа Богоматери». Она находится у первой колонны отъ входа съ правой стороны. Надъ ней возвышается золоченый балдахинъ, въ видѣ часовни, на четырехъ

столбахъ съ большимъ крестомъ наверху. Надъ самую стопою стоитъ ковчегъ изъ толстаго желтаго стекла съ бронзовою доскою поверхъ и бронзовымъ изображеніемъ явленія Божіей Матери на скалѣ Почаевской въ столпѣ огненномъ.

Богомалець можетъ видѣть стопу Богоматери, наклонясь въ небольшое отверстие, устроенное у подножія ковчега, надъ самымъ цѣльбоноснымъ источникомъ. Тутъ же, поверхъ ковчега, предлагается богомольцамъ для лобзанія изображеніе цѣльбоносной стопы, такъ какъ прикладываться къ самой стопѣ нельзя по причинѣ ея положенія подъ поломъ. Въ то же время особый іеромонахъ, называемый «стопочнымъ», черпаетъ серебрянымъ ковшомъ воду изъ стопы и предлагаетъ богомольцамъ для питья, помазанія очей и т. п.

Здѣсь же желающіе могутъ приобрѣтать «стопочную воду», которая для этого нарочно готовится въ особыхъ бутылочкахъ съ выпуклымъ изображеніемъ стопы, за лаврскою печатью.

При стопѣ Богоматери видимо открывалась и открывается доселѣ благодатная сила и помощь Приснодѣвы. Многочисленные чудеса отъ стопы Божіей Матери описаны въ книгѣ «Гора Почаевская».

Вторая святыня Успенскаго собора — это Чудотворная Икона Божіей Матери. Она поставлена въ иконостасѣ собора. Въ 1850 году

графинею Анною Алексѣвною Орловою-Чесменской для этой иконы устроенъ серебряный, вызолоченный кіотъ, цѣнностію около 8 тысячъ рублей. Въ 1866 году св. икона, стараніемъ преосвященнаго архіепископа Волынскаго Антонія, украшена богатою золотою ризою. Извѣстнѣйшіе случаи чудотвореній, истекшихъ отъ сей иконы, описаны въ книгѣ «Гора Почаевская». О благодатныхъ исцѣленіяхъ и чудотвореніяхъ, изливаемыхъ отъ святой иконы въ нынѣшнія времена, свидѣлствуютъ привѣски и образки, приносимые богомольцами въ благодарность за полученныя ими исцѣленія.

Поклонившись святынямъ соборнаго храма Почаевскаго, богомольцы проходятъ, чрезъ цѣлый рядъ расположенныхъ въ особой галлерей лѣстницъ, въ Пещерную церковь преподобнаго Іова, игумена Почаевскаго. Тутъ въ каменной цещерѣ, въ которой преподобный подвизался при своей жизни и которая соединена съ Пещерною церковію, лежатъ нынѣ его св. мощи подъ навѣшными каменистыми сводами.

Святая Почаевская лавра сдѣлалась оплотомъ православія на западной окраинѣ Россіи подъ сѣнію чудотворной иконы Богоматери, которая не уступила своего наслѣдія латинянамъ и униатамъ. И далеко, еще изъ города Дубно, на первыхъ отрогахъ Угорскаго и Русскаго Карпата, надъ густыми лѣсами, покрывающими ихъ гребень, подымается этотъ крайній столпъ пра-

вославія у самага рубежа Галиціи—высокая колокольня Почаевской Лавры; золотымъ крестомъ своимъ осѣняетъ она на обѣ стороны, къ востоку и западу, и православную, и уніатскую Галицкую Русь, въ надеждѣ на ихъ близкое сліяніе. Бѣлый призракъ ея колокольни, ничѣмъ не заслоненный со стороны запада, какъ завѣтная хоругвь, издали манить къ себѣ бывшихъ единовѣрцевъ нашихъ и зоветъ ихъ гуломъ своего колокола, который родственно откликается въ ихъ сердцахъ.

3. Полтава.

Полтава знаменита побѣдою, одержанною близъ нея Петромъ I-мъ надъ Карломъ XII-мъ 27 іюня 1709 года. Встарину она была обведена землянымъ валомъ съ пятью воротами; но въ настоящее время отъ ея прежнихъ укрѣпленій не осталось и слѣдовъ.

Въ числѣ полтавскихъ достопримѣчательностей, напоминающихъ славную побѣду Петра, обращаетъ на себя вниманіе деревянная, низенькая церковь Спаса. Она стоитъ на площадкѣ, недалеко отъ мѣста, на которомъ въ старину находились Куриловскія ворота. Церковь эта достопамятна тѣмъ, что здѣсь, по преданію, жители Полтавы, осажденные шведами и терзаемые голодомъ, молились и клялись не сдаваться; а послѣ побѣды Петръ

Великій здѣсь принесъ первое молебствіе, поселившись вблизи, въ домѣ одного полтавскаго обывателя.

Чтобы предохранить церковь Спаса отъ разрушенія, надъ нею устроена каменная одежда; внутри-же церкви для поддержанія стѣнъ возведены четыре каменные столба.

Домикъ, въ которомъ Петръ I отдыхалъ послѣ полтавскаго сраженія, давно уже не существуетъ; но всякій въ городѣ укажетъ теперь мѣсто близъ церкви Спаса, гдѣ онъ стоялъ. На этомъ мѣстѣ воздвигнуть въ 1847 году бронзовый памятникъ, представляющій четырехугольный массивный столбъ на гранитномъ основаніи. Сверху столба—шлемъ, щитъ и мечъ. На сторонѣ, обращенной къ церкви Спаса, надпись:

«Здѣсь Петръ I покоился
послѣ трудовъ своихъ
27 іюня 1709 года.
Благоговѣй!
Мѣсто свято есть!»

Кромѣ памятника подлѣ церкви Спаса, въ Полтавѣ есть также другой монументъ, напоминающій побѣду русскихъ надъ шведами. Онъ находится на главной площади города, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, побѣдитель Карла XII былъ впервые встрѣченъ жителями Полтавы. Памятникъ этотъ состоитъ изъ чугунной колонны на гранитномъ

пъедесталѣ; сверху колонны орель съ распро-
стертými крыльями, обращенными къ друго-
му памятнику въ честь Петра I, къ Полтав-
скому Петровскому кадетскому корпусу. На
пъедесталѣ памятника находится надпись: «ію-
ня 27 дня 1709 года».

Въ шести верстахъ отъ Полтавы, близъ
дороги на Диканьку и Зеньковъ, находится
такъ-называемая Шведская могила, гдѣ погре-
бены русскіе воины, павшіе въ Полтавскомъ
бою. Эта огромная могила имѣетъ въ окру-
жности при подошвѣ около 52 сажень, на верх-
ней площадкѣ 4 саж. и въ отвѣсѣ 5 сажень.
Отъ посѣщающихъ могилу вершина ея и бо-
ка раздѣлены на-крестъ четырьмя тропинка-
ми; дожди размыли эти тропинки и могила
кажется составленною изъ двухъ насыпей.
Похоронивъ убитыхъ воиновъ 28 іюня 1709 го-
да, Петръ I собственноручно водрузилъ надъ
могильнымъ холмомъ крестъ съ надписью:
«Воины благочестивые, за благочестіе кровію
вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Сло-
ва 1709, іюня 27 дня». Лѣтъ тридцать тому
назадъ, на мѣсто этого стараго за ветхостью
снятаго креста поставленъ новый съ надписью,
слова которой взяты изъ рѣчи Петра Великаго
къ воинамъ, наканунѣ битвы: «А о Петръ вѣдай-
те, что ему жизнь не дорога; только бы жила
Россія, благочестіе, слава и благосостояніе ея».

На другой сторонѣ креста находится над-
пись, въ которой означено, что подъ моги-

лою погребены: 1 бригадиръ, 2 полковника, 1 подполковникъ, 3 маіора, 45 оберъ-офицеровъ, 1,293 капрала и рядовыхъ, всего— 1,345 человекъ. Ежегодно у подножія холма со времени Петра I-го совершается въ день 27 іюня торжественная панихида.

Близъ Шведской могилы воздвигнута въ новѣйшее время церковь во имя преподобнаго Сампсонія, четырехугольная, очень простой архитектуры; а съ другой стороны могилы выстроены два дома для инвалидовъ-сторожей. Поле, на которомъ происходило полтавское сраженіе, видно съ могилы, какъ на ладони.

11 сентября 1895 г. освященъ новый памятникъ, воздвигнутый на Шведской могилѣ. Онъ представляетъ собою крестъ, вышиною въ 9 аршинъ, изъ сердобольскаго гранита, окруженный чугунной оградой. Подъ крестомъ на сторонѣ, обращенной къ церкви, имѣются приведенныя нами выше надписи. Передняя часть могилы, противъ храма обнесена гранитною стѣною. Съ обѣихъ сторонъ этой стѣны къ памятнику ведутъ двѣ гранитныя лѣстницы, соединенныя вверху площадкой, отъ которой къ самому кресту идетъ еще лѣстница въ 24 ступени. Верхняя часть стѣны увѣнчана золотымъ гербомъ императора Петра I. На стѣнѣ сдѣлана слѣдующая надпись:

*«Сооруженъ въ 1894 году при Державѣ
Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра III распоряженіемъ Святѣйшаго Ср-*

нода, при святительствѣ преосвященнаго Иларіона, епископа Полтавскаго и Переяславльскаго, издивеніемъ тайнаго совѣтника Іосифа Степановича Судіенка, оставившаго денежный капиталъ на увѣковѣченіе великаго событія спасительной Полтавской победы».

Дорога отъ Рѣшетилówki до Полтавы не представляетъ уже того разнообразія въ видахъ, какими богата Малороссія. Это ровная степь, испещренная яркими полосами нивъ и разбросанными скирдами хлѣба; по сторонамъ только мелькають, какъ облачко на чистомъ небѣ, вдали чуть замѣтные хутора, или величественный дубъ, старинный жилецъ Украйны, торжественно и одиноко возносится среди необозримой пустыни. Грунтъ земли, состоя здѣсь большею частью изъ чернозема и глины, при малѣйшемъ дождѣ превращается въ топкую грязь, особливо въ осеннее время; лѣтомъ-же, при въѣздѣ въ городъ, путешественника окружають облака пыли. Самый видъ Полтавы съ этой стороны мало имѣетъ живописнаго, хотя площадь и обстроена большими каменными домами, которые были-бы приличны и столицѣ; городъ открывается не прежде, какъ по выѣздѣ изъ селенія Жуковки, когда станешь подниматься на гору. Но съ другой, противоположной дороги, Полтава представляется въ самомъ картинномъ видѣ. Городъ, кажется, виситъ на огромной горѣ, у

подножія которой разстиается обширная долина, богатая разнообразными группами деревъ, какъ будто растерянными отъ близстоящаго лѣса. Здѣсь, среди луговъ, извивается рѣка Ворскла, чистая, свѣтлая, знаменитая историческими событіями. Обширный косогоръ пересѣкается тремя долинами, раздѣляющими городъ на три части: Городскую, Подольскую и Заполтавскую. Скаты косогора, обнажая свои красноватые обрывы, мѣстами разцвѣченные яркою зеленью, мѣстами опущенные лѣсомъ, спускаются къ лугу рощами деревъ, наклонившихся отъ тяжести вишень, яблочъ, сливъ, грушъ и прочихъ плодовъ, произрастающихъ въ обилии и красотѣ подъ теплымъ Украинскимъ небомъ.

Полтавскій соборъ не представляетъ особенной древности. Въ немъ не замѣтно и великолѣпія; но два мѣстные образа Божіей Матери—высокой Италіанской работы. Мѣстоположеніе собора на горѣ и виды, отсюда представляющіеся, привлекаютъ надолго взоры очарованнаго путешественника. Но онъ пожалѣетъ, что гора эта, видимая за 30 верстъ, не избрана для постройки памятника и присутственныхъ мѣстъ, которые были-бы здѣсь удивительнымъ украшеніемъ для города.

Съ благоговѣніемъ приближаешься къ древней небольшой церкви, узнавъ, что въ ней Петръ I принесъ благодарственное молебствіе послѣ Полтавской побѣды; стѣны ея, покры-

тыя мхомъ, такъ почернѣли и сдѣлались рухлыми отъ времени, что кажется угрожаютъ паденіемъ. Внутри ея достойны замѣчанія семь Вселенскихъ Соборовъ, писанныхъ довольно хорошо какимъ-то Герасимомъ Нѣмымъ.

Недалеко отсюда возвышается памятникъ, въ видѣ пирамиды, устроенный на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ домъ, въ которомъ жилъ Полтавскій герой, спаситель отечества. Но нельзя не пожалѣть, что не сохранился домъ, въ которомъ жилъ онъ. Домъ сей состоялъ изъ трехъ маленькихъ проходныхъ комнатъ, къ которымъ примыкали находившіяся на дворѣ баня и кухня, но по ветхости кровли разобранъ, и только срубъ его сохраняется въ деревнѣ помѣщика Магденки.

По другую сторону улицы, противъ монументовъ, находится церковь во имя Исаакія Далматскаго, въ память дня рожденія Петра Великаго, въ которой замѣчательна вызолоченная доска, вынутая изъ стараго памятника, существовавшего до построения нынѣшняго близъ церкви; на сей доскѣ вырѣзана вся Полтавская баталія по модели, собственно-ручно выдѣланной изъ бронзы Петромъ I, и съ надписью.

Полтавскій памятникъ не огроменъ, но вся Полтава есть несокрушимый, вѣчный памятникъ Петра. Шведская могила отстоитъ отъ города верстахъ въ шести и представляетъ собою кур-

гань. По срединѣ его возвышается крестъ. Видъ съ кургана открытъ на далекое пространство: съ одной стороны выказывается монастырь, а немного правѣе и самая Полтава. Отсюда начинался лѣсъ, раздѣлявшійся на двѣ части небольшою ложиною. Отъ одной до другой были протянуты прямою линіей Русскія укрѣпленія, къ которымъ примыкали другія укрѣпленія; недалеко отсюда находилась и Шведская армія, а за лѣсомъ обширное поле—великій просторъ для военныхъ дѣйствій.

При наступленіи ночи, когда длинныя вечернія тѣни, стелющіяся по полю, сливаются въ одинъ безконечный покровъ,—мысль путника теряется во множествѣ историческихъ воспоминаній; окружающіе предметы оживаютъ въ воображеніи, возставая въ блескѣ изъ мрака. Здѣсь-то, въ виду Полтавы, провели нѣкогда ночь два противные воинства Карла XII и Петра I-го, не смыкая ни на минуту бодрственныхъ очей, безпрестанно наблюдая малѣйшее движеніе сопототивниковъ.

Горитъ востокъ зарею новой.

Ужъ на равнинѣ по холмамъ
Грохочутъ пушки, дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ,
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули,
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки,
Катятся ядра, свищутъ пули,
Нависли хладные штыки;

Сыны любимые побѣды,
Сквозь дымъ окоповъ рвутся Шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движится за нею,
И тяжелой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ,
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ;
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины,
Сдается пылкій Шлиппенбахъ.
Тѣснимъ мы Шведовъ рать за ратью,
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣвъ.
Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра: :
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенія быстры. Онъ прекрасенъ.
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ—
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь,
Почуя роковой огонь
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахъ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.

И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой;
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сии птенцы гнѣзда Петрова,
Въ премѣнахъ счастья земного,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи сыны:

И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Репнинъ,
И счастья баловень безродный
Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ;
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ, слабымъ маніемъ руки,
На русскихъ двинулъ онъ полки.
И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины:
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,

Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь рубятся съ плеча.
Бросая груди тѣль на груди,
Шары чугунные повсюду
Межь ними прыгають, разять,
Прахъ роютъ и въ крови шипять.
Шведъ, Русскій—колетъ, рубить, рѣжетъ;
Бой барабанный, крики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топоть, ржанье, стонъ—
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ..

.

Послѣ столь живаго, превосходнаго изображенія Полтавскаго боя, представленнаго единственнымъ въ поэтическомъ очеркѣ Пушкинымъ,—можетъ быть, покажутся излишними подробности сего боя; но всякая подробность битвы рѣшившей судьбу двухъ народовъ, замѣчательна, и потому скажемъ, что неукротимый Карлъ еще до зари напалъ на Русскіе укрѣпленія и овладѣлъ двумя недоконченными. Движеніе его было такъ быстро, что шведы провозглашали побѣду; но упорное сопротивленіе русскихъ въ другихъ окопахъ отразило Карла, стремившагося прорваться сквозь нихъ со всею арміею. Увлеченные запальчивостью, шведы погнались было за русскими эскадронами, но подвергли себя сильному огню съ баттарей, мимо которыхъ проходили. Лошади, впряженные въ носилки, на которыхъ находился Карлъ, были убиты. Карлъ отступилъ, но отъ зоркихъ взоровъ Петра не укрылось, что часть швед-

ской арміи подь начальствомъ генерала Росса, все еще вела аттаку. Въ 5 часовъ утра былъ отправленъ противъ него князь Меншиковъ съ пятью кавалерійскими полками и пятью баталіонами. Шведскій генераль отступилъ въ лѣсъ и тамъ принужденъ былъ сдаться окружившимъ его русскимъ полкамъ. Русская армія обогнула съ обоихъ концевъ шведовъ. Потерявъ выгоды своей позиціи, окруженные русскими, подверженныя безпрерывному грому русской артиллеріи, шведы пришли въ ужасный беспорядокъ. Напрасно раненый герой ихъ, Карль, на носилкахъ передъ рядами своими, старался заковать сердца въ свое желѣзное мужество, напрасно казался онъ непреодолимымъ, дерзко презирая смерть и всюду являясь передъ своими войсками, какъ страшный геній войны: въ глазахъ ихъ пушечное ядро разщепило и опрокинуло носилки. Не смотря на боль отъ раны, Карль пересѣлъ на лошадь. Шведы еще показали отчаянное сопротивленіе, но это было послѣднее судорожное усиліе, за которымъ послѣдовало общее бѣгство ихъ...

Ужь близокъ, близокъ часъ побѣды.
Ура! мы допимъ, гнутся шведы!
О, славный часъ! о, славный видъ!
Еще напоръ — и врагъ бѣжитъ...
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордь и ясень
И славы полонъ взоръ Его,
И царскій пиръ Его прекрасенъ
При кликахъ войска своего.
Въ шатрѣ своемъ Онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ!..

.....

Провидѣніе видимо оберегало Петра и его мужественныхъ сподвижниковъ: мѣткою пулею прострѣлена у него шляпа; другая была направлена прямо въ грудь вѣнценоснаго героя, но святой крестъ царя Константина, висѣвшій на груди его, удержалъ смертоносный ударъ ея. Фельдмаршалу Шереметеву пуля также пробилла насквозь стальную броню его; подъ Меншиковымъ были убиты три лошади. Русскіе потеряли въ сраженіи до 1350, а шведы въ семь разъ болѣе—9234 человекъ.

Хотя-бы рука времени и уничтожила скромный Полтавскій памятникъ, но одно мѣсто, на которомъ видна шведская могила, не перестанетъ привлекать сюда позднѣйшее потомство. Русскій гражданинъ и воинъ почтять здѣсь возрожденіе славы своего отечества, и самые чужеземцы будутъ жаднымъ взоромъ пробѣгать равнины Полтавскія, гдѣ Петръ I восторжествовалъ надъ первымъ полководцемъ своего времени!.. *).

*) По Свиньину.

Народныя и солдатскія пѣсни, передаютъ изъ рода въ родъ славное Полтавское дѣло. Пѣсенъ такихъ сохранилось много. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Наканунъ было Петрова дня, царскаго ангела,
Какъ не золотая трубынька вострубила,
Не серебрянна саповочка возыграла,
Какъ возговорить нашъ батюшка, православный царь,
Всей ли же Россіи Петръ Алексѣевичъ:
«Охъ вы, гои еси, князья со боярами!
«Пьете вы, ѣдите все готовое,
«Двѣтное платьице носите припасеное,
«Ничего-то вы не знаете, не вѣдаете;
«Еще пишетъ король шведскій во мнѣ грамотку,
«Онъ будетъ, король шведскій, во мнѣ кушати.»
Ужъ мы столки разставимъ—Преображенскій полкъ,
Скатерти разстелемъ—полкъ Семеновскій,
Мы вилки да тарелки—полкъ Измайловскій,
Мы поильце медяное—полкъ драгунушекъ,
Мы кушанья сахарны—полкъ гусарушекъ,
Потчивать заставимъ полкъ пѣхотушекъ.

* * *

Вечоръ-то инѣ, матушка, малымъ—мало спалося,—
Что малымъ-мало спалося, много видѣлося;
Какъ привидѣлось мнѣ, матушка, крута гора во снѣ,
Что на крутой горѣ бѣль-горючъ камень лежитъ,
А на замнѣ выросталъ часть-ракивовъ кустъ;
Какъ на кустикѣ сидитъ птица младъ-сизой орелъ,
Въ когтяхъ своихъ онъ держитъ черна ворона.
Какъ возговорить родная матушка:
— Ты дитя мое, дитя милое!..

Я тебѣ, дитя, сонъ этотъ разсужу:
Что круга гора—то каменна Москва;
Бѣль—горючъ камень—то нашъ Кремль—городъ.
А ракитовъ кустъ—то Кремлевскій дворецъ,
Сизой орелъ—то нашъ батюшка, православный царь,
А черной воронъ—то шведскій король.
Побѣдитъ нашъ Государь землю шведскую
И самаго короля во полонъ возьметъ».

* * *

Было дѣло подъ Полтавой,
Дѣло славное, друзья:
Мы дрались тогда со шведомъ
Подъ знаменами Петра.
Нашъ могучій Императоръ,
Память вѣчная ему,
Самъ родимый предъ полками,
Словно соколъ онъ леталъ,
Самъ ружьемъ солдатскимъ правилъ,
Самъ и пушку заряжалъ.
Бой кипѣлъ. Герой Полтавы,
Нашъ державный велikanъ
Ужъ не разъ грозою грянулъ
На могучій вражій станъ.
Пули облакомъ носились,
Кровь горячая лилась....
Вдругъ, одна злодѣйка пуля
Въ шляпу царскую впилась.
Видно, шведы промахнулись—
Императоръ усидѣлъ,
Шляпу снялъ, перекрестился,
Въ битву снова полетѣлъ.
Много шведовъ, много нашихъ

Подъ Полтавою легло.
Вдругъ, еще впилася пуля
Въ его царское сѣдло..
Не смутился Императоръ,
Взоръ, какъ молнія сверкалъ,
Конь не дрогнулъ отъ удара,
Но быстрѣе поскакалъ.
И какъ разъ и третья пуля
Повстрѣчалася съ Петромъ,
Прямо въ грудь она летѣла
И ударила, какъ громъ.
Диво дивное свершилось
Въ этотъ мигъ—царь усидѣлъ:
На груди его высокой
Чудотворный крестъ висѣлъ...
Съ визгомъ пуля отскочила
Отъ широкаго креста,
И спасенный побѣдитель
Славилъ Господа Христа.
Было дѣло подъ Полтавой,
Сотни лѣтъ еще пройдутъ,—
Эти царскія три пули
Въ сердца русскомъ не умрутъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Украйна. Стих. гр. А. Толстого.	стр. 2
---	--------

Природа Малороссіи.

1. Устройство поверхности и почва Малороссіи.	4
2. Малороссійскія степи.	8
3. Днѣпръ и днѣпровскіе пороги	11
4. Климатъ Малороссіи.—Растенія и животныя.	23
5. Украинская ночь	32
6. Лѣтній день въ Малороссіи	33

Малоруссы и ихъ бытъ.

1. Особенности тѣлеснаго и духовнаго склада малоруссовъ.	35
2. Лѣто въ малороссійской деревнѣ	42
3. Малороссійскія села и хутора.—Хаты и хозяйственные постройки.—Домашняя утварь	52
4. Одежда и пища	60
5. Набожность малоруссовъ.—Повѣрья и суевѣрія.	69
6. Народные обычаи—при крестинахъ, свадьбахъ и похоронахъ	85
7. Народная словесность: сказки, думы и пѣсни	101

Занятія и промыслы малоруссовъ.

1. Земледѣліе и его враги	126
2. Разведеніе свекловицы и табака.—Садоводство.—Скотоводство.—Пчеловодство.	153
Ночлеги чумаковъ. Стих. Кольцова	172
3. Отхожіе и домашніе промыслы	173

Достопримѣчательные города и мѣстности Малороссіи.

1. Кіевъ и его святыни.	193
2. Святая Почаевская Успенская Лавра	222
3. Полтава.	229

Отъ редакціи „ПРИХОДСКОЙ БИБЛІОТЕКИ“.

Въ настоящее время правительство и общественныя учрежденія озабочены развитіемъ грамотности и распространеніемъ въ народѣ полезныхъ знаній. Но учить не одна школа, а жизнь вообще и въ особенности хорошая книга. Школа не только должна научить читать, но и развить въ учащихся любовь къ чтенію и способность понимать доступную книгу. Не выполняя этихъ условій, школа не выполнять и своего назначенія. Естественною бытовою и духовно-просвѣтительною единицею земли русской является приходъ. Въ православномъ приходѣ, подъ стѣною церкви, создается школа, а рядомъ съ нею должна стоять приходская читальня и библіотека. Приходская школа и приходская библіотека тѣсно связаны между собою, взаимно дополняютъ другъ друга и одна безъ другой немислимы. Мы далеки отъ мысли что-либо сочинять для народа. Наша скромная цѣль — выбрать изъ области нашей богатой литературы все полезное и доступное для грамотнаго читателя. Редакторомъ и его сотрудниками руководить мысль, въмѣ-то давно высказанная, но рѣдко осуществляемая на дѣлѣ, что „народу вѣру только самое лучшее“. Конечно, нелегко выполнить эту задачу, но мы по мѣрѣ силъ будемъ стремиться къ ея осуществленію. Надѣемся на благосклонное содѣйствіе литераторовъ и ученыхъ нашихъ, сочувствующихъ распространенію образованія среди народа русскаго, жадно стремящагося къ свѣту ученія Христова и къ полезнымъ для жизни знаніямъ. Наше изданіе, выходящее отдѣльными выпусками (отъ 10 до 20 томиковъ каждый) и предназначенное для учительскихъ библіотекъ начальныхъ школъ, для сельскихъ и церковныхъ читаленъ и библіотекъ и вообще для чтенія грамотныхъ людей прихода, состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

I. Церковный. Извлеченія и цѣлыя статьи изъ твореній святыхъ отцовъ Церкви, замѣчательныя проповѣди, житія святыхъ и описаніе наиболее чтимыхъ православныхъ обителей.

II. Историческій. Очерки русской и славянской исторіи—церковной и гражданской. Жизнеописаніе замѣчательнѣйшихъ историческихъ дѣятелей русско-славянскаго міра. Описаніе историческихъ памятниковъ и мѣстностей.

III. Литературный. Лучшія, доступныя грамотнымъ людямъ, произведенія русской, славянской и иностранныхъ литературъ—въ цѣломъ видѣ, отрывкахъ и сокращеніяхъ, съ жизнеописаніями авторовъ и примѣчаніями.

IV. Географическій. Очерки природы, быта и промышленности Россіи и земель, населенныхъ славянами, съ приложеніемъ географическихъ картъ.

V. Сельскохозяйственный. Статьи и очерки сельскаго хозяйства и технологій, прилжительно къ разнымъ мѣстностямъ Россіи, съ указа-ніями на успѣхи сельскохозяйственныхъ знаній за границей.

VI. Пѣвческо-музыкальный.

Выпускъ I.

	Коп.
1. Псалтирь съ толкованіемъ для народнаго чтенія. I. «Шестопсалміе и богослужебные часы» . . .	30
2. Святыя мѣста и святыни на Востокъ и въ Россіи. Томъ I.	30
3. Москва, ея святыни и памятники. Избранныя статьи по описанію Москвы	30
4. Псалтырникъ. Повѣсть изъ галицко-русской народной жизни о. Іоанна Наумовича	20
5. Четыре путеводителя доброй жизни: страхъ Божій, мудрость, трезвость, трудъ. Разсказъ о. Іоанна Наумовича. Съ галицко-русскаго нарѣчія переложилъ А. Давидовичъ	20
6. Сироты. Историческая повѣсть для народа о. Іоанна Наумовича. Съ галицко-русскаго нарѣчія переложилъ А. Давидовичъ	20
7. Заѣтная три липы. Историческая повѣсть для народа о. Іоанна Наумовича. Съ галицко-русскаго нарѣчія переложилъ А. Давидовичъ	20
8. Избранныя сочиненія А. С. Пушкина. Томъ I.	35
9. Басни и баснописцы. Съ жизнеописаніями и примѣчаніями А. Филонова	25
10. Народная поэзія. Былины, пѣсни, духовные стихи. Съ введеніемъ и объяснительнымъ словаремъ. Составилъ А. Оксеновъ	30
11. Русская земля (природа страны, населеніе и его промыслы). Сборникъ для народнаго чтенія. Томъ I. Сѣверный край. Составилъ И. Поддубный.	30
12. Сельскій огородъ, плодовый и ягодный садъ. Составилъ В. Н. Маракуевъ	30

Выпускъ II.

1. Ученіе отцовъ Церкви православной о вѣрѣ и жизни христіанской (Статьи, избранныя изъ твореній отеческихъ). Томъ I. Проф. В. Θ. Пѣвницкаго	30
2. Псалтирь съ толкованіемъ для народнаго чтенія. Томъ II.	30
3. Святыя мѣста и святыни на Востокъ и въ Россіи. Томъ II. Составилъ П. Петрушевскій.	30
4. Во славу Божию. Сборникъ духовныхъ стихотвореній. Составилъ А. Оксеновъ	30
5. Главнѣйшія событія русской исторіи. Томъ I. Составилъ А. Поповъ	30
6. Подвижники и страдальцы за землю русскую. Составилъ священникъ Едлинскій	30
7. Преподобный Сергій Радонежскій чудотворецъ	30

8. Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность. Профессора И. И. Малышевскаго. Томъ I.	30
9. Никонъ святѣйшій патріархъ всероссійскій и основанный имъ Новый Іерусалимъ. Составилъ Г. Георгіевскій	30
10. Праздничныя службы и церковныя торжества въ старой Москвѣ. Составилъ Г. Георгіевскій.	30
11. Русская земля (природа страны, населеніе и его промыслы). Сборникъ для народнаго чтенія. Томъ II. Озерный край. Составилъ И. Поддубный. 30	
12. Избранныя сочиненія А. С. Пушкина. Томъ II.	30
13. Избранныя сочиненія А. С. Пушкина. Томъ III.	30
14. Максимъ богачъ или судъ Божій. Протоіерея Наумовича	30
15. Герои древней Греціи. Томъ I. Сост. I. Сениговъ	30
16. Герои древней Греціи. Томъ II.	30
17. Практическое пчеловодство. Сочиненіе Кована	30
18. Сельскохозяйственныя бесѣды. Полеводство. Составилъ Ѳ. Тарапыгинъ	30
19. Сельскохозяйственныя бесѣды. Скотоводство. (Лошадь, корова, овца и свинья). Составилъ Ѳ. Тарапыгинъ	30
20. Сельскіе хоры. Сборникъ для школьнаго и народнаго пѣнія. Редакція В. И. Шемякина и В. И. Главача	75

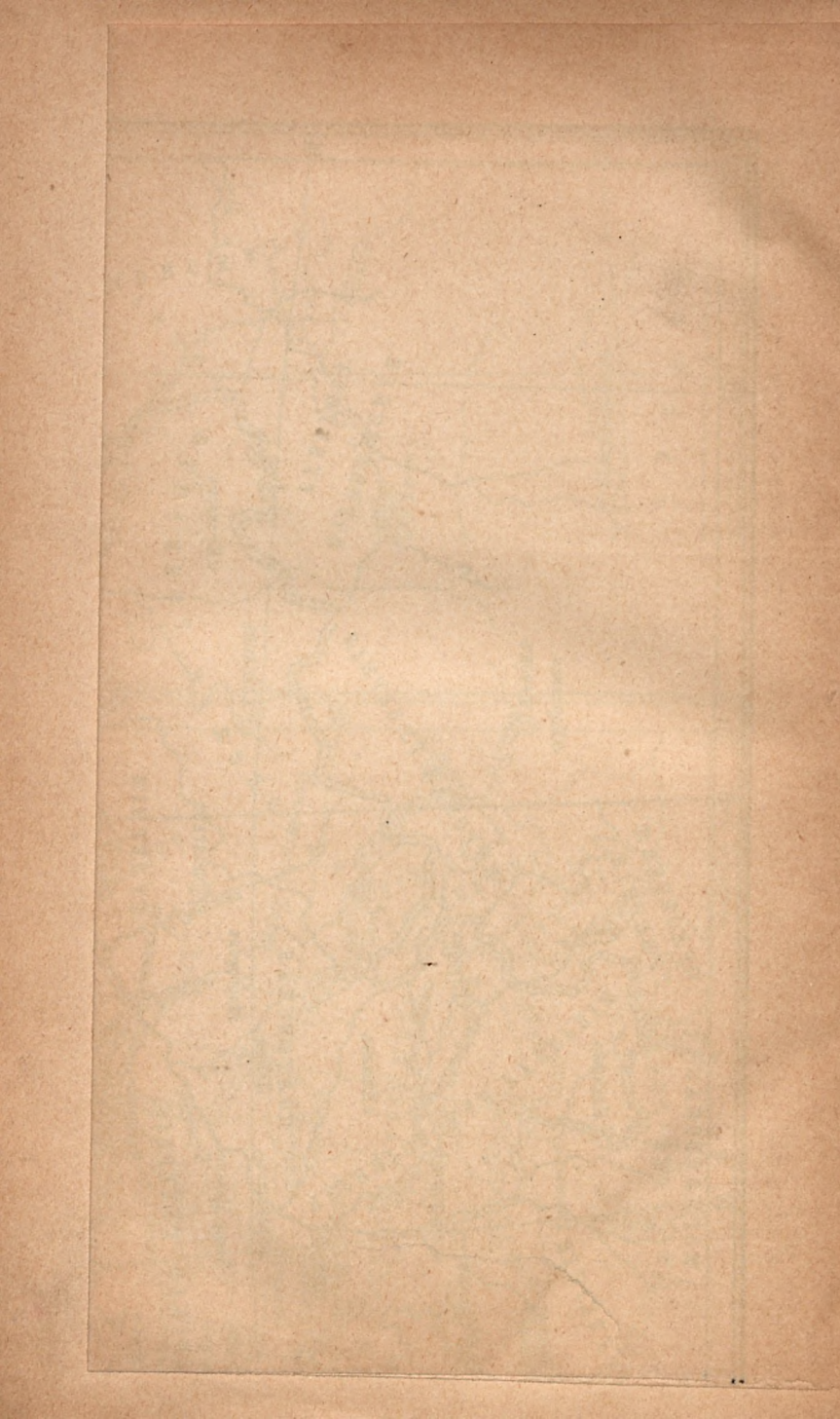
Выпускъ III.

1. Ученіе отцовъ Церкви православной. Томъ II. Ученіе о жизни христіанской. Проф. В. Пѣвницкаго	30
2. Святые отцы церкви, ихъ жизнь и писанія. Томъ I. Составилъ С. Пономаревъ	30
3. Тоже—т. II.	30
4. Святитель Христовъ Стефанъ Пермскій.	20
5. Кіевъ. Его святыни и памятники. Проф. Петрова	30
6. Главнѣйшія событія русской исторіи. Томъ II. Составилъ А. Поповъ	30
7. Тоже—т. III.	30
8. Русская земля. Томъ III. Волга-матушка. Составилъ Н. Благовидовъ	40
9. Русская земля. Томъ IV. Приуральскій край. Составилъ П. Н. Лупповъ	30
10. Русская земля. Т. V. Очерки Малороссіи	30

	Коп.
11. Н. В. Гоголь. Его жизнь и литературная дѣятельность съ образцами изъ его сочиненій. Томъ I. Составилъ П. Смирновскій	35
12. Тоже—т. II.	40
13. Родныя картины (избранныя стихотворенія и статьи). Сост. С. И. Миропольскій. Т. I. Весна.	20
14. Тоже—т. II. Лѣто.	20
15. Тоже—т. III. Осень	20
16. Тоже—т. IV. Зима.	20
17. Историческія стихотворенія. Сборникъ для народнаго чтенія. Съ объяснительными статьями и примѣчаніями. Составилъ А. Оксеновъ	30
18. Среди хозяевъ. Путевыя письма о лучшихъ хозяйствахъ средней Россіи. С. Шапапова	30

#18195.

	Коп.
8. Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность. Профессора И. И. Малышевскаго. Томъ I.	30
9. Никонъ святѣйшій патріархъ всероссійскій и основанный книгъ Новый Иерусалимъ. Составилъ Г. Георгіевскій	30
10. Праздничныя службы и церковныя торжества въ старой Москвѣ. Составилъ Г. Георгіевскій.	30
11. Русская земля (природа страны, населеніе и его промыслы). Сборникъ для народнаго чтенія. Томъ II. Озерный край. Составилъ И. Поддубный.	30
12. Избранныя сочиненія А. С. Пушкина. Томъ II.	30
13. Избранныя сочиненія А. С. Пушкина. Томъ III.	30
14. Максимъ богачъ или судья Божій. Протоіерея Наумовича	30
15. Герои древней Греціи. Томъ I. Сост. I. Сениговъ	30
16. Герои древней Греціи. Томъ II.	30
17. Практическое пчеловодство. Сочиненіе Кована	30
18. Сельскохозяйственныя бестды. Полеводство. Составилъ Ѳ. Тарапыгинъ	30
19. Сельскохозяйственныя бестды. Скотоводство. (Лошадь, корова, овца и свинья). Составилъ Ѳ. Тарапыгинъ	30
20. Сельскіе хоры. Сборникъ для школьнаго и народнаго пѣнія. Редакція В. И. Шемякина и В. И. Главача	75

Выпускъ III.

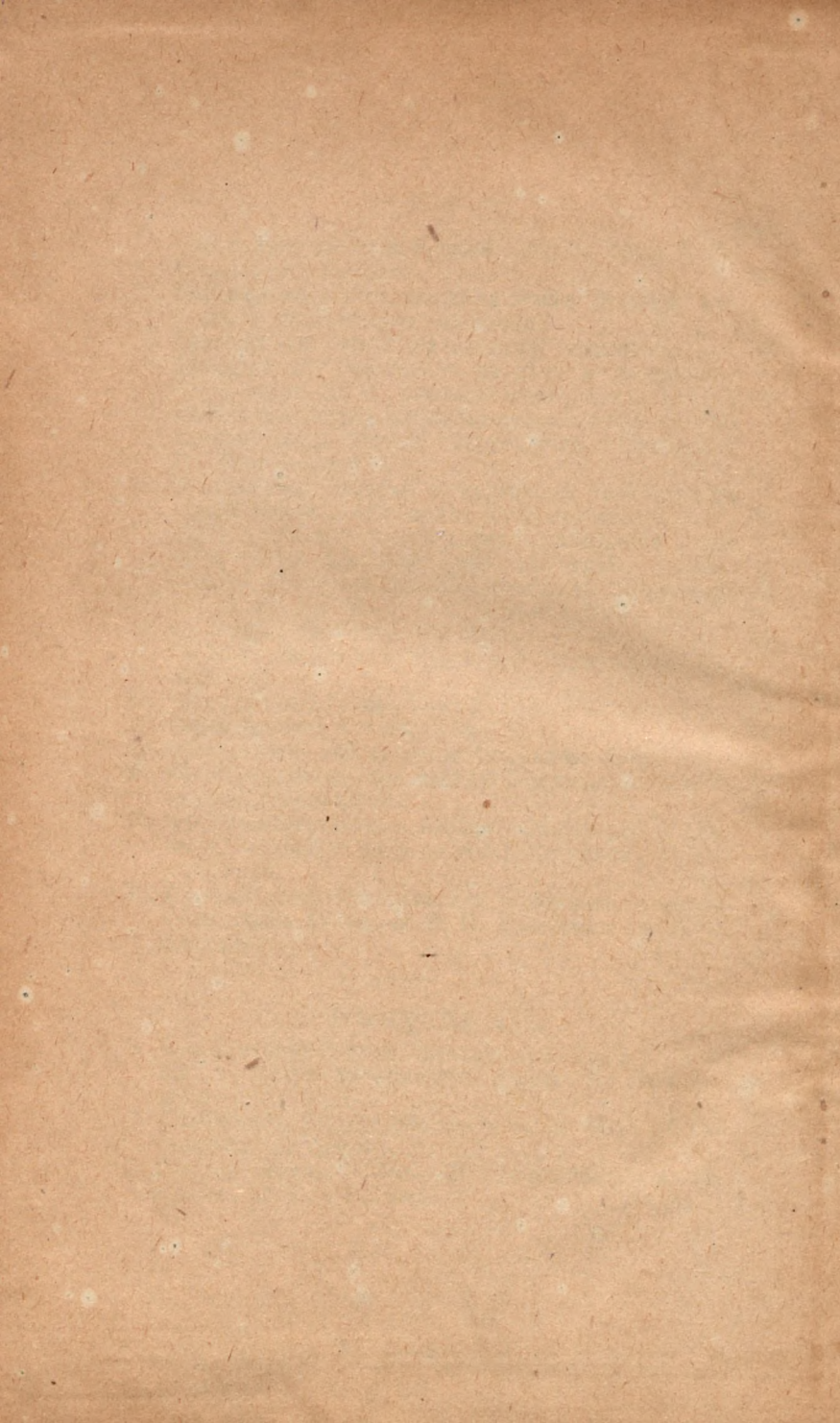
1. Ученіе отцовъ Церкви православной. Томъ II. Ученіе о жизни христіанской. Проф. В. Пѣвницкаго	30
2. Святые отцы церкви, ихъ жизнь и писанія. Томъ I. Составилъ С. Пономаревъ	30
3. Тоже—т. II.	30
4. Святитель Христовъ Стефанъ Пермскій.	20
5. Кіевъ. Его святыни и памятники. Проф. Петрова	30
6. Главнѣйшія событія русской исторіи. Томъ II. Составилъ А. Поповъ	30
7. Тоже—т. III.	30
8. Русская земля. Томъ III. Волга-матушка. Составилъ Н. Благовидовъ	40
9. Русская земля. Томъ IV. Приуральскій край. Составилъ П. Н. Лупповъ	30
10. Русская земля. Т. V. Очерки Малороссіи	30

	Коп.
5. Главнѣйшія событія русской исторіи. Томъ I. Составилъ А. Поповъ.	30
6. Подвижники и страдальцы за землю русскую. Составилъ священникъ Едлинскій	30
7. Преподобный Сергій Радонежскій чудотворецъ	30
8. Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность. Профессора И. И. Малышевскаго. Томъ I.	30
9. Никонъ святѣйшій патріархъ всероссійскій и основанный имъ Новый Иерусалимъ. Составилъ Г. Георгіевскій	30
10. Праздничныя службы и церковныя торжества въ старой Москвѣ. Составилъ Г. Георгіевскій.	30
11. Русская земля (природа страны, населеніе и его промыслы). Сборникъ для народнаго чтенія. Томъ II. Озерный край. Составилъ И. Поддубный.	30
12. Избранныя сочиненія А. С. Пушкина. Томъ II.	30
13. Избранныя сочиненія А. С. Пушкина. Томъ III.	30
14. Максимъ богачъ или судъ Божій. Протоіерея Наумовича	30
15. Герои древней Греціи. Томъ I. Сост. I. Сениговъ	30
16. Герои древней Греціи. Томъ II.	30
17. Практическое пчеловодство. Сочиненіе Кована	30
18. Сельскохозяйственныя бесѣды. Полеводство. Составилъ Ѳ. Тарапыгинъ	30
19. Сельскохозяйственныя бесѣды. Скотоводство. (Лошадь, корова, овца и свинья). Составилъ Ѳ. Тарапыгинъ	30
20. Сельскіе хоры. Сборникъ для школьнаго и народнаго пѣнія. Редакція В. И. Шемякина и В. И. Главача	75

Выпускъ III.

1. Ученіе отцовъ Церкви православной. Томъ II. Ученіе о жизни христіанской. Проф. В. Пѣвницкаго	30
2. Главнѣйшія событія русской исторіи. Томъ II. Составилъ А. Поповъ.	30
3. Русская Земля. Томъ III. Волга-Матушка. Составилъ Н. Бларовидовъ	40

Biblioteka im. Hieronima
Łopacińskiego w Lublinie

324100

T. 5

1000084398